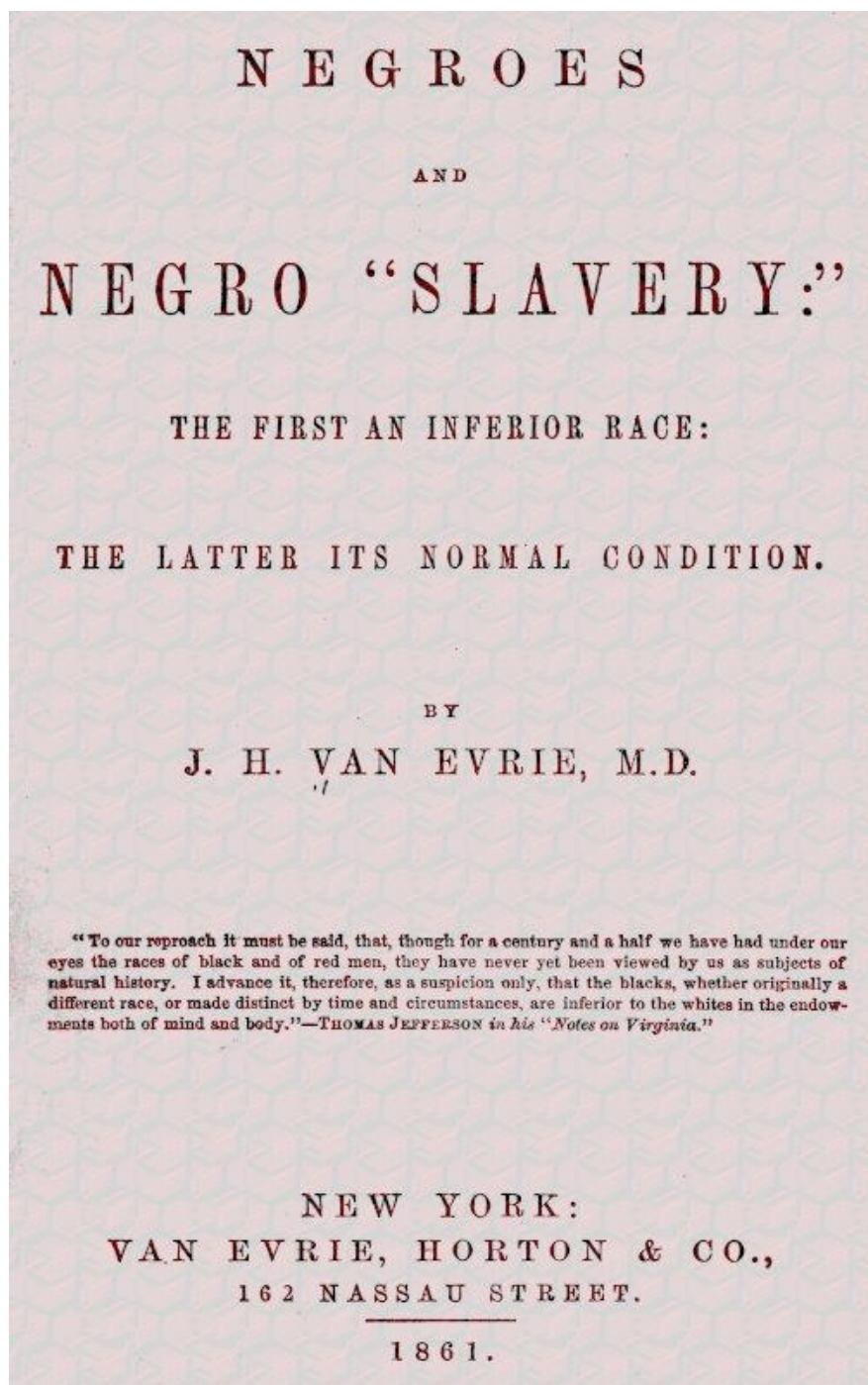

Негры и негритянское "рабство": первые - неполноценная раса, второе - ее нормальное состояние

Джон Х. Ван Эври

The Project Gutenberg eBook of Negroes and Negro "Slavery:" the first an inferior race: the latter its normal condition.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Негры и негритянское "рабство": первые - неполноценная раса: вторые - ее нормальное состояние.

Автор: Джон Х. Ван Эври

Дата выхода: 31 декабря 2019 [eBook #61063]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Ричардом Тонсингом, deaurider, и Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK НЕГРЫ И НЕГРИТЯНСКОЕ "РАБСТВО": ПЕРВЫЕ - НЕПОЛНОЦЕННАЯ РАСА: ВТОРЫЕ - ЕЕ НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ. ***

Примечание транскриптора:

Изображение обложки было создано транскриптором и является общественным достоянием.

НЕГРЫ И НЕГРИТЯНСКОЕ "РАБСТВО": ПЕРВЫЕ - НЕПОЛНОЦЕННАЯ РАСА: ВТОРЫЕ - ЕЕ НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ.

ДЖ. Х. ВАН ЭВРИ, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ.

"К нашему упреку следует сказать, что, хотя в течение полутора столетий у нас перед глазами были расы черных и краснокожих людей, они никогда еще не рассматривались нами как объекты естественной истории. Поэтому я выдвигаю лишь подозрение, что чернокожие, будь то изначально другая раса или ставшая таковой под влиянием времени и обстоятельств, уступают белым в умственных и телесных способностях" - Томас Джефферсон в *"Заметках о Виргинии"*.

NEW YORK:

VAN EVRIE, HORTON & CO,

162 NASSAU STREET.

1861.

В соответствии с Актом Конгресса, в 1861 г.

ДЖОН Х. ВАН ЭВРИ,

в канцелярии секретаря окружного суда Соединенных Штатов Америки по

Южный округ Нью-Йорка.

СОСТАВЛЕНО

Смит и Макдугал,

82 и 84 Бикман-стрит.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Со времени выхода в свет первого издания этой работы произошли поразительные и плачевные события. Великое "антирабовладельческое" заблуждение, зародившееся у европейских монархистов более пятидесяти лет назад, вылилось в воссоединение и гражданскую войну, как и предсказывали его авторы. Партия, сильно пропитанная ложными теориями и абсурдными предположениями британских писателей и обществ по борьбе с отменой рабства, находится в руках федерального правительства, которое она обязуется использовать, чтобы воплотить свои предположения в жизнь. Она считает, что негр, за исключением цвета кожи, такой же человек, как и они сами, и, естественно, имеет право на такую же свободу, что отказать ему в этой свободе - значит поработить его, что, следовательно, общество Юга неправильно и должно быть революционизировано, и она

объявляет своей миссией добиться этого - начать политику, которая окончательно отменит или уничтожит господство белого человека и обеспечит "беспристрастную свободу" для негров! На это Юг отвечает, что это правительство было создано только для белых людей и их потомства, как провозглашено в преамбуле Конституции, что Верховный суд недавно провозгласил ту же великую истину, что, захватив правительство простым голосованием по секциям и поставив его в явное противоречие с социальным строем Юга, с явной целью загнать в угол его негритянское население, что провозглашенная цель неизбежно предполагает их будущее уничтожение, и чтобы спастись от дикого заблуждения и злобного фанатизма Севера, они вынуждены, в порядке самозащиты, выйти из Союза, до сих пор, или пока эта враждебная и опасная партия не вышла на поле боя, столь выгодного для всех частей страны.

Так же обстоит дело и между секциями. Если партия "против рабства" основана на правде, если негр, за исключением цвета кожи, такой же человек, как и мы, если социальное подчинение негров неправильно, а четыре миллиона этих людей на Юге имеют право на ту же свободу, что и мы, и если люди, создавшие это правительство, задумали включить в него низшие расы этого континента, и если бы действительно было выгодно уравнивать и объединить этих негров, то, хотя в этом можно сомневаться, если бы использование общего правительства для достижения этой цели было правильным, *цель* была бы настолько благотворной и настолько превосходящей справедливость по отношению к этим предполагаемым рабам, что все честные, искренние и патриотичные граждане должны были бы незамедлительно поддержать партию, которая сейчас стремится к ее достижению. Но, напротив, если эта партия основана на чудовищной лжи - если негр является иным и низшим существом и находится в своем нормальном состоянии на Юге - и если люди, создавшие это правительство, предназначили его только для белых людей - тогда длина, ширина, ширина и глубина заблуждения "против рабства" и преступление партии "против рабства", которая развалила Союз в слепом крестовом походе за свободой негров, будут полностью осознаны американским народом. Таким образом, весь могущественный вопрос со всеми его огромными и безграничными последствиями упирается в простой на первый взгляд вопрос: *является ли* негр, за исключением цвета кожи, таким же человеком, как и мы, и, следовательно, имеет естественное право на такую же свободу?

Совершенно точно, что ни свобода, ни права, ни интересы ни одного жителя Севера не затрагиваются; ничего, кроме слепой и глупой теории "негритянского рабства", которую пытаются навязать Югу. Если бы жители двух великих частей страны могли поменяться местами, огромное заблуждение "против рабства" было бы взорвано за шестьдесят дней. Но так как это невозможно, следующим лучшим вариантом будет объяснить северному разуму реальное положение вещей на Юге. Эту большую работу автор предпринял не для того, чтобы защитить воображаемое рабство, ибо оно не нуждается в защите, а чтобы объяснить социальный порядок - продемонстрировать чувствам, а также разуму, что негр - существо иное и подчиненное, и в нормальном состоянии он находится на Юге; и таким образом показать огромную и бездонную глупость, преступление и нечестие, скрытые в великом "антирабовладельческом" заблуждении сегодняшнего дня. Предыдущее издание этой работы было выпущено в печать так поспешно, что содержало множество ошибок, но настоящее издание было тщательно пересмотрено; кроме того, вступительная глава была переписана, чтобы представить более отчетливую историю происхождения и развития великого британского "антирабовладельческого" самозванства, которое сейчас работает над своей законной и запланированной целью - разрушением Американского Союза.

В заключение автор хотел бы сказать, что литературная демонстрация или изящное письмо имеют для него второстепенное значение. Он желает только быть понятым, и чтобы великие и судьбоносные истины, описанные в этой книге, были ясно поняты массами, с уверенностью в том, что когда они поймут, что их собственная свобода, благополучие и процветание подвергаются опасности в слепом крестовом походе за тем, что, беспричинный и бессмысленный, но страшный секционный конфликт, бушующий сейчас, будет быстро прекращен всеобщим восстанием северных масс в пользу правительства БЕЛЫХ МУЖЧИН и СОЮЗА с Югом.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

ПРИЧИНЫ НАРОДНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ.

Страница

Европейское заблуждение о неграх - Монархическая враждебность к американским институтам - Самозванство или заблуждение Уилберфорса - Ложный вопрос о единой человеческой расе - Диктовка европейских писателей - Подчинение американского разума

17

ГЛАВА II.

ЗАКОНЫ ОРГАНИЗАЦИИ.

Разделение органического мира - каждая форма существования является самостоятельным творением - гармония в экономике животного мира - расы, специфически отличающиеся друг от друга - единый вид невозможен - заблуждения Линнея и других европейских натуралистов - заблуждение образованных людей по этому вопросу

34

ГЛАВА III.

СОЗДАНИЕ ЧЕЛОВЕКА.

Подразделения человечества - Различные расы людей - Характеристика каждой 44
- Кавказец - Монгол - Малаец - Абориген Америки - Остатки кавказцев в Мексике -
Эскимосы - Негритянская раса; ее происхождение; Наблюдения Ливингстона,
Гарта и других - Гибриды, спутанные с типичным негром - Догма о единой расе -
Человечество создано группами - Библейский аспект вопроса -
Несостоятельность сторонников теории единой расы

ГЛАВА IV.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

Происхождение кавказской расы - Библейские сказания - Вторжение в Египет 63
господствующей расы - Кавказцы в Ассирии, Персии и Вавилоне -
Происхождение монголов - Использование термина "варвар" - История греков -
Не авторы политической свободы - Афины не демократия - Римская республика и
империя - Гражданство как привилегия, Пришествие христианства - пришествие
демократии - Темные века - расы, которые играли роль в ту эпоху - крестовые
походы - азиатское вторжение - карфагеняне - арабы - падение Римской империи
- Реформация - все многочисленные разновидности белой расы, сведенные к
трем известным семействам, Кельтская, Тевтонская и Склавонская - Общий
обзор - Интеллектуальные способности белой расы одинаковы во все века -
Знание только прогрессирует - Низшие расы неспособны приобретать и
передавать знания - Китайцы не исключение

ГЛАВА V.

ЦВЕТ.

Причина цвета кожи неизвестна - цвет кожи европеоидов является показателем 88
характера; противоположный случай с негритянской расой - черный цвет кожи
является признаком неполноценности - неправильное использование термина
"цветной человек"

ГЛАВА VI.

ФИГУРА.

Различия в форме - негр не способен стоять прямо - другие признаки 92
неполноценности - относительное сходство оуранга с негром и кавказцем

ГЛАВА VII.

ВОЛОСЫ.

Волосы кавказцев и негров в сравнении - Борода кавказцев свидетельствует о превосходстве - Негры и другие расы не имеют такой ниспадающей бороды, как кавказцы 98

ГЛАВА VIII.

ОСОБЕННОСТИ.

Черты лица - истинное отражение внутренней природы - Различия в размерах, очертаниях, цвете лица и т. д. у европеоидов - Сходство негров между собой по размерам и внешности - Неспособность негритянских черт выразить эмоциональные чувства, свойственные европеоидам, и т. д., и т. п. 105

ГЛАВА IX.

ЯЗЫК.

Разделяется на две части - первая способность к выражению - вторая разделение на части речи - у всех существ есть язык, каждый специфический и соответствующий его организму - голосовые органы негра - ни один негр не может правильно говорить на языке белого человека - негров можно отличить по голосу - негр-музыкант неизвестен - музыкальный гений требует мозга соответствующей сложности - любовь негра к музыке просто чувственна и проявляется ногами в той же степени, что и мозгом 109

ГЛАВА X.

ОЩУЩЕНИЯ.

Организм органов чувств - их сила и острота у низших рас - объяснение причины негритянской праздности - необходимость управления негром - неспособность "свободного негра" производить достаточно для собственного обеспечения - его окончательное исчезновение просто вопрос времени - неспособность негра к высшим отраслям механизма - влияние порки на органы чувств негра и т. д. и т. п. 115

ГЛАВА XI.

МОЗГ.

Ошибочные представления о мозге - что представляет собой мозг - его размер как истинный критерий интеллекта - общая однородность мозга негра - его соответствие телу - его размер в сравнении с мозгом белого человека - глупость и нецелесообразность попыток уравнивать тех, кого Бог сделал неравными, и т. д. 123

ГЛАВА XII.

ОБЩЕЕ РЕЗЮМЕ.

Подведение итогов и обзор внешних характеристик негра - цвет кожи и т. д., рассматриваемый как всего лишь один факт из миллионов фактов, разделяющих расы - внутренние качества, обязательно соответствующие внешним - заключение 132

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА XIII.

ГИБРИДИЗМ.

Законы межсоюзничества, полностью объясненные - Фиксированный и четко определенный предел мулатства - Проституция на Севере и мулатство на Юге - Слияние и его последствия - Физиологические законы, управляющие мулатством и дворняжничеством - Состояние негров на Ямайке, в Хайти и т. д.-Негр, когда его изолируют, непременно возвращается к своему первоначальному варварству -Интеллектуальные различия между неграми и мулатами -Злобность и трусость мулатов -Низкий уровень жизнеспособности и т.д., и т. д. 143

ГЛАВА XIV.

РАБОТОРГОВЛЯ, ИЛИ ВВОЗ НЕГРОВ.

Общий обзор предмета - Абсурдность попытки цивилизовать Африку -
Приспособленность негра к тропическому труду - Лас Касас, негры и индейцы -
Как испанское правительство вело "работоторговлю" - Ее бесчеловечность в
практике голландцев и англичан - Преимущества первоначальной
"работоторговли" - Причина, по которой Англия так стремится отменить "рабство", и
т. д., и т. п.

168

ГЛАВА XV.

НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ НЕГРА.

Закон адаптации - естественное отношение людей к животным, родителей к
потомству, людей одного вида друг к другу - американские институты,
основанные на естественных отношениях, или естественном равенстве рас -
Политическое равенство - нормальный порядок белого человека -
Пренебрежение естественными отношениями в Европе - Подавление
естественного порядка - Результат применения силы для сохранения
существующего положения - Народное невежество в отношении отношений рас
- Соединение белых людей и негров - Естественная неполноценность и
социальное подчинение последних - Естественный, или необразованный негр
Африки в сравнении с цивилизованным негром Америки - свободный
негрионизм как социальная болезнь - социальное подчинение с защитой белого
человека - нормальное состояние негра

179

ГЛАВА XVI.

КАТТЕЛИЗМ.

Историческое рабство - его происхождение - его характер - все белые люди -
часто высокообразованные люди - их ничтожная зависимость от воли или
каприза владельца - их неспособность к саморазвитию - их восстановление в
гражданстве и т. д. - ничего общего с социальным подчинением негров в наше
время - промышленный потенциал негра - все, чем владеет хозяин - забота и
доброта хозяина - быстрое увеличение численности негров в их нормальном
состоянии и т. д.

204

ГЛАВА XVII.

ВОСПИТАНИЕ НЕГРОВ.

Воспитание негра должно быть в гармонии с его потребностями и умственными

215

способностями - глупость попыток воспитывать негра так, как мы воспитываем кавказца - негр всегда остается ребенком по интеллекту - обязанность хозяина подавать своему "рабу" хороший пример - подражательные способности негра ошибочно принимаются за интеллект и т. д.

ГЛАВА XVIII.

ДОМАШНИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ.

Любовь кавказской матери к своему потомству - относительная способность белых и черных детей - негритянка после определенного периода теряет всякую любовь или интерес к своему потомству - привязанность к своему хозяину - самое сильное чувство, на которое способен негр, и т. д. и т. п.

223

ГЛАВА XIX.

ЖЕНИТЬБА.

Идея о том, что брак не существует среди "рабов", противна уму северян - ее влияние на усиление антирабовладельческих заблуждений - женщины Новой Англии - их домашнее воспитание достойно восхищения - их заблуждение относительно фактов брака на Юге - их южные сестры - что такое брак? - не просто гражданский договор - естественные отношения - любовь негров импульсивна и капризна

233

ГЛАВА XX.

КЛИМАТИЧЕСКАЯ И ПРОМЫШЛЕННАЯ АДАПТАЦИЯ.

Как разделена Земля - Ее фауна и флора - Все организованные существа имеют свои центры существования, свойственные им самим - Нет такого явления, как создание одного и того же вида в разных центрах жизни - Чем более возвышен организм, чем меньше подвержен внешним обстоятельствам - Неспособность негров жить в северных широтах - Их жалкое состояние и быстрое вымирание в Канаде - Промышленная адаптация кавказцев к умеренным широтам - Почему труд белого стоит больше, чем труд негра на Севере - Промышленная адаптация негра к тропическим и тропикоидным продуктам - Абсурдность Ордонанса 1787 года - Приобретение южной территории всегда спасает Север от такназываемого негритянского рабства - "Расширение рабства" жизненно важно как для белых, так и для черных - Абсолютная необходимость негритянского труда в тропиках - Производство, а значит, и цивилизация, иначе невозможны

245

ГЛАВА XXI.

СЕВЕР И ЮГ - ЗАРОЖДЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ИДЕИ ПРАВЛЕНИЯ.

Прародители наших так называемых рабов, хотя и ввозились в основном на Север, в конце концов нашли свой путь на Юг - Разница между ранними колонистами обеих частей страны - Вирджиния в основном заселена кавалерами - Лидеры Юга - создатели и сторонники нашей нынешней системы правления - Присутствие негра в его естественном состоянии, способствующее равенству белых людей - Гармония южного общества - Интересы "рабовладельца", в его естественном состоянии, способствующем равенству белых людей - Гармония южного общества - Интересы "рабовладельца" и "нерабовладельца", хозяина и раба неразделимы - Присутствие негра в его нормальном состоянии - самое счастливое событие в жизни человечества и т. д. 270

ГЛАВА XXII.

СОЮЗ СЕВЕРНЫХ И ЮЖНЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ.

Антагонизм идей после принятия Конституции - два противоположных лидера, Гамильтон и Джефферсон, в кабинете Вашингтона - неправильная финансовая политика Гамильтона - британская система - законы об иностранцах и подстрекательстве - британская "свобода" - конфликт труда и капитала - производительные классы на Севере без лидеров - богатство и власть в руках федералистов - на Юге рабовладельцы были производителями - декларация г-на Джефферсона о том, что они были союзниками трудящихся Севера, верна. Декларация Джефферсона о том, что они были союзниками северных рабочих, верна - Резолюции Кентукки и Вирджинии 1798 года являются истинным выражением нашей федеральной системы - Гражданская революция 1800 года 293

ГЛАВА XXIII.

БУДУЩЕЕ НЕГРА.

Количество негров на континенте - "свободный" негр - невозможность для него жить жизнью белого человека - "свободные" негры Вирджинии и Мэриленда - недостаток "свободного" негритянского населения - его опасные элементы - его аморальный характер - его налог на трудящиеся классы - его окончательное исчезновение - рабство в Бразилии и на Кубе - деградация белого человека - социальная опасность - тропическая цивилизация - интеллект белого человека, 309

Состояние Ямайки - Белая кровь уничтожается - Тенденция британской системы заставлять негров становиться на запрещенный уровень с белыми людьми - Негритянские чиновники - посвящение негра в рыцари - Эффект юридического и социального равенства - Уничтожение белой расы в Вест-Индии лишь вопрос времени - Возвращение негров к савагизму - Хайти - Ужасные результаты британской политики борьбы с рабством - Африканское язычество в Америке

ГЛАВА XXIV.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Обзор темы - слияние с подчиненной расой породило новые идеи в главной расе 336 и сделало республиканскую свободу практически осуществимой - выгодный союз капитала и труда на Юге - южное большинство и северное меньшинство приобрели все территории, вели все сражения и управляли нацией на каждом этапе ее роста, начиная с ее основания и до настоящего времени - приобретение штатов Персидского залива обеспечило равные права для масс на Севере - окончательное приобретение Кубы, Центральной Америки и т. д., существенное для национального развития - продление так называемого рабства является жизненно важным законом национального существования и абсолютно необходимо для американской цивилизации

ГЛАВА I.

ПРИЧИНЫ НАРОДНОГО ЗАБЛУЖДЕНИЯ.

"Американское рабство", хотя и не имеющее фактического существования, - фраза, которую за последние сорок лет можно услышать чаще, чем *американскую демократию*; однако последняя является одной из великих держав Земли и призвана со временем произвести революцию во всем мире. Но в этом выделении *абстракции* и безразличия или кажущемся безразличии к величайшему *факту* современности проявляется широко распространенное и почти деспотическое влияние европейцев на американский ум. То, что здесь называют "американским рабством", - это *положение* негра в американском обществе - социальное отношение негра к белому человеку, которое, будучи в соответствии с естественными отношениями рас, спонтанно вытекает из потребностей человеческого общества. Белый гражданин выше, негр ниже; и, следовательно, когда бы или где бы они ни находились, человеческий закон должен соответствовать, как он соответствует на Юге, этим отношениям, присущим их организациям и навсегда закрепленным рукой Бога. И если бы Америка была изолирована от Европы - если бы то огненное море, которого когда-то желал мистер Джефферсон, действительно разделяло Старый Свет и Новый, и таким образом отделяло нас от умственных заблуждений и моральных извращений первого - тогда любые другие отношения, кроме тех, что сейчас характерны для Юга, были бы невозможной концепцией для американского ума.

Слова "раб" и "рабство" едва ли можно было услышать сто лет назад, как, впрочем, их не услышат и через сто лет; и до революции 1776 года жители Америки совершенно не осознавали этого могущественного "зла", которое сейчас так угнетает многие здравомыслящие умы, хотя это воображаемое рабство тогда распространилось на весь континент. Все новые сообщества отличаются определенным прогрессом в цивилизации по сравнению со старыми, какими бы грубыми ни казались первые в некоторых отношениях или какими бы ни были чрезмерные усовершенствования или кажущаяся утонченность вторых. Истина живет вечно - "вечны годы Божьи"; и все настоящие знания, весь истинный прогресс, достигнутый расой, сохраняется и переносится ею во все странствия, будь то от Нила до Тибра или от Темзы до Гудзона; а заблуждения, глупые традиции и порочные привычки, умственные и моральные, которые собираются вокруг нее и ослабляют, а иногда настолько перекрывают и скрывают истину, что делают ее бесполезной, остаются позади. Мы видим это даже в нашем собственном энергичном и прогрессивном обществе. Молодые государства - самые просвещенные государства; и Запад, какими бы ни были его потребности или предполагаемые потребности определенного класса, на самом деле более цивилизован, чем Восток. То сообщество, которое является наиболее процветающим, где есть наибольшее количество счастья, где есть относительно наибольшее количество независимых граждан, само по себе и по необходимости является наиболее цивилизованным; ибо цель существования, цель всепремудрого и благодетельного Творца - счастье для Его созданий - здесь наиболее полно выполнена.

И если мы рассмотрим историю этого континента и сравним характер первых колонистов, их историю и их влияние на нынешнее положение вещей, то обнаружим, что они оставались неподвижными ровно настолько, насколько цеплялись за идеи и привычки Старого Света; или продвигались к лучшему и более высокому состоянию ровно настолько, насколько отбрасывали эти влияния и жили в естественном согласии с обстоятельствами, которые их окружали. Испанские завоеватели часто были любимцами и фаворитами двора и всегда верными сынами церкви, и приносили с собой помпезность и суетность первых и строгие церковные предписания вторых. Когда Кортес и Пиццаро захватывали какую-нибудь провинцию, они с помпой демонстрировали титулы и достоинства императора перед удивленными дикарями и присоединяли огромные толпы "новообращенных христиан" к "Святой Церкви" с рвением и пылом, которым могли бы позавидовать Бичеры и Чиверы наших дней, но, конечно, не могли бы сравниться. Английские колонисты, напротив, почти все были недовольны или, во всяком случае, обвинялись в недовольстве родиной. Правда, это было замаскировано под религиозными убеждениями и угрызениями совести, но от этого не менее враждебно политическому порядку, при котором они так долго подвергались гонениям и страданиям. Поэтому, как только они оказались в Новом Свете и освободились от тирании Старого, они в значительной степени отказались от форм, как уже отказались от многих идей последнего. Они признали номинальный суверенитет материнской страны, точнее, короны; но с момента высадки в Джеймстауне, как и в Плимуте, все британские колонисты действительно управляли собой, принимали собственные законы, обеспечивали свою безопасность и, за исключением губернатора и изредка некоторых подчиненных чиновников, сами избирали своих правителей. Результатом стало соответствующее процветание; ведь дисциплина самостоятельности не только укрепила характер и вызвала более высокий уровень гражданственности у английских колонистов, но, отбросив привычки старых обществ и приняв те, что соответствовали окружающим их обстоятельствам, они вскоре продемонстрировали разительный контраст с испанцами и другими европейскими державами, которые придерживались идей и привычек Европы.

Но этот недостаток американского прогресса - эта цепляемость за привычки Старого Света, которая держала испанские и французские колонии в ничтожном подчинении материнской стране и которую Англия в более поздний период пыталась навязать своим колониям, - был не единственным препятствием на пути колонистов. Им противостояли дикие и свирепые дикари, оспаривавшие каждый шаг белого европейца; и хотя до обретения колониями независимости страна-мать объединилась с последними против первых, с момента начала военных действий в 1776 году и до окончания войны 1812 года интересы монархии и дикарей, можно сказать, были неразделимы и составляли общий барьер на пути республиканского движения. Действительно, это истина, подтвержденная всей историей прошлого и в равной степени обстоятельствами настоящего, что подчиненные расы этого континента - индейцы, негры, дворняги и т. д. - составляют материал, самый запас торговли, европейских монархистов, чтобы затруднить прогресс американских институтов; и в каждом случае, когда мы были вовлечены в индейские войны, та часть нашего народа, которая в своем невежестве и слепоте осуждала курс своего собственного правительства, была бессознательным инструментом врагов своей страны, и в своей болезненной сентиментальности и глупости они пытались препятствовать прогрессу американской цивилизации. Монархия состоит в искусственном разделении на королей, дворян, крестьян и т. д., или же она может быть определена как правление классов одной расы, и, в силу внутренней необходимости своей организации, она вынуждена вести войну с естественным различием рас. До начала Американской революции не было необходимости призывать на помощь негров или индейцев, чтобы подавить свободу белого человека. Колонисты, как уже было замечено, были практическими республиканцами и в значительной степени управляли собой; но они не подвергали сомнению европейскую систему или теорию монархизма. Однако когда они сделали это в великой декларации мистера Джефферсона о том, что все люди (имея в виду, конечно, его собственную расу) созданы свободными и равными, британские монархисты инстинктивно и, более того, неизбежно, прибегли к средствам, имеющимся под рукой у подчиненных рас Америки, чтобы деморализовать и разрушить эту бессмертную истину. Один английский судья, предвидя грядущее восстание американцев, уже постановил, что "рабство", или социальное подчинение негра белому человеку, является результатом муниципального права - создания *lex loci*; и хотя это было сделано на языке, который ввел в заблуждение огромное количество людей, его техническая, а также абсолютная ложность очевидна, если вспомнить, что такого "закона" никогда не существовало, ни сейчас, ни в любое другое время, в истории Америки, от Канадских озер до мыса Горн. Но он послужил основой и точкой опоры для того широко распространенного самозванства и всемирного заблуждения, которое с тех пор так омрачило страну и, при самых благих намерениях, так запутало самих американцев в слепой войне против прогресса, процветания и цивилизации их страны и континента. Во время семилетней войны, которая велась для подавления восстания колоний, Англия субсидировала дикие индейские племена везде, где это было возможно; а в последующей войне 1812 года ее агентам частично удалось объединить всех дикарей на нашей западной границе под предводительством Текумсеа с целью навсегда отгородить нас от страны к западу от Миссисипи. Результатом этого чудовищного союза европейских монархистов и американских дикарей, направленного на то, чтобы дать отпор наступающей цивилизации Нового Света, сдержать и, если возможно, победить и свергнуть республианизм, стало уничтожение и почти полное истребление североамериканских индейцев. Кампании генерала Джексона во Флориде, как и кампании Гаррисона на Западе, и, в определенной степени, даже более поздняя Семинольская война - все они были вызваны теми же причинами, открытыми или тайными интригами британских агентов, стимулировавших дикарей к сопротивлению продвижению американской цивилизации. Не было ничего

похожего и на прежние состязания агентов Англии и Франции по привлечению помощи дикарей друг против друга; ведь как бы ни было отвратительно и незаконно для людей одной расы использовать подчиненные расы против своей крови, они боролись за обладание континентом, и все средства, несомненно, казались законными, которые должны были принести им победу. Но в данном случае это была война против американизма - против нового порядка политического общества - против системы, основанной на принципе полного антагонизма к монархизму, и если позволить ей развить свои законные результаты, вырасти в новый и более великий порядок цивилизованного общества, чем тот, который когда-либо наблюдал мир, то прогнившие и износившиеся системы Европы были обречены на определенное и, возможно, скорое свержение. Правда, используемые агенты не знали этого - более того, их европейские хозяева, возможно, не понимали заложенных в них принципов; но инстинкт самосохранения, инстинкт, присущий враждебным системам, заставлял их идти вперед, а цели, которых нужно было достичь, или последствия успеха всегда были слишком очевидны, чтобы ошибиться. Но их дикарские инструменты были уничтожены в ходе конфликта, в тех целях, для которых они были применены их европейскими союзниками; и какова бы ни была дальнейшая судьба аборигенов в Испанской Америке, североамериканские индейцы практически уничтожены. Несколько диких племен на западе и юго-западе, чьи средства для сохранения существования с каждым днем становятся все меньше, все еще остаются, и некоторые остатки полукцивилизованных племен, которые гибнут еще быстрее, чем первые, можно найти на нашей западной границе; но время, когда они полностью и абсолютно вымрут, возможно, не за горами.

Что могло бы быть, бесполезно предполагать; но мнение определенного класса сентименталистов среди нас, что мы сделали индейцу большое зло, и что, если бы мы относились к нему с добротой и справедливостью, он мог бы стать цивилизованным и частью нашего постоянного населения, конечно, абсурдно; ибо оно основано на той глупой догме о единой расе, которую Европа навязала американскому уму, и которая предполагает, что индеец, как негр и т.д., имеет ту же природу, что и они сами. Не заслуживает внимания и мнение других, что индеец неспособен к цивилизации и потому обречен уступить перед натиском белого человека; ведь это подразумевает парадокс создания без цели, а такое предположение не стоит принимать ни на минуту; ведь самые незначительные существа в низших формах органической жизни имеют свое применение, и человеческое существо, несомненно, было создано не напрасно. Простая истина заключается в том, что мы должны знать, что на самом деле представляет собой индеец, его истинную природу и истинные отношения с нашей собственной расой, а затем, как мы уже делали в случае с негром, адаптировать социальный и государственный механизм к потребностям обеих рас. Но это занятие и последующее уничтожение индейцев Америки монархистами Европы, хотя и часто причиняло большое временное зло нашим пограничным поселениям, ничуть не замедлило наш прогресс, и Англия, в какой-либо заметной степени, не преуспела в своих целях. Теория или догма о единой расе, которую ее писатели и публицисты выдвинули во времена революции, привела, однако, к огромным практическим результатам как в Европе, так и в Америке. Доктрины Американской революции, как и предвидели британские государственные деятели, вскоре стали общепризнанными во Франции и грозили опрокинуть монархию на всем континенте, да и в самой Англии. Доктор Джонсон, Уилберфорс, Питт и все великие писатели и лидеры Англии, естественно, приняли идею о том, что индейцы, негры и т.д. были такими же людьми, как они сами, за исключением цвета кожи, культуры и т.д.; но они были вынуждены, в силу необходимости их системы и сохранения монархических институтов, реализовать эту теорию на практике в максимально возможной степени, и таким образом отвлечь внимание угнетенных белых людей от их собственных несчастий, постоянно демонстрируя им *воображаемые* несчастья

"американских рабов". Они говорили: "Правда, у вас, рабочих Йоркшира и рабочих Бирмингема, тяжелая жизнь, жизнь в постоянном труде и лишениях; но вы - свободнорожденные англичане и сами себе хозяева, и во всей Англии нет ни одного раба; В то время как в Америке, в этой так называемой стране свободы, где нет ни короля, ни знати, ни закона о первородстве и где теоретически провозглашено, что все люди созданы свободными и равными, одна шестая часть населения - рабы, настолько ничтожные и жалкие, что их продают на общественных рынках, как лошадей и волов. Что же такое ваши притеснения или несправедливость по сравнению с американскими рабами? Или что такое зло или несправедливость монархии по сравнению с мрачными и проклятыми преступлениями американской демократии, которая таким образом в эти просвещенные времена обрекает одну шестую часть населения на открытое и неприкрытое рабство?" Таков был аргумент британских писателей, и он был неопровержим, если бы опирался на факты - если основание было истинным, то вывод, конечно, был неизбежен. Если бы так называемый американский раб был создан свободным и равным своему хозяину, то все, что утверждали британские писатели, было бы вполне правдой, а американское рабство по сравнению с британской свободой - или тем, что выдавалось за таковую в Йоркшире и Бирмингеме, - было бы ошибкой, настолько глубокой, проклятой и бездонной, что никакие слова нашего языка не смогли бы выразить ее чудовищность. Как было ответить на этот аргумент бедному, невежественному и беспомощному рабочему или даже его защитникам - Фоксу, Шеридану и другим либеральным лидерам того времени? Они и не пытались. Они признавали, что "американское рабство" - это то, в чем его обвиняли, что это несправедливость и зло, неизмеримо большее и более жестокое, чем любое из тех, против которых восстал народ Франции или от которых страдали массы в Англии; но они надеялись, что великий принцип Американской революции достаточно силен, чтобы преодолеть эту несправедливость и со временем "отменить рабство", и что свобода станет всеобщей среди американцев. Действительно, некоторые из тех, кто был самым преданным верующим в великую американскую доктрину, как в Англии, так и во Франции, были так болезненно впечатлены кажущейся несправедливостью, причиненной негру, что они в значительной степени потеряли интерес к реальным несправедливостям белого человека и посвятили все свои усилия первому. В Лондоне и Париже создавались общества, вносились средства, издавались книги, распространялись трактаты и заключались обширные соглашения с единственной целью - избавить "американского раба" от надуманных обид, которые на него возлагались; а их общества, эти "Друзья негров", которым покровительствовали Робеспьер и другие вожди народа и которые были созданы почти в каждом городе Франции и Англии, популяризировали это движение и так отождествили воображаемое дело негра с делом европейских масс, что и по сей день они, без сомнения, кажутся неразделимыми. И даже в наше время мы стали свидетелями печального зрелища, когда английские рабочие жертвовали свои жалкие гроши на прославление какого-нибудь героя или героини аболиции по образцу "Дяди Тома", в прискорбном заблуждении, конечно, что эти слепые орудия врагов свободы были верными защитниками общего дела, когда на самом деле они были гораздо опаснее для этого дела, чем открытые и заклятые друзья деспотизма. Но эта естественная ошибка друзей свободы в Европе, это невежество и неправильное представление о природе негра и его отношениях с белым человеком, которое заставило Фокса в Англии и Робеспьера во Франции спутать дело угнетенных толп их собственной расы с мнимыми интересами негров, как это ни было и ни есть, была превзойдена еще более коварным и более обширным влиянием. Уилберфорс, который, как никто другой, придал форму и направление великому "антирабовладельческому" заблуждению современности, был чрезвычайно благочестив - так, как благочестие принято в значительной части религиозного мира. По форме он был епископалом, но на деле - преимущественно пуританином; и, хотя он, несомненно, был

искренен в своих убеждениях и совершенно правилен в своих религиозных привычках, он был одним из самых законченных фанатиков, религиозных, политических и социальных, которых когда-либо видел мир. Принадлежа к правящему классу и обладая значительным состоянием, он считал, что его собственный *статус* является точкой отсчета, а он сам - образцом для управления обществом, и поэтому так же упорно и яростно выступал против любых перемен в Англии или любых реформ в английском обществе, как и искренне старался облегчить "страдания рабов" в Америке. За свою сорокалетнюю государственную карьеру в качестве члена парламента он ни разу не подал голос против любого расширения народной свободы или любых изменений, направленных на улучшение положения белых масс, и столь же неуклонно и единообразно стремился "возвысить" негра до *статуса* английского рабочего или, во всяком случае, способствовать окончательной "отмене рабства", свидетелем которой ему самому, однако, не суждено было стать в британских владениях Америки. Но в течение всего времени он рассматривал этот вопрос скорее как религиозный, чем как политический, и уже в ранний период наложил на него свой отпечаток. Идентифицированный с Церковью, по всем своим взглядам принадлежавший к партии Высокой Церкви - в основном к той, которую за два столетия до него исповедовал архиепископ Лауд, - по рождению и ассоциации связанный с земельной аристократией, он тем не менее отличался практическим благочестием, за рвение и преданность своим религиозным обязанностям, которым могли подражать, но не могли превзойти самые ревностные диссентеры и евангелисты. Это был как раз тот человек, который мог наложить отпечаток на великое движение своими особенностями, и "дело против рабства" стало делом религии, а также свободы в религиозном мире. Оно не ограничивалось только "американскими рабами"; оно охватило весь мир язычества, и возник религиозный крестовый поход, который в итоге стал более масштабным и, в некоторых отношениях, более постоянным, чем великое политическое движение, начатое Джефферсоном за несколько лет до этого. И если бы сам Отец лжи, Люцифер, разработал план или схему сокрытия великой истины и позора для великого дела, он не смог бы осуществить ничего более эффективного, чем движение, которое Уилберфорс открыл для исповедуемого блага негров и других низших рас человечества, которое, прикрываясь религиозным долгом и взывая к совести, любви к прозелитизму, энтузиазму и даже фанатизму религиозного мира, вот уже более полувека держит в плену как совесть, так и разум христианства. Робеспьер и другие покровители "*Друзей нуара*" могли лишь представить общее дело, ту "всеобщую свободу", которую они объявили правом всех людей по рождению, и что лучше пусть случится любое мыслимое бедствие, чем погибнет этот "великий принцип"; Но когда долгом каждого христианина, каждого последователя Христа и профессора религии стало трудиться и молиться за "освобождение раба", тогда пробудилась сила, которой ничто не могло противостоять, ибо труд в этом деле стал непосредственным и священным долгом. Были организованы миссионерские общества, миллионы людей в Европе и Америке жертвовали деньги, полные энтузиазма мужчины и женщины предлагали свои услуги, даже детей учили отдавать свои карманные деньги на такое святое дело, как освобождение "раба", в то время как все это время бесчисленные толпы людей их собственной расы, их крови, тех, кого Бог создал равными себе, наделил такими же способностями, инстинктами и потребностями и поэтому предназначил для такого же счастья, как и они сами, оставались корчиться в полуночной тьме и в унижительном страдании.

Это не означает, что миссионерские усилия подвергаются недоброжелательной критике. Напротив, откровенно признается, что они проистекали из самых искренних убеждений и, как правило, осуществлялись с полным пренебрежением к эгоистическим и корыстным соображениям; но, не понимая разнообразия рас, эти усилия скорее приносили вред, чем пользу. Первоочередные обязанности человека - это забота о собственном доме; и никакое

количество или степень выгоды, предоставленной чужакам, не может оправдать его пренебрежения к первому; и даже если "язычники" - негры, индейцы и жители Сандвичевых островов - получили пользу от усилий Уилберфорса и его последователей, пренебрежение к невежественным, омраченным и несчастным миллионам представителей их собственной расы было ошибкой, которой едва ли найдется аналог в истории. Но они не принесли пользы подчиненным расам, а, напротив, приняв их за *существ, подобных себе*, в то время как они были совершенно другими существами, они неизбежно нанесли им вред; а если вспомнить, что они не только пренебрегли невежественными и униженными толпами своей собственной расы, но и подняли ложный вопрос, чтобы отвлечь внимание и скрыть несчастья своего собственного народа, то было совершено преступление, не имеющее себе равных.

Правительство Англии, которое является просто воплощением того класса, к которому принадлежал Уилберфорс, действовало в согласии с этими религиозными усилиями; Таким образом, мы видим лидеров народного дела в Старом Свете, Фокса и Робеспьера, церковь и аристократию, действующих вместе в общем деле и работающих, по сути, над замедлением прогресса и освобождения миллионов и миллионов представителей своей собственной расы, под предлогом и, несомненно, со многими, в убеждении, что они работают на благо негров и других подчиненных рас. Правительство потратило около тысячи миллионов, чтобы подавить американскую свободу в 1776 году; но вполне вероятно, что почти такая же сумма, потраченная на исповедуемое благо негров, достигла гораздо большего, чем все остальные вещи вместе взятые, чтобы отсрочить освобождение ее собственных масс. Было подсчитано, что шестьсот миллионов были потрачены номинально на прекращение работорговли, но в действительности на извращение естественных отношений рас и принуждение подчиненного негра к *статусу* британского рабочего. Проценты по этой огромной сумме ежегодно взимаются с пота и труда английских масс; и каждая хижина и коттедж на Британских островах вынуждены отдавать часть своей ежедневной пищи или ежедневного заработка своего владельца, чтобы выплатить проценты по деньгам, растраченным на негров в Америке! Сумма, выплаченная таким образом, при правильном расходовании была бы вполне достаточной для того, чтобы дать хорошее английское образование всему рабочему классу; но это было бы непомерным бедствием для правящего класса, который не смог бы сохранить свою власть ни на один день после того, как массы были бы таким образом просвещены.

Несколько лет назад голод и мор пронесли по Ирландии, унеся около трех миллионов ирландцев, и все они могли бы быть спасены, если бы ежегодная сумма, тратящаяся на негров в Америке, была направлена на эту благотворную и законную цель. В самом деле, вполне возможно, что если бы деньги, выжимаемые из пота и труда одних только ирландцев ради мнимого блага негров, были направлены на облегчение страдающих толп этого несчастного народа, то немногие из них действительно погибли бы. Залог тел и душ будущих поколений британских рабочих с заведомой целью "сделать добро" неграм, как бы ни была огромна эта сумма - а она оценивается в тысячу миллионов долларов - это лишь часть огромных растрат и массового уничтожения имущества, связанных с британской политикой "Свободных негров" или так называемыми филантропическими схемами. Фермы и плантации на Ямайке и других островах, которые до "эмансипации" оценивались в пятьдесят тысяч фунтов, впоследствии с трудом продавались по десять и даже пять тысяч фунтов; а обширные районы и вовсе были брошены их несчастными владельцами. Позорная система мошенничества и бесчеловечности, практикуемая в последние годы в отношении невежественных и простых китайцев и других азиатов, позволила некоторым плантаторам вернуть и восстановить свои растраченные и разграбленные поместья; и гнусные лицемеры, наполнившие мир своими горестными причитаниями о горестях Африки, не только

подмигивают на это бесконечно большее зло, практикуемое в отношении азиатов, но и прибегают к сопутствующим ему *последствиям* в качестве доказательства того, что эмансипация не разрушила эти прекрасные острова! Могут ли наглость и лицемерие превзойти, да и превзошли ли они когда-нибудь, это бесстыдное мошенничество? Но эта новая и гораздо более жестокая система "кражи людей" - переходная и временная. Монголы или азиаты быстро вырабатываются и уничтожаются в Вест-Индии; и, поскольку там нет женщин, они никогда не смогут стать существенным или постоянным элементом населения.

Негр, вынужденный покинуть свое нормальное состояние и вступить в противоестественную связь с белым человеком, должен вернуться к своим африканским привычкам так же быстро, как исчезает белый элемент; а поскольку последний относительно слаб, скоро должно наступить время, если мы не завладеем им и не восстановим естественный порядок, когда сама цивилизация полностью погибнет, а великое сердце континента будет отдано на откуп африканскому савагизму! Вечные и незыблемые законы, навеки заложенные в сердце и организме вещей, не могут быть изменены или модифицированы человеческой глупостью, мошенничеством или властью; поэтому климат, почва, продукты и *средства*, которые, по указанию Всевышнего, должны использоваться для того, чтобы сделать их способными к человеческому благосостоянию, имеют свои фиксированные и вечные отношения с начала времен. Мозг белого человека и мускулы негра, разум высшей и тело низшей расы, находящиеся в естественной связи друг с другом, являются жизненными принципами тропической цивилизации, без которых так же невозможно существование цивилизации в великом центре континента, как невозможно существование растительности из гранита или животных без атмосферного воздуха; и, следовательно, вытеснение негра из его естественной сферы в неестественные отношения с белым человеком неизбежно разрушает последнего и загоняет другого в присущий ему и исконный африканизм.

Заблуждение, глупость или мошенничество Уилберфорса и его единомышленников, представивших ложный вопрос своим собственным обиженным и угнетенным миллионам и таким образом отвлекших их внимание от собственных притеснений на мнимые страдания негров и других подчиненных рас, настолько трансцендентно, его масштабы настолько огромны, что в нашем языке нет терминов, способных выразить их; Но как бы ни было велико и ужасно это зло, причиненное белому человеку, в некоторых отношениях оно действительно превосходит зло, если не зло, причиненное негру. Считается, что более миллиона негров погибли в результате мер, принятых для подавления работорговли; и теперь признается, что эти попытки не предотвратили ввоз ни одного негра! Мир нуждался в продуктах тропиков; для производства этих продуктов требовался труд определенного количества негров; и поэтому, когда на Кубе требовалось пятьдесят тысяч, восемьдесят тысяч отправлялись на африканское побережье, оставляя тридцать тысяч, которые могли быть уничтожены вмешательством в законы спроса и предложения. Кто может смотреть на эти ужасающие результаты без трепета, печали и жалости не только к жертвам, но и к авторам такого широкомасштабного и безграничного бедствия. Крестовые походы Средневековья сегодня признаны совершенно беспочвенными - простыми человеческими заблуждениями, в которых миллионы жизней были принесены в жертву не идее, а ложному предположению - предположению, что Гроб Господень может быть восстановлен в Иерусалиме. Крестовый поход "человечества" в защиту подчиненных рас, организованный Уилберфорсом и его единомышленниками в наши дни, - это тоже простое заблуждение, основанное на ложном предположении, предположении, что негры - это *черно-белые* люди или такие же люди, как мы, и хотя оно не столь фатально для человеческой жизни, как первое, его последствия или влияние на благосостояние людей гораздо и неизмеримо более плачевны.

Таково великое "антирабовладельческое" заблуждение нашего времени. Оно полностью европейское и монархическое по своему происхождению; и если отбросить все другие соображения, то само его существование среди нас или то, что значительное число американцев может быть настолько заблуждающимся и умственно настолько деградировавшим, чтобы принять его, будет поражать потомство до самых последних поколений. Мы общаемся с негром, мы видим, что он негр - существо, отличное от нас. Мы не станем - даже самый заблуждающийся аболиционист не станет в своем случае или в своей семье действовать, исходя из предположения, что он - такое же существо, как и он сам; более того, он предпочтет, чтобы его ребенка унесли в могилу, чем вступать в брак с негром, каким бы богатым, культурным и благочестивым он ни был; и вместо того чтобы таким образом воплотить в жизнь свою исповедуемую веру, он предпочтет смерть всей своей семьи. Европейец же, напротив, вполне естественно полагает, что негр отличается только цветом кожи; и монархист - враг демократии - человек, выступающий против великого принципа равенства, лежащего в основе нашей системы, - столь же естественно требует, чтобы мы были последовательны и применяли его к неграм. Но вместо того, чтобы просветить это европейское невежество и возмущенно отвергнуть эту монархическую наглость, которая предлагает нам унижить нашу кровь и разрушить наши институты, включив подчиненную расу в нашу политическую систему, мы глупо, нечестиво и подло согласились с европейским предположением, и миллионы американцев основывают свои рассуждения и, в определенной степени, свои действия на этой очевидной, фундаментальной и чудовищной лжи. Разумеется, те части страны, которые находятся под ментальной диктовкой Старого Света, в наибольшей степени поддались этому заблуждению, но почти весь северный разум принял его как ментальную привычку. Однако пришло время, когда его нужно взорвать и вернуть людям *разум*, иначе оно потянет за собой последствия и бедствия, о которых страшно даже подумать. Восемьдесят лет назад это была абстракция, с которой все соглашались, но столь же повсеместно отвергали на практике; ибо все штаты, кроме одного, признавали тогда юридическое подчинение негров как социальную необходимость, каковы бы ни были умозрительные представления на этот счет. Они, как правило, верили, что каким-то неопределенным или таинственным образом негр исчезнет - или, скорее, исчезнет; и поскольку промышленные способности этого элемента населения не были специально приспособлены к нашей тогдашней территории, все, возможно, были готовы надеяться, что когда-нибудь он исчезнет. Но обширные территории Юга, открытие и открытие новых каналов промышленности, широкое культивирование этих великих основных продуктов питания, столь необходимых для благосостояния человечества, которые могут быть достигнуты на этом континенте только трудом негров под руководством белого человека; Кроме того, быстрый рост численности этого населения и уверенность в том, что оно навсегда останется одним из элементов нашего населения, требуют разоблачения этого могущественного заблуждения, поскольку на самом деле оно является самым гнусным и постыдным обманом свободы, достоинства и благосостояния миллионов белых людей, когда-либо наблюдавшим с начала существования мира.

ГЛАВА II.

ОБЩИЕ ЗАКОНЫ ОРГАНИЗАЦИИ.

Органический мир делится на два больших отдела, животный и растительный, или на одушевленные и неодушевленные существа. В отношении растительного царства, как его называют, нет необходимости говорить ни слова; тем, кто желает получить глубокие знания о животном мире, лучше начать изучение с более элементарных и простых форм растительного бытия. Многие полагают, что все одушевленное существо связано между

собой связными или непрерывными градациями. В определенном смысле так оно и есть; тем не менее, при абсолютном рассмотрении каждое семейство или форма существа представляет собой законченное и независимое творение. Есть сходство и приближение, а также градации, но каждая из них совершенна сама по себе и составляет целый мир. Всемогущий Творец в Своей бесконечной мудрости предусмотрел случайность, или несчастный случай, или человеческий каприз и поместил каждое из Своих творений в положение такой абсолютной независимости, что одно из них, а может быть, и несколько, может полностью погибнуть, но красота и гармония природы останутся неповрежденными. Несомненно, что некоторые виды животных, принадлежащие к существующему порядку, полностью исчезли, и вполне вероятно, что некоторые виды людей вымерли; но великая экономика природы от этого не пострадала. Считается, что аборигены этого континента со временем полностью вымрут, и все же никто не предполагает, что это событие нарушит работу природы или испортит прекрасную форму творения. Это показывает, что не существует непрерывной или связующей связи даже между видами одного семейства или вида. Если бы они существовали - если бы все формы жизни были непрерывными и связующими градациями, - то очевидно, что разрушение одного из этих связующих звеньев привело бы всю экономику бытия в полное замешательство. В часах или любом другом сложном механизме, созданном человеком, одно колесо, шестеренка или звено, пусть даже незначительное, сорванное со своего места, приводит к нарушению, если не к полному разрушению, всей машины. Так и в экономике индивидуальной жизни, ибо, хотя один орган может быть выведен из строя, другой, в определенной степени и на определенное время, заменяет его; однако жизненные силы ослабевают с момента такой аварии, и жизнь если не прерывается, то всегда нарушается. Но вид, род, класс, возможно, даже множество видов, могут исчезнуть, полностью исчезнуть из существования, а оставшиеся сохраняют целостность и завершенность, которыми их наделил Творец в самом начале. Таким образом, хотя каждая форма жизни совершенна сама по себе и не зависит от других, в ней есть сходства и приближения, которые следует рассматривать как жизненно важные.

Натуралисты разделили органический мир на классы, порядки, роды, виды и разновидности. Классы - это такие животные, как млекопитающие (mammalia), то есть все животные, у которых самка питает свое потомство молочными железами. К порядкам относятся четвероногие - все те, у кого четыре руки. Род или семейство состоит из видов, а вид включает в себя разновидности или возможные разновидности одного и того же существа при различных обстоятельствах. Но эти классификации в значительной степени произвольны; и хотя они служат цели облегчения наших исследований, они также могут сбить нас с пути, если им слишком строго следовать. Роды или семейства, по крайней мере во многих случаях, поддаются очень точным определениям. Так же, как и виды. Например: Simiadae, или обезьянье семейство, настолько совершенно, что их нельзя или не нужно путать ни с чем другим. Некоторые невежественные или поверхностные люди, имея ложное представление о непрерывных и связующих градациях, считали негров чем-то средним между людьми и животными. Но в природе нет такой чудовищности, ибо, как уже отмечалось, каждая форма бытия сама по себе является полным и независимым творением. Род состоит из определенного числа видов, все они отличаются друг от друга и, не нужно повторять, независимы друг от друга. Считается, что эти роды не способны объединяться с другими родами, хотя в некоторых случаях это подвергается сомнению. Виды способны к ограниченному объединению, хотя можно сомневаться, что такое объединение когда-либо происходит в диком или дикарском состоянии. И поскольку каждый вид отличается по форме и характеру от других, ограниченная способность к слиянию варьируется, или, другими словами, гибриды - продукт разных видов - различаются по своей вирильности или способности к размножению. Определенное число видов, из которых состоит род,

поднимается или опускается по шкале бытия, то есть в родовом столбе есть голова и основание. Вид, стоящий выше самого низшего, обладает всеми качествами последнего, но эти качества имеют более полное развитие, то есть организация более развита и соответствующие способности более высокого порядка. И действительно, это относится не только к отдельным видам или родам, но и к широко разделенным существам. Так, возвышенная и элегантная кавказская мать - обительница Пятой авеню или Сен-Жермена - питает свое потомство с помощью того же процесса, который характерен для самых простых млекопитающих. Так же и в процессе беременности, функции жевания, деглютизации, пищеварения, чувства вкуса, зрения и т.д. - функция абсолютно та же, но какая разница в способе ее проявления, что отличает человека от животного!

Исследования, проведенные некоторыми французскими физиологами, казалось бы, должны показать, что загадочная проблема животной жизни может быть упрощена и четко понята человеческим интеллектом, если просто проследить этот великий факт до его элементарных истоков. Говорят, что зародыш (кавказский) *foetus* проходит через все формы бесчисленного множества низших градаций, прежде чем достигнет своего собственного специфического развития. И как бы то ни было, кажется, достаточно установлено, чтобы продемонстрировать истинность этого утверждения в отношении рода или семейства, и особенно это заметно на примере человека. На определенной стадии фетального развития проявляется череп негра, затем аборигена Америки, малайца, монгола и, наконец, широкое расширение и овальное совершенство самого совершенного из всех, высшего европеоида. Эти демонстрации также не могут быть ошибочными, поскольку дело не только в размере, но и в форме. Мозг негра маленький и продольный, что приближает его к мозгу симианов и других животных. У аборигенов он больше и четырехугольный, почти квадратный в общих чертах. Монгольский - пирамидальный, и все равно крупнее всех остальных. Наконец, в период полного созревания наблюдается полное и законченное овальное развитие, свойственное только кавказцу. Сила этих различий может быть легко понята ненаучным читателем, если он будет помнить, что женщина любой из этих рас или видов может родить ребенка с черепным развитием расы, отличной от ее собственной, не больше, чем она могла бы родить ребенка от низшего животного. Природные различия или границы, отделяющие виды друг от друга, абсолютно непроходимы; на каждом из них навсегда отпечаталась рука Вечного, которую ни случай, ни время не могут изменить ни в малейшей степени. Правда, они обладают ограниченной способностью к союзу, и мы иногда наблюдаем отвратительное зрелище белой женщины с так называемым негритянским мужем. Но хотя потомство от этой противоестественной связи ограничено по количеству, оно обладает природой обоих родителей, и поэтому рождение становится возможным, хотя и ценой больших физических страданий для матери и, возможно, в каждом случае сокращая ее существование. В другом месте этот вопрос будет рассмотрен более подробно; здесь же мы обращаемся к нему лишь для того, чтобы показать совершенный порядок и гармонию в экономике животного мира. Первоначальные этапы - процесс размножения - отправная точка творения - находятся в полной гармонии с законами, управляющими существом, человеком или животным, после того как оно достигло своего зрелого развития.

Одно и то же вечное разделение всех форм бытия и одно и то же вечное сближение, какими бы разнообразными ни были их проявления в разные периоды, остаются неизменными и неизменными. Линней осмелился поместить "человека" в категорию или класс млекопитающих, в то же время он отделил млекопитающих от птиц и других форм бытия, предположив, что человеческое творение имеет более тесный союз со свиньями и собаками, чем последние с птицами и т. д. На это каждый христианин и верующий в будущее состояние бытия должен взбунтоваться, потому что, хотя здесь есть определенные

приближения, которые нельзя игнорировать, тем не менее совершенно точно, что человеческое творение отделено более широким интервалом, чем тот, который разделяет любую из форм простого животного мира, и поэтому его классификация должна быть неправильной.

Автор не ставит перед собой цель сделать эту работу научной, а, напротив, популяризировать для общего чтения людей некоторые элементарные истины зоологии и физиологии, чтобы они могли лучше понять предмет, который действительно подлежит обсуждению, а именно: специфические различия и специфические отношения белой и черной рас. Но автор совестливо вынужден не согласиться с классификацией Линнея и современных натуралистов, которые следуют за ним, не только как не соответствующей действительности, но и несущей огромную опасность. Линней поместил "человека" в категорию млекопитающих, но сделал его самостоятельным порядком, родом и видом. На самом деле это неверно, поскольку во всем мире животного мира не существует такого понятия, как отдельный вид. Все формы жизни состоят из групп или семейств, или родов, и каждый из них состоит из определенного числа видов. Эти виды, как уже отмечалось, отличаются друг от друга. Они начинаются с самого низкого, или простейшего, или грубейшего образования и поднимаются, один над другим, по шкале бытия, пока группа не будет завершена; так что все они не только специфически отличаются друг от друга, но и абсолютно не похожи друг на друга во всем, как в мельчайших частицах элементарной материи, так и в тех вещах, которые ощутимы для чувства. В целом они похожи друг на друга, но в частности они абсолютно различны, и, не нужно повторять, различия в каждом случае или в каждом отдельном виде также специфичны.

То, что Линней и другие европейские натуралисты, особенно этнологи, допустили такую ошибку и предположили, что человек состоит из одного вида, вполне естественно, ведь они видели только один - двести миллионов жителей Европы, за исключением нескольких тысяч лапландцев, все были кавказцами. Но странно, что люди, готовые отнести человека к животным, так сильно отклонились от духа и порядка своей собственной классификации. Они должны были знать, что во всем мире одушевленного существования не существует такого факта, как единственный вид, и поэтому, предполагая наличие только одного человеческого вида, они прямо противоречили или игнорировали самый постоянный, универсальный и единообразный факт в органической жизни, факт, лежащий в основе и формирующий саму основу всего, с которым они имели дело. Эта ошибка, или заблуждение, или невежество европейских этнологов, однако, не имеет особого значения. Они не видели и, следовательно, не могли знать ни о каком другом виде людей, кроме своего собственного, и хотя его влияние на нас было пагубным, причина их заблуждения настолько очевидна для человеческого здравого смысла, что на нее нужно только указать, чтобы полностью отвергнуть. Она столь же респектабельна, как и предположения северных аболиционистов, которые, даже не осмеливаясь выехать за пределы Массачусетса, утверждают, что знают, и, несомненно, действительно верят, что знают, больше о внутреннем состоянии Южной Каролины или Виргинии, чем сами жители этих штатов. Но факты - вещь упрямая, и, как гласит испанская пословица, "видеть - значит верить". Невозможно, чтобы северный аболиционист, никогда не выезжавший за пределы Новой Англии, мог понять состояние общества, которого он никогда не видел. Так же и авторитет европейских писателей, неизбежно невежественных в этом вопросе, будет отвергнут теми, чьи чувства убеждают их в том, что негры существенно отличаются от белых людей. И это ментальное господство, которое, начавшись с первых поселений европейских колоний на этом континенте, продолжалось еще долго после обретения политической независимости, нужно только

полностью отбросить, чтобы убедить каждого в полной абсурдности европейских учений по этому вопросу.

Но есть возражение против классификации Линнея, бесконечно более важное, чем это заблуждение в отношении видов. Он помещает свой единственный человеческий вид (кавказский) в класс млекопитающих, и поэтому предполагает, что человеческое создание имеет более тесную связь с классом животных, чем сами эти животные имеют с некоторыми другими формами животной жизни. Например: люди (и белые люди в том числе) более близки к собакам и кошкам, чем последние к совам и орлам! Не стоит говорить, что это касается только их животного строения, поскольку между материальной организацией и внешними проявлениями или способностями существует неизменное и нетленное единство, которое закреплено навсегда, и вывод или заключение из предположения Линнея неизбежен: если люди более близки к какому-то классу животных, чем эти животные к какому-то другому классу, то абсурдно предполагать, что цели, поставленные перед ними Всевышним, так сильно различаются, как нас заставляют верить разум и инстинкт. Надеяться или верить в бессмертие или в столь запредельную судьбу, в то время как существа, близко похожие на нас, погибают в этой жизни вместе с теми, кто еще дальше от них самих, было таким противоречием разуму, что люди невольно отталкивались от него, и в результате это оттолкнуло огромное количество людей от изучения и исследования этого наиболее важного элемента всех знаний. Материалисты быстро приняли его и с огромным успехом использовали для продвижения своей мрачной и запретной философии, в то время как люди, движимые врожденным и неопишуемым сознанием души, которая в своем богоподобном знании возвышается над разумом и простой человеческой волей и заверяет их в жизни бессмертной и вечной, сторонились всякого изучения или исследования законов физической жизни, как будто это влекло за собой последствия, фатальные для этой высшей жизни души. Первые говорили, и говорили искренне: если люди имеют более тесный союз с квадруманами, чем последние с птицами и т. д., то нелепо полагать, что они имеют вечную жизнь, в то время как те, кого разделяет еще более широкий промежуток времени, ограничены настоящим. И единственным ответом на их рассуждения был отказ исследовать этот вопрос или изучить законы Божьи и признать, хотя бы косвенно, что между словом и делами Всемогущего существует противоречие.

Нет ничего более распространенного, чем обнаружить людей с большим интеллектом почти по всем вопросам, кроме этого, самого важного, действительно являющегося основой и отправной точкой всех настоящих знаний. Особенно невежественны священнослужители, а те, кто считает себя толкователями законов Божьих, нередко оказываются самыми невежественными в отношении самых очевидных и фундаментальных из этих законов. Этого не должно быть, и, по всей вероятности, не было бы, если бы не неправдивая и неудачная классификация Линнея. Вместо того чтобы встретиться с материалистами на их собственной почве и показать им, что, несмотря на сходство с некоторыми формами животной жизни, человеческое творение все же отделено от них абсолютно безграничным и непроходимым промежуток - ведь различия между ними совершенно не похожи на те, что разделяют простых животных - они молчаливо признали истинность своих предположений и ответили на это слепым и глупым отказом исследовать этот вопрос, действительно, в целом склоняя свое влияние на сторону невежества и советуя отказаться от изучения природы и самых благородных творений Бога.

Но здесь не может быть противоречий; Бог не может лгать; и каким бы кажущимся ни было противоречие между Его Словом и Его делами, только дальнейший поиск необходим, чтобы показать их совершенное единообразие. Правда, физическое сходство между людьми и

существами класса млекопитающих кажется более близким, чем между ними и некоторыми другими формами жизни, но, хотя между строением и функциями существует вечное соответствие, рационально и философски предположить, что разница в качествах или внешних проявлениях является самым надежным стандартом для сравнения. Или, другими словами, какими бы ни были кажущиеся физические сходства, различия в способностях показывают, что первые не являются надежными. Например, размышляя об интеллекте некоторых четвероногих и птиц, может ли кто-нибудь предположить или поверить на мгновение, что разница между ними в этом отношении равна или даже приближается к той, что отделяет их от человека? И при нынешнем состоянии наших знаний, при нашем незнании элементарного устройства органической жизни, несомненно, безопаснее и философичнее руководствоваться разумом, а не чувствами - принимать различия, отделяющие человеческий интеллект от животного мира, как безграничные и неизмеримые по сравнению с очевидными физическими приближениями, которые, кажется, объединяют нас с некоторыми представителями последнего.

В заключение едва ли стоит повторять, что существует фиксированное, единообразное и универсальное соответствие между структурой и функцией, или между организмом и целью, которую он призван выполнять. Мы не знаем и не должны знать ни причины этого, ни природы этого единства. Мы только знаем, и нам позволено знать, что оно существует, и не обязаны принимать догму материалистов, что функция является результатом организма, как и догму их противников, которые еще более ложно представляют себе результаты без причин, или что могут существовать функции без организма. Истина, в данном случае, лежит между крайностями: функции или способности не могут существовать без данной структуры или организма, но они не являются результатом этого организма. Они существуют вместе, неразрывно, универсально, вечно зависят друг от друга, но не являются результатом ни того, ни другого. Чтобы видеть, должны быть глаза; чтобы слышать - уши; чтобы ходить - организм передвижения; чтобы проявлять определенную степень интеллекта, должен быть соответствующий ментальный организм, но здесь нет таких понятий, как причина и следствие, есть только факт - факт взаимного существования.

ГЛАВА III. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТВОРЕНИЕ.

Человеческое творение, как и все другие семейства или формы бытия, состоит из рода, который включает в себя около полудюжины или более видов. Было принято называть их постоянными разновидностями, и почти каждый писатель по этнологии составил свою собственную классификацию, или, скорее, создал то количество этих "воображаемых разновидностей", которое ему было угодно. Агассис, бесспорно величайший из американских натуралистов, но, к сожалению, не слишком физиолог, а потому неподготовленный к высшим истинам этнологии, предполагает несколько видов белых людей, а в отношении подчиненных рас, несомненно, умножил бы их *до бесконечности*. Но в настоящее время или при существующем состоянии наших знаний, число реально существующих не может быть принято за рамки уже названных. Они таковы: -1-я. Кавказец. 2d. Монголы. 3d. Малайцы или океанийцы. 4-е. Американский абориген. 5-е. Эскимосы; и 6-е. Негр или типичный африканец.

Кавказца нельзя спутать ни с кем другим, поскольку, хотя в некоторых местностях климат и, возможно, другие причины приводят к потемнению кожи, иногда с глубоким оливковым оттенком, достигающим, как у бедуинов и евреев Малабарского побережья, почти до черного цвета, ниспадающая борода (скорее постоянная, чем цветная), выступающий лоб, овальные черты лица, прямая осанка и властное присутствие делают его хозяином везде, где он встречается.

Монгол, хотя и менее характерен, тем не менее, в достаточной степени, поскольку его желтую кожу, приземистую фигуру, безбородое лицо, пирамидальную голову и миндалевидные глаза едва ли можно спутать с какой-либо другой формой человека. Малайцы менее известны, и поэтому их труднее описать. Они темнее монголов, хотя на некоторых островах имеют яркий медный цвет, и действительно, варьируются от светло-оливкового до темно-коричневого, а как в случае с австралийцами, до глубокого черного, но не имеют никакого другого приближения к неграм.

Огромное население, известное под названием папуасов и, главным образом, малайцев, несомненно, сильно смешано с неграми, поскольку, как бы ни было отдалено время, в какой бы форме и каким бы способом оно ни существовало, настоящие негры проживали в тропической Азии и оставили после себя эти остатки своего прежнего существования. На некоторых островах, таких как Новая Зеландия и т. д., правящие династии или главные семьи имеют значительное вкрапление кавказской крови, что проявляется в их высоком росте, прямой фигуре, большей или меньшей бороде, светлом цвете лица и мужественном присутствии, а в интеллектуальном плане - в их быстром и часто разумном принятии христианства.

Индейцы, американцы или аборигены не нуждаются в описании; достаточно сказать, что от устья реки Колумбия до мыса Горн они принадлежат к одному и тому же виду. Вполне возможно, более того, вероятно, что некоторые виды, ранее существовавшие на этом континенте, исчезли - полностью исчезли. Исследования д-ра Тшуди подтверждают эту версию, хотя его прекрасная дискриминация в отношении некоторых костей головы не имеет большого значения, поскольку все это может быть и, несомненно, было результатом искусственных причин. Но черепа, обнаруженные в Южной Мексике и Юкатане, а также в Перу и Бразилии, являются достаточным основанием для того, чтобы считать, что некогда этот континент действительно населяла низшая раса, но была ли она аборигенной или занесена сюда какой-то высшей расой, мы, возможно, никогда не узнаем. Остатки древних сооружений на Юкатане, в Перу, в Мексике, в Бразилии, по всей южной части континента, свидетельствуют лишь о следах вторжения кавказцев. Принято считать, что Колумб и его спутники были первыми белыми людьми, когда-либо посещавшими этот континент, но, возможно, он был открыт и в определенной степени заселен, по крайней мере, некоторые места были заселены, еще до появления самой Европы или до периода достоверной истории. Любой, кто посещает Мексику, Пуэблу или другие города Испанской Америки, поражается и недоумевает от контраста между огромными и великолепными строениями, которые встречаются его взору, и существующим населением. Он невольно задается вопросом: "Неужели эти люди могут быть авторами всего этого искусства, этой красоты, силы и великолепия? Неужели эти жалкие, босоногие, покрытые одеялами, праздные и унылые существа могли построить эти дворцы, эти церкви, эти мосты, эти могучие сооружения, которые, кажется, были построены для самой вечности, настолько прочен и надежен их фундамент?" Через несколько лет этот контраст станет еще более ощутимым, и, если оставить все как есть, наступит время, когда станет очевидно, что существующее население не имеет никакого отношения к этим сооружениям, потому что смешанная кровь

исчезнет, и останется только простой, без примесей "коренной американец", каким его открыли испанцы три века назад. И нам остается только применить это к древностям Америки, чтобы понять ее историю, во всяком случае, чтобы понять смысл тех полузасыпанных памятников, которые так часто встречаются на ее поверхности. Искатели приключений, часто, несомненно, потерпевшие кораблекрушение мореплаватели, были выброшены на берега Америки. Возможно, в некоторых случаях еще до того, как был основан Рим или сам Вавилон стал могущественной столицей еще более могущественной империи, эти предприимчивые или неудачливые люди оказывались неоспоримыми властителями Нового Света. Мы знаем, что северяне попали сюда в восьмом веке, и, несомненно, им предшествовало множество других кавказцев. Поселившись в некоторых местах, они стали неоспоримыми хозяевами, построили города, организовали правительства, создали законы и заложили основы цивилизованного общества. Но смешении с аборигенами их поглотил монгрелизм, и, повинуясь непреложному закону физической жизни, они были обречены на гибель, и в определенный период, когда белая кровь вымерла, не осталось ничего, что могло бы обозначить ее прежнее существование, кроме полузасыпанных дворцов и разрушенных памятников, которые еще можно проследить на значительных участках континента. Тольтеки, ацтеки и т.д. - это просто остатки этих вымерших кавказцев, так же как и нынешнее население Мексики, если оставить его в покое, то самая последняя его часть с кавказской кровью станет правящей силой и, возможно, сохранит некоторые или часть испанских привычек.

Чистый туземный разум способен на определенное развитие, но оно фиксировано и определено, и за его пределы он может продвинуться не больше, чем изменить цвет кожи или форму мозга. Империя Поухатана в Виргинии, несомненно, была исконной и, вероятно, задействовала все ресурсы и достигла пределов индейского разума. У индейца есть и в определенной степени проявляется способность к умственным действиям, но она слишком слаба и ограничена, чтобы произвести постоянное впечатление на окружающие его физические агенты, и поэтому у него не может быть истории, так как нет материалов - нечего записывать. Поэтому термин "индейские древности" является ошибочным, а великое предприятие Конгресса под редакцией мистера Школкрафта - очевидной нелепостью.

Полярная раса или раса эскимосов была наименее известна из всех, а до исследований этого истинного героя и истинного сына науки, покойного доктора Кейна, была известна лишь по имени. Она является одновременно азиатской и американской, но какой континент является местом ее рождения - вопрос спорный. Несомненно, в прежние времена возможности для перехода с одного континента на другой были гораздо шире, чем в настоящее время, и не только люди, но и животные могли делать это с легкостью. За исключением нескольких известных видов животных и овощей, которые необходимы для благополучия кавказца и сопровождали его во всех миграциях, каждый вид имеет свой собственный центр существования, за пределами которого он ограничен в своем существовании. Арктические животные весьма многочисленны и сильно отличаются от всех остальных, но они абсолютно одинаковы как в Азии, так и в Америке, и поэтому должны были переходить из одной в другую, а человек, как бы он ни был подчинен или уступал другим расам, наделенным от природы широкими возможностями передвижения и миграции, мог встретить лишь ничтожные препятствия при переходе с одного континента на другой. Эта раса, хотя до сих пор и не имела большого значения, несомненно, превосходит негров, поскольку необходимость ее существования, ужасная борьба за жизнь в этих мрачных и пустынных регионах предполагают наличие способностей, превосходящих способности расы, центр жизни которой находится в плодородных и пышных тропиках, где природа

производит продукты спонтанно, и где праздный и чувственный негр должен лишь собирать эти продукты, чтобы существовать и умножать свой род.

Наконец, у нас есть негр - последний и наименьший, самый низкий на шкале, но, возможно, первый в порядке Творения, ибо в природе и структуре вещей есть много причин, которые указывают, если не полностью оправдывают, вывод о том, что негр был первым, а европеоид - последним в программе или порядке Творения. Типичный шерстистый негр, возможно, был создан в тропической Азии, а затем перенесен в Африку, как в наше время он был перенесен в тропическую Америку. Как и другие подчиненные расы, он никогда не мигрировал, но обширные следы его прежнего существования в Азии несомненно показывают, что либо это была его первичная родина, либо он был перенесен туда кавказцем задолго до исторической эпохи. Но в чистом виде или в специфической форме он встречается только в Африке, и даже здесь значительная его часть подверглась обширному изменению. Наши знания об Африке очень ограничены и, следовательно, очень несовершенны. Африканские путешественники, исследователи, миссионеры и т. д., не знающие ни этнологии, ни физиологии, ни истинной природы негра, да еще и укушенные современной филантропией, болезнью более отвратительной и смертельной для морали, чем оспа или чума для физической природы, были сбиты с толку, извращены и сделаны непригодными для правдивого наблюдения или полезных открытий еще до того, как ступили на ее землю или почувствовали хоть один проблеск ее палящего солнца. С чудовищной концепцией, что негр - это такое же существо, как и они сами, с такими же инстинктами, потребностями и т. д. и такими же (скрытыми) умственными способностями, все, что они видели, чувствовали или рассуждали в Африке, воспринималось ими через эту ложную среду и поэтому не имело практически никакой ценности. Так, Барт и Ливингстон, встретив беспородное племя или общину с определенной степенью или уровнем цивилизации - результат кавказской иннервации или, возможно, остатки прежнего чисто белого населения, - записывают их и распространяют перед всем миром как свидетельство негритянских способностей и указание на будущий прогресс расы! Мириады и бесчисленные мириады белых людей жили и умирали на земле Африки; огромные группы населения и целые нации эмигрировали на этот континент. В свое время только в долине Нила насчитывалось полмиллиона христиан (белых) и сорок тысяч обитателей религиозных домов, а в Карфагене собирались триста христианских епископов, и будет разумным предположить, что со времен христианства в Африке проживало пятьсот миллионов белых. Что же с ними стало? Они не эмигрировали, не были убиты в битвах, не были уничтожены мором, не были пожраны голодом, и все же эти бесчисленные толпы, эти неисчислимы миллионы, эти христианские почитатели и святые епископы исчезли, так же погибли, как если бы земля разверзлась и поглотила их. С падением Римской империи цивилизация отступила из Африки, а белое население постепенно поглотил монгрелизм. Негр, будучи преобладающим элементом, поглотил, или, скорее, уничтожил, меньший элемент, и результат теперь можно увидеть в многочисленных, почти бесчисленных, смешанных гибридных или беспородных племенах и популяциях, разбросанных по всему континенту. Конечно, возможно и даже вероятно, что существует два или три, а то и больше видов людей, близко похожих, правда, но все же специфически отличающихся от шерстистоволосого или типичного негра. Один из них (готтентоты или бушмены) с чертами истинного негра, но грязно-желтого цвета, кажется, почти наверняка должен быть отдельным видом; Но до тех пор, пока кто-то более квалифицированный, чем те, на кого до сих пор полагались, не исследовал этот вопрос, можно с уверенностью предположить, что речь идет только об одном виде, и что другие многочисленные популяции Африки, как бы они ни походили или приближались к типичному негру, являются гибридами и дворнягами, увядшими и истлевшими остатками могущественных популяций и внушительных цивилизаций, которые когда-то процветали на ее земле. Возможно, существуют и другие

виды, кроме монгола в Азии и малайца в Океании, и вполне вероятно, что некоторые виды полностью вымерли. Но несомненно, что те, о которых вкратце пойдет речь, существуют в настоящее время; что их местонахождение, их история, насколько можно сказать, что у них есть история, их физические качества и психическое состояние, короче говоря, их специфические черты, четко обозначены и хорошо понятны. Тем не менее, хотя все это относится к области фактов и подвергать это сомнению так же нелепо, как подвергать сомнению существование различных видов в любом из родов или семейств животного мира, "мир" в целом придерживается представления о единой человеческой расе. Здесь не ставится цель прямо утверждать это, поскольку для американского ума настолько очевидно, если не сказать самоочевидно, что человеческое творение состоит из различных видов, что спор неуместен, если не абсолютно абсурден. Европейцы редко видят негров или другие виды людей, и поэтому представление о единой человеческой расе или виде (у них) достаточно естественно, более того, является ментальной необходимостью. Этнологи - люди огромной эрудиции, благородного интеллекта, честных и добросовестных намерений - посвятили этому вопросу все свои силы, и тома за томом были опубликованы, чтобы доказать предположение о существовании единой расы. Бюффон, Блюменбах, Тидеманн, Причард, даже сам Кювье отдались этой догме, или, вернее сказать, отправились в путь с предположением о единой расе и собрали огромное количество материала фактов или предполагаемых фактов, чтобы продемонстрировать ее предполагаемую истинность. Разорвать их софистику или опровергнуть их предположения также нелегко. При огромных и признанных претензиях на научную образованность и способность рассуждать, они сочетают несомненную честность намерений и, казалось бы, тщательное и терпеливое исследование, а количество или объем представленных доказательств, продуманный и могучий массив фактов, апеллирование к авторитетам и утомительные, если не необоснованные аргументы, выдвинутые ими, сделали и продолжают делать трудным ответ на них или опровержение их предположений. Любой вопрос, какова бы ни была его природа и какими бы недостатками ни обладали элементы истины, все равно допускает аргументацию, и ложь часто может сбить с пути разум даже тогда, когда само суждение убеждено в обратном. А эти европейские сторонники догмы о единой расе имеют такое безграничное поле для дискуссий, могут так озадачить и утомить разум, а также извратить воображение своими правдоподобными аргументами, почерпнутыми из анализа жизни животных, что не удивительно, что они сбивают с пути народный разум; не удивительно и то, что те из нас, кто претендует на звание людей науки, склоняются перед их авторитетом, ведь хотя здравый смысл отвергает их аргументы, мало кто обладает достаточной умственной независимостью, чтобы противостоять этому авторитету, подкрепленному таким внушительным набором выдающихся имен. Но сильный здравый смысл, который отличает наш народ, не будет, более того, не может быть обманут в этом вопросе. Американец или южанин знает, что негр - это негр, а не европеоид, так же ясно, абсолютно и безошибочно, как он знает, что черный - это черный, а не белый, что мужчина - это мужчина, а не женщина, что голубь - это голубь, а не малиновка, или шэд - это шэд, а не лосось. Он видит, что у негритянских родителей рождается негритянское потомство; что у индейцев рождается индейское потомство; что у белых рождается белое потомство, "каждое в своем роде", с той же регулярностью, единообразием и совершенной определенностью, которая наблюдается во всех других формах существования. В Союзе нет ни одного белого мужчины или женщины, которые, если бы им сказали, что у белых родителей есть негритянское потомство или у негров - белое, поверили бы в это, даже если бы им поклялись в этом миллионы свидетелей. Такое убеждение или такая концепция были бы столь же чудовищны, да и невозможны, как предположение, что малиновки породили голубей или лошади ослов. И постоянное свидетельство этого - этого неизменного и вечного порядка в экономике

животного мира - демонстрирует специфический характер негра вне всяких сомнений и возможных ошибок. Ирландцы, немцы, французы и т. д. приезжают сюда, оседают, становятся гражданами, и их потомство, родившееся и выросшее на американской земле, ничем заметным и ощутимым не отличается от других американцев. Но негры могли быть привезены сюда три века назад, и их сегодняшнее потомство точно так же, как и тогда, абсолютно и конкретно не похоже на американцев, как и тогда, когда эта раса впервые коснулась земли и впервые вдохнула воздух Нового Света. Как уже отмечалось, здесь не ставится цель спорить по этому поводу, ибо то, что негры представляют собой отдельный вид, является очевидным и неизбежным фактом; и хотя в последующих главах этой работы подробно рассматриваются их специфические качества, эти подробные демонстрации призваны лишь показать физические различия, чтобы определить моральные отношения, а ни в коем случае не продемонстрировать факт, всегда ощутимый для органов чувств. Даже те глупые люди, которые склонны извращать термины или играть словами, признавая факт, который, таким образом, ощутим, но готовы запутать и исказить разум применением или использованием ложных терминов, не могут избежать неизбежного вывода о различии видов. Чтобы скрыть или утаить от глаз эту истину, некоторые признают эти ежедневно наблюдаемые и безошибочные специфические различия в разделении рас, но глупая и странная извращенность побуждает их использовать термин "постоянные разновидности" вместо "видов", как будто белые и черные - это вариации, а не особенности. Это факт, существующий, неизменный, доказуемый и безошибочный факт, что негр конкретно отличается от нас - факт единообразный и неизменный, который сопровождает каждое поколение и при любых обстоятельствах, климате, социальном положении, образовании, времени и случайности, начиная с высадки на Джеймстауна и до сегодняшнего дня. Натуралист, рассуждая только на этой основе, говорит, что то, что остается неизменным в течение трехсот лет, в любом климате и при любых обстоятельствах, в состоянии "свободы" или "рабства", под горящим экватором и среди снегов Канады, без изменений и признаков перемен, должно было быть таким три тысячи лет назад. И он рассуждает верно, ибо раскопки Шамполиона и других свидетельствуют о специфическом характере этой расы четыре тысячи лет назад с такой же абсолютной и безошибочной уверенностью, как это сейчас демонстрирует внешнее чувство нынешнего поколения. А натуралист, рассуждая еще дальше на этой основе, говорит: "То, что существует уже четыре тысячи лет, без малейших изменений и модификаций, что в всех видах климата и при любых обстоятельствах сохраняет свою целостность и передает, в обычном и нормальном порядке, каждому последующему поколению точный и полный тип самого себя, должно быть, было таким в самом начале, когда существующий порядок был впервые вызван к жизни Всемогушим Творцом". И если рассматривать этот вопрос с этой точки зрения и рассуждать по аналогии, или точно так же, как мы делаем это в отношении других и всех остальных форм существования, то вывод будет неотразимым и неизбежным, что несколько человеческих рас или видов первоначально появились именно в том виде, в каком они существуют сейчас, как мы знаем, они существовали на протяжении всего человеческого опыта, и без повторного воссоздания должны продолжать существовать до тех пор, пока длится сам мир или сохраняется существующий порядок. Но большая часть "мира" верит, что Библия учит происхождению всего человечества от одной пары, и, следовательно, в какой-то последующий период должно было произойти сверхъестественное вмешательство, которое изменило человеческое творение в его реальную и существующую форму бытия. И если в какое-то время человеку было дано особое откровение и сверхъестественное вмешательство в отношении других вещей, то это изменение или воссоздание отдельных видов не более иррационально или невероятно, чем другие вещи, относящиеся к этому откровению и повсеместно признаваемые религиозным миром. Откровение обязательно

сверхъестественно, то есть прямо противоречит обычному порядку вещей; но можно сказать, что Творец не является рабом Своих собственных законов и в Своей безупречной мудрости и безграничной силе может счесть нужным изменить порядок человеческого творения; И, конечно, та же всемогущая сила, которая перевела Евреев через Красное море по суше, которая спасла пару всех живых существ в Ноевом ковчеге или рассеяла вавилонских строителей, может с такой же легкостью изменить или воссоздать человеческую жизнь и в будущем постановить, чтобы вместо одного вида людей существовало несколько. Однако это вопрос, в отношении которого автор не берется решать, ставить под сомнение, высказывать свое мнение или даже рисковать предположениями. Он явно и абсолютно недоступен человеческому разуму, а значит, не входит в сферу законного исследования. Всемогущий в Своей бесконечной мудрости и безграничной благосклонности скрыл от нас многие вещи, знание которых, несомненно, повредило бы нам, и происхождение человеческих рас относится к этому каталогу. Люди могут трудиться над его исследованием, срывать покров, наброшенный на него Творцом, раскрывать тайну, которой Он его окутал, и после миллионов лет, потраченных на это, вернуться к исходной точке, к простой, осязаемой, неизбежной истине. Они существуют, но почему или зачем, откуда они пришли или куда ушли - это не подвластно человеческому разуму. Мы знаем и можем знать только то, что несколько видов, известных в настоящее время, были точно такими же, как сейчас, по своей физической природе и интеллектуальным способностям, на протяжении всего человеческого опыта и без сверхъестественного вмешательства или воссоздания, и должны оставаться такими на протяжении бесчисленных веков и до тех пор, пока сохраняется сам существующий порядок творения. Это мы *знаем* без сомнения или возможной ошибки, в то время как вопрос о том, было ли это так в самом начале или было изменено сверхъестественным вмешательством в какой-то последующий период, сейчас и всегда должен оставаться предметом догадок. Те, кто толкует Книгу Бытия или верит в то, что Книга Бытия учит происхождению человеческой семьи от одной пары, конечно, будут верить, что Творец впоследствии изменил их в их нынешнюю форму, в то время как те, кто не толкует Библию таким образом, будут верить, возможно, с такой же уверенностью, что они были созданы таким образом в самом начале. Для нас нет и не может быть ни малейшей пользы в том, чтобы действительно и доподлинно знать истину в этом вопросе. Все, что необходимо для нашего благополучия, мы уже знаем или можем знать, если правильно применим способности, которыми Создатель так благосклонно наделил нас. Нам нужно только применить эти способности - исследовать вопрос, изучить различия, существующие между общими видами людей, и сравнить их натуры и способности с нашими собственными, чтобы понять наши истинные отношения с ними и таким образом обеспечить наше собственное счастье, а также их благополучие, когда мы находимся в сопоставлении с ними. Все это настолько очевидно, а отдаленный и абстрактный вопрос о происхождении настолько гипотетичен и совершенно несущественен, что кажется невозможным, чтобы разумные и совестливые люди когда-либо пытались поднять вопрос об этом, или чтобы они упускали из виду великие практические обязанности, связанные с этим вопросом, и вступали в провидческие и невыгодные дискуссии о том, о чем они ничего не знают и не могут знать. Тем не менее, некоторые люди, похоже, особенно желают спровоцировать спор по этому вопросу не только с наукой, но и со здравым смыслом, а некий преподобный и весьма уважаемый джентльмен публично и неоднократно заявлял, "что доктрина о единой человеческой расе лежит в основе всей религиозной веры, и если она будет отвергнута, христианство будет потеряно для человечества!" Какая жалкая глупость, если не сказать хуже! Это фактически заявление о том, что мы должны верить или делать вид, что верим, в то, что, как мы *знаем*, является *ложью*, чтобы сохранить то, что мы *считаем* истиной. Существование различных видов людей относится к категории физических фактов - вещей,

поддающихся решению органов чувств, и вера не имеет и не может иметь никакого отношения к этому вопросу. Правда, преподобный джентльмен может закрыть глаза и пребывать в полном неведении относительно факта, вернее, законов, управляющих этим фактом, и, пребывая в таком неведении, верить или делать вид, что верит, что совершенно разные вещи представляют собой одно и то же - что белый и черный идентичны - что белые родители в какое-то отдаленное время и каким-то странным и необъяснимым образом произвели на свет негритянское потомство; Но какое право он имеет говорить тем, кто осознает факт существования разных видов и, более того, *знает*, что негры могли произойти от белых родителей не больше, чем от собак или кошек, что они должны одурманивать себя и бессовестно притворяться, что верят в обратное, под страхом вечного проклятия или, что он, несомненно, считает таковым, потери христианства для мира? В задачи писателя не входит ни примирение заслуг науки с этими своеобразными толкованиями Библии, ни демонстрация каких-либо противоречий с этими толкованиями. Будучи сам несомненным верующим в великие доктрины христианства, он не находит никаких трудностей в этом отношении и хотел бы просто изложить *факты* или *то, что он знает как истину*, и оставить читателю возможность самому сделать выводы. Но кажущаяся предопределенность намерений некоторых сделать из этого вопроса проблему, апеллировать к предполагаемому народному фанатизму и фанатизму, чтобы скрыть самую жизненно важную и самую потрясающую истину современности - истину, лежащую в основе всех наших секционных трудностей, которая, будучи действительно понятой разумом масс, мгновенно взорвет эти трудности, - делает настоящим долгом разоблачить глупость и софистику тех, кто стремится скрыть ее от глаз. Они полагают, что Библия учит происхождению всего человечества от одной пары - что монгол, индеец, негр и т. д., имея такое же происхождение, обладают той же природой, что и белый человек, и, следовательно, имеют те же естественные права, и что мы должны по отношению к ним те же обязанности, что и по отношению к себе или к своей собственной расе. Более того, они провозглашают веру в это предположение как необходимое условие спасения, или, другими словами, что если оно будет отвергнуто, христианство исчезнет из мира. Нет нужды повторять, что автор не будет снисходить до аргументации самоочевидного, реально существующего, ежедневно ощущаемого и неизбежного физического факта или оскорблять понимание читателя, приводя доказательства того, что негр конкретно отличается от самого себя - это вопрос, выходящий за рамки рационального обсуждения и полностью относящийся к сфере чувств; Тем не менее, как уже отмечалось, в последующих главах этой работы будет продемонстрирована *степень* этих различий, разделяющих белых и черных, показаны их физические различия и сходства, чтобы определить их моральные отношения и социальную адаптацию. Но предположение, что вера в догму о существовании одной человеческой расы или вида жизненно необходима для сохранения христианства, должно быть разоблачено, поскольку в действительности оно столь же чудовищно с точки зрения морали, сколь глупо и абсурдно с точки зрения фактов. Мы не можем *верить* в то, что *заведомо* не соответствует действительности, и такая вера, какими бы благими ни казались мотивы, неизбежно должна развратить и деморализовать всю моральную структуру. Есть много вещей, таких как вера в доктрину избрания, первородного греха, оправдания верой, которые допускают веру - честную, искреннюю, несомненную веру, ибо они являются абстракциями и чисто вопросами веры, которые никогда не могут быть подвергнуты испытанию физической демонстрацией или стандартом материального факта, но вопрос расы - факт существования различных рас или, скорее, существование видов кавказцев, монголов, негров и т. д., это физические факты, подвластные органам чувств, и отказ от согласия с их фактическим наличием не подвластен воле. Может ли человек, задумавшись, прибавить к своему росту локоть? Может ли он поверить в то, что он другой - женщина, собака или что его не

существует, что черное - это белое, или что красное - это желтое, или что негр - это белый человек? Можно обманывать и заблуждаться, верить или думать, что мы верим во многое, во что нас заставляют верить наши интересы, наши предрассудки и наши капризы, но это должны быть вещи абстрактного характера, где нет физических испытаний, которые могли бы смутить нас или заставить волю склониться перед тем фиксированным и неизменным стандартом истины, который Вечный заложил в самое сердце вещей и который в остальном законы психического организма абсолютно вынуждают нас признать. Но существование отдельных видов людей не относится к этой категории. Это факт, осязаемый, непосредственный, очевидный и неопровержимый факт. Мы знаем и не можем не знать, что негр - это негр, а не белый человек, и поэтому не можем верить, как бы мы к этому ни стремились, что он - такое же существо, как и мы, или, другими словами, что все человечество представляет собой единую расу или вид. Все, что возможно или допустимо, - это делать из себя лжецов и лицемеров, притворяться, что верим в то, во что не верим и не можем верить, навязывать это лицемерие и притворную веру другим, которые, возможно, уверены в нашей честности и уважают наши способности; и наконец, в качестве мази для нашей возмущенной совести, обманывать себя мыслью, что наши мотивы хороши, а цель оправдывает средства.

Но сторонники европейской теории единой расы сталкиваются и с другими трудностями, столь же неизбежными, как и те, что были кратко рассмотрены. Они требуют, чтобы весь мир поверил в догму о единой расе, но ни один из них не будет действовать в соответствии с ней на практике или убеждать других в своей искренности, живя в соответствии со своими заветными убеждениями. Если бы негр происходил от тех же родителей или, за исключением цвета кожи, был бы таким же существом, как и мы, тогда не было бы причин отказываться от слияния с ним, как и с несколькими ветвями нашей расы. Но, напротив, тот уважаемый и почтенный джентльмен, который осмелился заявить, что вера в то, что негр - такое же существо, как и мы, необходима для христианства, бесконечно предпочел бы смерть своей дочери браку с самым опытным и самым благочестивым негром на свете! Если бы он верил в свои собственные утверждения по этому вопросу, то его первым и самым настоятельным долгом, как христианского служителя, было бы подавать пример другим, трудиться днем и ночью для возвышения этой (в случае) обиженной и оскорбленной расы - более того, терпеть все личные неудобства, даже само мученичество, во исполнение столь очевидного и необходимого долга. И когда эта теория будет наконец воплощена в жизнь, и все существующие различия и "предрассудки" против негров будут стерты, а четыре миллиона негров объединятся с белыми, общество будет вознаграждено возросшей нравственностью и чистотой, которые последуют за актом такой трансцендентной справедливости. Но поверит ли кто-нибудь в такой результат - что сведение к практике веры или притворной веры одной расы принесет пользу американскому обществу? Нет, конечно; напротив, каждый *знает* - даже самый дикий и извращенный аболиционист *знает*, - что сведение этой догмы к практике, честное воплощение в жизнь этой притворной веры, объединение с этими неграми приведет к абсолютному разрушению американского общества. Поэтому нет ничего более очевидного, чем лицемерие тех, кто притворяется, что верит в эту доктрину одной расы, ибо нет нужды повторять, что они не верят и не могут верить в нее на самом деле. Но почему они считают эту абсурдную доктрину необходимой для своего толкования Библии? То, что Всемогущий Творец впоследствии изменил порядок сотворения человека, полностью согласуется с общепринятой историей христианского Откровения. Все христианские секты современности признают доктрину чудес, или сверхъестественного вмешательства, вплоть до времен апостолов, а самые крупные из них (римские католики) признают это вмешательство и в настоящее время, и поэтому те, кто готов признать его в столь многочисленных случаях, многие из которых имеют относительно незначительное значение,

но решительно отвергают его в этом вопросе рас, лишь подражают своим собратьям по древности и напрягают мошки, проглатывая верблюдов с величайшей легкостью. Для многих людей великие доктрины христианской веры несут в себе врожденное и неопровержимое доказательство их божественного происхождения, но профессиональные учителя теологии в основном зависят от сверхъестественного вмешательства, чтобы убедить мир в их истинности, и все же по странному и необъяснимому извращению некоторые из них отвергают это в самых важных или, во всяком случае, в одном из самых важных случаев, в которых это когда-либо происходило или могло произойти. Но решится ли здравомыслящий и действительно добросовестный христианский священник или мирянин упорно навязывать публике это предположение, эту явную, очевидную, безошибочную ложь, что догма о единственной расе необходима для сохранения христианства? Если он это сделает, и если это будет принято теми, кто смотрит на него как на учителя, то, несомненно, он нанесет бесконечный вред делу христианства. Предполагать, что у всего человечества белая кожа, прямые волосы или любая другая особенность нашей собственной расы, не более абсурдно, чем предположение о существовании одного человеческого вида. Если бы предполагалось, что мы должны одурманить себя и верить или притворяться, что верим, что у всех людей белая кожа, иначе христианство будет потеряно для мира, то в нашей республике не нашлось бы ни одного человека, который не отверг бы такое предположение с презрением и пренебрежением. Белое и черное - это, конечно, особенности, но не в большей степени, чем (как будет показано далее) все остальные вещи, составляющие негритянское существо, и поэтому предположение, выдвинутое по существу и в точности, таково: Мы должны верить, что белые, индейцы, негры и т. д. имеют один и тот же цвет кожи, иначе вся ткань христианства будет низвергнута и потеряна для человечества!

Но достаточно - все американцы знают, ибо они не могут не знать, - что негры - это негры, и они конкретно отличаются от них; они знают, более того, что они так же сильно отличались, когда их впервые привезли на этот континент, и все, кто понимает простейшие законы организации, знают, что они всегда должны оставаться такими отличными от нас, и поэтому знают, что они стали такими по действию и воле Всемогущего Творца, а когда, или как, или почему они стали такими, находится вне сферы человеческого исследования и не имеет ни малейшего значения.

ГЛАВА IV. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР.

Белая или кавказская раса - единственная историческая раса, которая одна способна на те психические проявления, которые, написанные или не написанные, оставляют неизгладимый след в памяти. Каким было ее первое или самое раннее состояние на земле? Это, за исключением скудного рассказа Моисея, неизвестно, да и не очень важно, чтобы это было известно, поскольку, хотя она никогда не была и не могла быть дикой или варварской, как эти термины понимаются в наше время, все же ее интеллектуальные приобретения, несомненно, были настолько ограниченными, что если бы они действительно были известны нам, то не принесли бы практически никакой пользы. Моисей почти не пытается описать социальную жизнь до времен Авраама, а та, что представлена в книге, не сильно отличается от той, что существует в той же местности в наши дни. Пастушеские привычки Авраама,

Исаака и Иакова, продажа братьями Иосифа Измаильтянам, его покупка в Египте и внезапное возвышение при дворе египетского монарха - это почти точный аналог сцен, наблюдаемых сейчас, с небольшими различиями в тех же землях, на протяжении последних четырех тысяч лет. Точка отсчета - место, где впервые возникла раса, - так же скрыта, как и время или период ее создания. Библейские писатели обычно предполагают, что где-то в Малой Азии, на берегах Евфрата, а этнологи склонны считать, что колыбелью расы могли стать высокие столовые земли Тибета и Хинду Кош. Знание этого материала не имеет ни малейшего значения, кроме как в качестве помощи в определении истинного центра существования, то есть его физической адаптации или специфического сродства к определенной местности. Но это определяется опытом; и, несомненно, доказано, что, хотя продуманная и относительно совершенная структура кавказского человека позволяет ему противостоять всем внешним воздействиям и существовать во всех климатических условиях, способных поддерживать животную жизнь, он может обрабатывать землю или заниматься ручным трудом только в умеренных зонах. Поэтому не имеет значения, когда или где он впервые появился на свет, или что послужило отправной точкой расы - центр ее существования находится во всех больших умеренных широтах Азии, Африки, Европы и Америки. Можно сказать, что история расы делится на три больших цикла или отдельных периода; все они, однако, связаны друг с другом и, несомненно, в основном похожи друг на друга по своей сути, хотя и сильно отличаются по внешним проявлениям. Первый период, начинающийся с фактического существования на земле, можно сказать, заканчивается эпохой подлинной истории. Второй, или исторический, период можно считать продолжающимся до свержения Римской империи так называемыми северными варварами или, возможно, до того, что обычно называют темными веками. И наконец, существует еще один грандиозный цикл в судьбе человечества, который, начавшись с восстановления образования, доходит до наших дней и включает их в себя. Что касается первого, то мы на самом деле знаем о нем очень мало, поскольку, если не принимать во внимание Священное Писание, у нас есть лишь несколько несовершенных отрывков из реальной жизни бесчисленных миллионов людей, предшествовавших историческому периоду. То немногое, что мы имеем, зависит от традиций и мифологии, иногда, возможно, достаточно правдивой, но большая часть, переданная таким образом в наше время, как мы знаем, ложна, потому что предполагаются условия, которые противоречат законам, управляющим нашим животным существом. Однако если раса была создана в Азии, мы знаем, что ее часть мигрировала в Африку в очень отдаленный период; более того, если не принимать во внимание Библию, первые сведения о ее существовании или самые ранние следы ее существования мы находим в Африке. Кавказские племена или общины проникли в долину Нила, возможно, еще до того, как дельта нижней части страны стала достаточно твердой для возделывания, поскольку они, очевидно, занимали места, значительно удаленные от выхода этой великой реки. Эти первые искатели приключений завоевали аборигенов, подчинили их себе, заставили работать на них, построили великолепные города, храмы, дворцы, основали могущественную империю и в определенной степени продвинулись в цивилизации. Но богатство и роскошь, с их развратными последствиями, возможно, также несправедливость и преступность правителей, и, конечно, и самое худшее, объединение и связь с завоеванными расами, искушали более чистые и выносливые ветви расы вторгнуться в них, и действительно, восхитительный климат и плодородная почва, должно быть, всегда искушали кавказские племена в долину Нила, с самых ранних периодов, и всякий раз, когда они чувствовали себя достаточно сильными, чтобы напасть на существующее сообщество. Конечно, в этом вопросе мы можем только строить предположения, но вполне вероятно, что происходили многочисленные вторжения, каждое из которых проходило по тому же пути, что и его предшественники. Сначала шло завоевание, затем возведение могущественной

империи, за которым следовала грандиозная цивилизация; затем наступали женоподобность, связь с подданными расами, разврат и дебилизм, приглашавшие на новое завоевание чистых кавказцев, а те, в свою очередь, проходили тот же круг славы и упадка, завоевания и деградации. Похоже, именно в таком состоянии находился Египет, когда римляне вторглись в него и сделали его провинцией великой империи. Позднее римским писателям стали известны увядшие остатки этих египетских народов, которые, можно сказать, в определенной степени существуют до сих пор. Великие азиатские империи, несомненно, были похожи на египетскую, за исключением разврата крови. Ассирийцы, персы, халдеи, вавилоняне, евреи и т. д., каждый в свою очередь, были завоевателями и побежденными, хозяевами и рабами, но их гибель в одном существенном отношении сильно отличалась от гибели африканцев. Они были чистыми, несмешанными кавказцами, поскольку в то время монгольский элемент был неизвестен в этой части Азии, а негры, за исключением нескольких домашних слуг, никогда не существовали на этом континенте. Впервые монгольская раса была известна примерно за пятьсот лет до христианской эры, и существовала ли она первоначально в более северном регионе или не достигла полного развития в численном отношении, мы не можем знать в силу ограниченности наших знаний о Земле в то время. Старое кавказское население Азии ничего не знало о нем и не имело примеси монгольской крови. Но все это лишь догадки, тайны, сомнения и неопределенность в отношении этих древних и исчезнувших империй. Мы знаем, что они существовали, что это были белые люди - такие же существа, как мы сами, наши предки, с теми же потребностями, теми же инстинктами, короче говоря, с той же природой, что и у нас, и поэтому, в основном, действовали, как и мы сейчас. Конечно, мы называем их язычниками, язычниками, дикарями, варварами и т. д., но были ли они таковыми?

В современности нет белых варваров или язычников. Во всей современной истории, где бы она ни происходила, белые люди во многом похожи друг на друга; так почему же они не должны были быть такими всегда? Фанатичный еврей называл всех остальных язычниками, дикарями; высокомерный грек называл варварами даже своих римских завоевателей; даже мужественный и либеральный римлянин не поднялся выше этого глупого фанатизма и не только называл галлов, бриттов, германцев и т. д. варварами, но и обратил их в рабство, как будто они были низшими существами. В наше просвещенное время мы наблюдаем такое же невежество и глупость. Англичанин считает, что только англичане являются истинно христианскими и цивилизованными; француз искренне верит, что *La Belle France* стоит во главе современной цивилизации; даже продвинутый и либеральный американский демократ думает, и, возможно, правильно, что только американцы являются истинно цивилизованными; в то время как некоторые среди нас исключают из привилегий гражданства всех, кто случайно родился в другом месте, так же жестко, как еврей исключает необрезанного язычника или мусульманин - собаку христианина. Не является ли это представление о "внешних варварах" результатом невежества или глупого эгоизма, лишённого смысла и разума? В древние времена, как и сейчас, некоторые народы или сообщества, несомненно, были более развиты, чем другие, но в целом раса должна была приблизиться к тому же общему стандарту, который мы наблюдаем сейчас. Если сказать, что в ранние времена препятствия на пути частого общения мешали этому общему приближению к общему стандарту просвещения, то можно ответить, что те же препятствия помешали бы и широкому отходу, а когда мы знаем, что у них были одни и те же потребности, одни и те же инстинкты, одни и те же склонности и т. д., то вывод кажется неизбежным, что ни один народ или сообщество ни в какое время истории не могли с полным основанием считать других варварами или, что только они были цивилизованными. Традиции и несовершенные знания, которыми мы до сих пор обладали в отношении этих давно похороненных популяций, могут быть, возможно, заменены тем, что почти или совсем так же

надежно, как сама письменная история. За последние несколько лет появился целый класс людей, которые, раскапывая мертвые останки давно забытых империй, обещают откровения, которые заставят нас встретиться лицом к лицу с погребенными поколениями, которых мы теперь знаем только через тусклую перспективу неопределенной традиции. Шамполион, Бельцони, Роулинсон, Лэйард и их спутники уже сделали открытия в Египте и Ниневии, которые открывают нашему сознанию многое из социального положения и повседневной жизни тех далеких времен, и будущие исследования, вполне вероятно, дадут нам почти такое же точное знание, какое мы имеем о тех, кто охвачен циклом подлинной истории.

Следующий великий период в истории расы - историческая эпоха - должен быть полностью подвластен настоящему знанию. Он начинается с истории греков - не символической, а реальной - того великого и сияющего интеллектуализма, который во многих отношениях, можно сказать, равен интеллектуальному развитию наших дней. История Греции и Рима - это, по сути, история расы, мира, человечества. В то время существовали соседние народы, обладавшие огромной силой, размахом и культурой, но греки и римляне, а также подвластное или подневольное население, признававшее их господство, составляли большую часть расы. Правда, персы в то время были чистыми кавказцами и по численности значительно превосходили греков, но, хотя они не сильно отличались по своему общему характеру, они были в упадке еще до того, как греки достигли своего полного национального развития. Последние всегда ссылались на Египет как на источник своей цивилизации, но более вероятно, что они заимствовали из Азии большую часть тех вещей, которые считались иностранного происхождения. Однако вполне возможно, что самая ранняя цивилизация возникла в Африке, оттуда она отступила в Азию, как, как мы знаем, затем из последней в Европу и, как мы сейчас наблюдаем, в Америку. Но что такое цивилизация? Это, или ее можно определить как результат интеллектуального проявления. Нация или народ, которые наиболее глубоко изучили и поняли законы природы или природу вещей и применили свои знания к собственному благополучию, являются наиболее цивилизованными, или мы можем сказать, одним словом, что нация, обладающая наибольшими знаниями, является наиболее цивилизованной. Греки, безусловно, превзошли все современные народы в самом важном из всех знаний, но даже это, похоже, было скорее случайностью, чем чем-то иным. Политический интеллект, или знание социальных отношений людей друг к другу, - самое важное, чем они могли обладать. Можно сказать, что греки как обладали этим знанием, так и испытывали в нем полный недостаток. Афины с тридцатью тысячами граждан, признанных равными друг другу, были демократией, но эта так называемая демократия с сотней тысяч рабов была бурлеском на демократическое правительство. Гелоты Греции, подневольное и подвластное население, о котором история ничего не сообщает, кроме ссылок на них, были белыми людьми - мужчинами со всеми природными способностями Сократа, Демосфена или Алкивиада, но греческие ораторы и писатели того времени даже не предполагали, что у них есть какие-либо права. Они находились в таком же отношении к грекам, как саксы к норманнам, ирландцы к англичанам, и все же при всей своей политической просвещенности и высоком интеллектуальном развитии греки не давали им никаких прав и относились к ним как к другим и подчиненным существам. Поэтому идея, которую преподают в наших школах, что греки были авторами политической свободы, несостоятельна - они не практиковали и не понимали свободу, а внешние формы, ошибочно принимаемые за демократию, не имели с ней никакой необходимой связи. Аристотель не мог сформировать даже концепцию политической системы, которая не опиралась бы на рабство, и это, несомненно, было общим состоянием греческого ума. Греческие государства лишь случайно приняли демократическую форму или, скорее, приблизились к ней; но, хотя они были совершенно невежественны в вопросах индивидуальных отношений, они, несомненно, имели четкое представление об отношениях государств и обязанностях,

которые независимые сообщества должны выполнять друг перед другом. Азиатские народы, похоже, не имели ни малейшего представления об этих обязанностях - завоевание или рабство были единственными альтернативами. Нация должна завоевать или быть завоеванной - династия должна уничтожить всех остальных или сама ожидать падения - и азиатский характер до сих пор в значительной степени отражает эти привычки. Таким образом, за исключением внешней стороны политического общества, вряд ли можно сказать, что греки сделали что-то для политической свободы или развития политической науки. Римляне сделали больше - гораздо больше, - но у них практически не было понятия о демократии и свободе личности. Гордое хвастовство: "Я - римский гражданин", в отличие от идеи американского демократа, было похоже на дух британского аристократа наших дней, претендующего на привилегии своего ордена. Люди, основавшие город Рим, хотя они, несомненно, были мошенниками и авантюристами, возможно, даже изгоями среди соседнего населения, считались выше более поздних эмигрантов, а их потомки особенно претендовали на исключительные привилегии. А когда Рим превратился в могущественную империю и стал править миром, сенаторский строй управлял империей - во всяком случае, до тех пор, пока Сезар не перешел Рубикон и не захватил верховную власть. Переход от республики к империи практически не повлиял на вопрос о свободе, так как состояние основной массы народа осталось прежним. Рим завоевал весь или почти весь известный в то время мир, поскольку, за исключением персов и, возможно, нескольких групп населения на крайнем Севере, вся кавказская раса признала римлян своими правителями. Парфяне, которые так часто вели отчаянную войну с римлянами, несомненно, были смешанным народом, чем-то похожим на современных турок, и, вполне возможно, их предками. Следуя грубому кодексу ранних времен, римляне поработщали завоеванное население. Все военнопленные считались лишенными жизни и распределялись между римскими завоевателями, а сельское население было вынуждено платить дань римским гражданским чиновникам. Вполне вероятно, что римляне завоевали некоторые низшие расы, но за исключением нумидийцев, ливийцев, эфиопов и т.д. в Африке, римские писатели ничего не говорят на эту тему. Говорят, что история римлян была историей кавказской расы, и это была история всего мира. Это буквально верно, поскольку, хотя мы не можем предположить, что завоеванное население было жалкими варварами, какими их представляют римские писатели, Рим был наиболее развитой частью расы, а значит, воплощением ее цивилизации и интеллектуальной жизни. В данный момент Париж олицетворяет всю Францию, а город Рим имел примерно такое же отношение к населению, составлявшему империю, как бы далеко оно ни находилось от столицы. Не было ничего необычного в том, что тот же самый генерал, который командовал в Британии или завоевывал Галлию, управлял африканскими провинциями или проводил кампанию против персов на берегу Евфрата. И как бы ни удовлетворяли тщеславие римских авторов предположения о том, что только они были цивилизованными, совершенно неразумно полагать, что завоеванное население, имеющее ту же природу и те же способности, что и они сами, и к тому же часто и тесно общающееся с ними, могло сильно отличаться или оставаться варварами, даже если они были таковыми в момент завоевания. Римляне намного превзошли греков в политических знаниях, но и для них государство было всем, а личность - ничем. Как и у греков, подавляющее большинство было рабами; римское гражданство или права, на которые претендовал римский гражданин, были в лучшем случае особой привилегией; а до прихода христианства идея индивидуальных прав, равенства, демократии, похоже, никогда не зарождалась на интеллектуальном горизонте этой расы. Даже первобытные христиане не принимали ее в теории, хотя и воплощали на практике. Их умственные привычки были сформированы в условиях старого социального порядка, и хотя дух нового учения побуждал их воплощать его на практике, лишь немногие, если вообще кто-либо, принимал его в теории. Христос

говорил: "Любите друг друга" и "Поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы они поступали с вами", то есть "предоставляйте другим права, которые требуете для себя", но хотя они часто жили вместе, владея общими вещами, как современные коммунисты и социалисты, пожалуй, ни один из миллиона никогда не думал о применении их доктрин к государству или даже не предполагал, что искусственные различия, разделявшие классы, могут быть когда-либо изменены или модифицированы. Даже принудительные и противоестественные отношения хозяина и раба, которые неизбежно нарушали основополагающую доктрину их религии, поддерживались и почитались в теории, и потребовалось несколько столетий практики и верного повиновения духу новой веры, прежде чем это древнее варварство было окончательно изжито из римского мира. За завоеванием Рима так называемыми северными варварами последовало затмение образования, по крайней мере, в Западной Европе наступила умственная тьма, которую вполне уместно назвать темными веками. Было ли это вторжение северных народов в Италию истинной причиной этой тьмы? За несколько столетий до этого из Азии происходила огромная и почти непрерывная эмиграция, причем не отдельных людей, как мы наблюдаем в наши дни, в Америку, а племен, общин, целых народов. История действительно несовершенна, а то и вовсе умалчивает о причинах этих могучих миграций, которые так долго давили на Европу. Но не подлежит сомнению, что монгольская раса в это время в значительной степени изменила свое местоположение и, надавив на старое кавказское население Азии, заставила эти огромные массы искать убежища и безопасности, если не дома и счастья, в Европе. Могущественные вторжения Атилы в Италию в пятом веке, безусловно, доказывают истинность этого. Сам он, несомненно, был белым человеком, как и его вожди; но могучее население, над которым он властвовал и которое простиралось от Дуная до границ Китая, было в основном монгольским. Но ни один монгол не поселился в Европе на постоянной основе - никто кроме кавказцев, и, за исключением современных турок, никто, кроме чистых кавказцев, - и, будучи такими же людьми, как и сами римляне, почему они должны быть варварами? Они были завоевателями, что является хорошим доказательством того, что, хотя они и не были столь утонченными, возможно, и не были столь женоподобными, какими стали римляне, они не могли быть варварами. При прочих равных условиях завоевать сможет та нация, которая добилась наибольшего прогресса в знаниях, потому что для успеха ей нужно лишь применить свои знания для достижения этой цели. Нет никаких сомнений в том, что мы сами превосходим все нации нашего времени в знаниях или в нашей способности применять наши знания для целей материального существования. Наши железные дороги, каналы, общественные работы, наше кораблестроение, торговля и т. д. доказывают это, и нам остается только применить эти знания для целей нападения или обороны, для вторжения в другие страны или для защиты самих себя, чтобы продемонстрировать наше колоссальное превосходство. Тем не менее, если мы завоюем Испанию или любую другую древнюю и немодную империю, их писатели, несомненно, отомстят, назвав нас варварами, как, собственно, и представляли нас бедные, слабые и преувеличенные гибриды Мексики, когда владели их столицей. Поэтому ничто не может быть более неправдоподобным, чем теория Гиббона и других, согласно которой народы, завоевавшие Рим, были варварами, а темные века - результатом этого завоевания. Но была причина последующей тьмы, которая так долго царила в европейском мире, гораздо более осязаемая. Христианство стало общепринятым, и плохие и амбициозные люди, в условиях всеобщего невежества широких масс населения, могли использовать его с огромным эффектом для удовлетворения своих амбиций и достижения личных целей. Достаточно было предположить, что Христос делегировал власть на земле для толкования воли Неба, касающейся как мирских, так и религиозных интересов, и, конечно, все человеческие исследования и умственная деятельность прекратились и были осуждены как нечестие.

Подчиненное духовенство часто, возможно, в целом, оставалось верным великим истинам, переданным первохристианами, но, будучи зависимым от традиции и подчиняясь власти своих сакральных начальников, оно тщетно сопротивлялось этим влияниям, и со временем эти истины настолько испортились, что едва ли сохранили хоть какое-то сходство с первоначальной верой. Считается, что, за исключением этих "темных веков", кавказский ум никогда не регрессировал и не оставался неподвижным. Прогресс - это закон, инстинкт, необходимость кавказского ума, и как бы ни угасали некоторые ветви или некоторые нации, всегда найдется часть, национальность или сообщество, которое воплощает в себе потребности расы, и которое движется вперед в погоне за неопределенной совершенностью, которая является его специфической и отличительной характеристикой. Но легко понять, как это могло затмиться при существовавших тогда обстоятельствах. Большая часть так называемых варваров, завоевавших Рим, была невежественна в отношении христианства, и когда они стали обращать в христианство покоренных римлян, то, естественно, превозносили своих учителей как существ, почти сверхчеловеческих в своем превосходном знании; а общее невежество того времени благоприятствовало любым притязаниям священников, какими бы абсурдными они ни были. В самом деле, группа людей, претендующих на роль толкователей воли Всевышнего и считающихся таковыми, неизбежно прерывала всякое исследование законов природы (истинных законов Бога), и хотя некоторые монахи, запертые в своих кельях, продолжали думать, экспериментировать, приобретать знания, а также во многих случаях сохранять уже приобретенные другими, большая масса народа, равно как и большая часть духовенства, рассматривала все подобное как нечестивое, нечестивое и еретическое. И нам достаточно предположить интеллектуальную активность и свободу, соответствующую нашим временам на протяжении этих мрачных веков, чтобы осознать, какое чудовищное зло причинили миру эти священнические высокомерие и амбиции.

Так называемые расы, которые наиболее ярко проявили себя в период, начинающийся с подлинной истории и заканчивающийся темными веками, - это, во-первых, семитские, включающие египтян, карфагенян, персов, сирийцев, евреев или иудеев, сарацинов, арабийцев и т. д. В действительности под термин "семитский" можно включить всех восточных людей, за исключением парфян, которые, несомненно, были смешанным народом, и тех северных племен, исторически известных как скифы, впоследствии завоевавших Египет и ставших родоначальниками той необыкновенной военной автократии, которая в наше время известна под именем мамлюков. Второй великой ветвью была пеласгическая, которая включала в себя македонцев, римлян, эллинские племена, дорийцев, фракийцев и т. д., и главными представителями которой на протяжении почти двух тысяч лет были римляне. Между этими великими ветвями кавказцев - а они обе, несомненно, были типичными кавказцами, хотя Агассис считает, что семитский народ представляет собой отдельный вид - велись почти постоянные войны, с самого начала истории и до взятия Константинополя. Греческая и Троянская войны, несомненно, были столкновениями такого рода, как и войны греков и персов, завоевания Александра, которые на некоторое время почти уничтожили Персидскую империю, ужасная борьба за жизнь и смерть римлян и карфагенян, и, наконец, вторжение и завоевание Испании арабийцами с их окончательным поражением от франков при Карле Мартеле. Действительно, если перейти к более современным временам, то мы видим крестовые походы, когда почти вся Европа в приступе неконтролируемой френдзоны набросилась на Азию; а в последовавшем за этим крахе азиатские орды, хотя и не совсем семитские, снова попытались проникнуть в Европу и фактически завоевали остатки старой Римской империи, в восточной столице которой они теперь прочно обосновались. Историки склонны превозносить результаты этих состязаний, особенно поражение Ганнибала и низвержение карфагенян римлянами, а также поражение

арабов франками, как имеющие жизненно важное значение для мира и интересов человечества; но вполне возможно, что они переоценивают эти вещи, особенно победу римлян над карфагенянами. Они принадлежали к одному и тому же роду людей, обе ветви кавказцев, с одной и той же природой, одними и теми же наклонностями и, при одних и тех же обстоятельствах, одними и теми же существами. Для своего времени карфагеняне были высокоцивилизованными. Они были наследниками египетской и азиатской цивилизаций, как Рим - греческой. Они были великим торговым народом, с безграничным богатством, наукой, искусствами, производствами, всем, кроме воинственного духа; в то время как Рим, в то время лишенный торговли, бедный и раздираемый фракциями, был всего лишь военной аристократией, а сама столица - не более чем военным лагерем. Почему же поражение первых должно было благотворно сказаться на прогрессе расы или на общих интересах человечества?

Что касается поражения арабов от франков, то здесь дело обстоит совершенно иначе. Они были того же вида и, несомненно, в то время более развиты, чем европейцы, но они были магометанами и находились в полном восторге от своей веры, которую они неизменно распространяли мечом. И если бы они захватили Европу, как они захватили Азию, то, несомненно, последовали бы примерно такие же результаты, поскольку, хотя это совершенно невероятно, более того, ввиду божественного происхождения, невозможно, чтобы они могли истребить христианскую религию, они нанесли бы ей и общему делу цивилизации неисчислимый ущерб. Но обе эти великие ветви расы уже давно исчезли из истории. Едва ли можно сказать, что семитский элемент вообще существует. В Африке он смешивается с кровью негров и, возможно, с кровью какой-то расы или рас, не стоящих так низко на шкале, как негры. В Азии она смешана с монгольской кровью, и хотя арабское и персидское население наших дней в основном белое, во всех азиатских общинах она в той или иной степени запятнана. Великая пеласгийская ветвь давно исчезла и была поглощена более современными ветвями расы, и хотя современный итальянец претендует на то, чтобы быть, и, несомненно, является, линейным потомком древнего римлянина, никакие части расы не отделены друг от друга больше, чем древний римлянин и его современный потомок, что является ярким доказательством того, что случайное кровосмешение не влияет на универсальность расы.

Последний великий цикл истории, начавшийся с Реформации, доходит до наших дней и включает в себя наше время. Нет необходимости подробно останавливаться на нем, поскольку все разумные люди имеют на него одинаковое мнение. Однако с падением Римской империи появились новые разновидности кавказцев, или, как их называют историки, новые расы, которые, в свою очередь, боролись за мировую империю. Орды, которые под предводительством Алариха и других вождей захватили Италию, были известны как готы - общий термин, который применяется к большому количеству самых разных людей, хотя, конечно, все они были белыми людьми, а значит, одной расы или вида. Но после переменчивой судьбы и многочисленных мутаций все эти расы объединились в несколько хорошо заметных и известных подразделений или семейств, существующих в настоящее время. К ним относятся: *во-первых*. Кельты - к ним относится большая часть французов, итальянцев, испанцев, португальцев и остатки первобытных людей на Британских островах. *Во-вторых*. Тевтонцы или германцы, включая немцев всех видов, швейцарцев, мифических англосаксов и, возможно, датчан, скандинавов и т. д. *Третьи*. Склавонцы, включающие русских, поляков, сербов, хорватов, черногорцев и т. д. Есть несколько групп населения, которые, как по языку, так и по историческим фактам, имеют мало или вообще не имеют связи с перечисленными. Это современные венгры, европейские турки, черкесы и т. д. Они, однако, кавказцы: даже турки и черкесы в наше время являются чистыми или в основном

чистыми кавказцами. Наконец, остается наш собственный народ, потомство каждой страны и каждой разновидности расы, а поскольку чем больше скрещивается кровь, тем энергичнее и здоровее продукт или потомство, американский народ должен стать, как он, несомненно, и станет, самым могущественным и самым цивилизованным народом на свете.

Таково, вкратце, несовершенное резюме или набросок истории нашей расы, единственной расы, у которой есть история или которая способна к тем психическим проявлениям, запись которых составляет историю. Любимая теория большинства историков - представлять умственное развитие расы как разделенное на отдельные категории, не на исторические периоды, как рискнул автор, а на различные фазы интеллектуальных проявлений. Они предполагали, что люди (белые люди) сначала были охотниками и жили исключительно за счет погони, что через некоторое время они стали пастухами и жили за счет своих стад или отар - , что затем они сделали еще один шаг вперед и стали земледельцами, и, наконец, ремесленниками, торговцами и т.д. Предполагается, что каждое из этих состояний зависело или было связано с соответствующим умственным развитием. Охотник обладал достаточным интеллектом, чтобы сбить оленя, или смекалкой, чтобы поймать дичь, необходимую для его пропитания, но не имел достаточных способностей, чтобы заботиться о своих стадах, или разума, достаточного для обработки земли! Это представление, несомненно, возникло в результате наблюдения за привычками низших рас людей, хотя вполне возможно, что наша собственная раса прошла через некоторые этапы, подобные тем, что были предложены. Но никогда не было никаких изменений в ее реальных интеллектуальных способностях. Умственные способности, данные ей в утро творения, были такими, какими они являются сейчас, и такими, какими они будут через миллионы лет. Так объясняется (для многих) кажущаяся аномалия, что на заре истории существовали такие люди, как Гомер, Платон, Сократ, Пифагор и другие, с широтой и глубиной интеллекта, соответствующей самым интеллектуальным людям нашего времени. Умственная сила, как и физическая, остается неизменной на протяжении всех эпох и мутаций человеческого общества, в то время как знания, или использование интеллектуальных сил, постоянно меняются от эпохи к эпохе и от одной страны к другой. Жалкого итальянского шлифовщика органов под нашим окном трудно представить воплощением высокого интеллекта и мощной воли, которые две тысячи лет назад сделали его предков властелинами мира, но таков факт, какими бы скрытыми, неизвестными или неощутимыми ни были эти силы. Объем или степень знаний, восприятие внешних вещей, их отношений, законов, которые ими управляют, их использование, их влияние на наше благополучие или наоборот, короче говоря, наши способности к приобретению знаний, к постижению себя и вещей вокруг нас, безграничны, и поэтому прогресс и неограниченная совершенность - специфические атрибуты кавказца. Каждое поколение применяет свои возможности и приобретает определенный объем знаний, наследником которых становится последующее, а оно, в свою очередь, передает свои приобретения последующим; таким образом, его шествие постоянно продолжается, и считается, что, за исключением "темных веков", великий закон прогресса, который Бог наложил на расу как обязанность, а также дал ей как благословение, никогда не прерывался.

Но низшие расы человечества представляют собой совершенно иной аспект в этом отношении. Негр, изолированный сам по себе, кажется совершенно неспособным передать что-либо последующему поколению, а аборигены Америки, Малайзии и т. д., несомненно, приближаются к нему в этом отношении. Ацтеки и перуанцы к моменту испанского завоевания, однако, достигли уровня земледельцев и поэтому, несомненно, были способны к ограниченной или несовершенной передаче своих знаний. Малайцы, вероятно, способны к еще большему развитию в этих отношениях; но их ограниченность слишком очевидна, чтобы ошибаться. Монгол, напротив, гораздо ближе к нам, и хотя нельзя сказать, что у него есть

история в каком-либо правильном смысле, он, несомненно, способен передавать свои знания будущим поколениям в гораздо большей степени, чем другие, но и он находится на неизмеримом расстоянии от кавказца в этом отношении. Китайцы, правда, претендуют на то, чтобы проследить свою историю до периода, намного предшествующего нашему, но это утверждение само по себе является достаточным доказательством собственной никчемности. Никто не станет утверждать, что отдельный китаец обладает большим мозгом или большей широтой интеллекта, чем отдельный европеец, а если это не так, то какая глупость полагать, что совокупный китайский разум способен сделать то, что невозможно для совокупного кавказского интеллекта! По правде говоря, то, что считается историей Китая, - это просто набор басен и вздорных небылиц, и можно усомниться, что они могут проследить свои летописи хотя бы на пятьсот лет назад с какой-либо определенностью или достаточной точностью, чтобы претендовать на историческое достоинство. Однако нет никаких сомнений в том, что в какой-то отдаленный период значительная часть китайского населения была кавказской, как, впрочем, и сейчас, и, возможно, несомненно, что Конфуций и другие знаменитые имена, известные современным китайцам, были белыми людьми, и те темновые и неопределенные исторические данные, которыми они сейчас располагают, скорее всего, были получены из этих источников. Монгольская раса была фактически неизвестна древним писателям, хотя, несомненно, контактировала с ними с очень раннего периода.

Гамильтон Смит и другие предполагают, что монголы формально существовали гораздо дальше на севере, чем сейчас, и что их огромное развитие в отношении численности в конце концов так сильно давило на кавказское население Центральной Азии, что вытеснило его, и, следовательно, те могучие миграции в Европу, вскоре после начала христианской эры, были результатом этого давления на их тыл. Как бы то ни было, несомненно, что те огромные наводнения, которые временами проносились над азиатским миром, а также угрожали Европе своими ужасными результатами, состояли в основном из монгольских элементов. Атила был чистой кавказской крови, и его вожди, несомненно, тоже были белыми людьми или с преобладающей кавказской иннервацией; но столь же несомненно, что большая часть его ужасных полчищ была монголами. Его резиденция находилась на Дунае, где-то в районе современной Буды, откуда он угрожал Франции, а также Риму и Итальянскому полуострову, в то время как его владения простирались до границ Китая и охватывали обширные области и почти бесчисленные группы населения, расположенные между этими широко разделенными точками. Его вторжение во Францию и отпор, если не поражение при Шалоне, - одно из тех трансцендентных событий, которые, к добру или злу, меняют порядок истории и на века влияют на судьбы человечества. Если бы этого не произошло, если бы его поход был непрерывным, если бы его ужасные легионы пронесли по Западной Европе, как они уже пронесли по Восточной, и огромное монгольское население навсегда поселилось бы там, судьбы человечества были бы совершенно иными. Но его отпор, отчаянное отступление и последующая смерть, последовавшая вскоре после этого, изменили ход событий, и его опустошительные орды, вместо того чтобы навсегда обосноваться в сердце Европы, исчезли настолько, что, за исключением нескольких тысяч жителей Лапландии, они не оставили никаких следов или свидетельств своего ужасного вторжения в европейский мир.

Чингисхан в двенадцатом веке стал следующим великим завоевателем и могущественным предводителем тех огромных монгольских орд, которые в разные времена наводняли древний мир и в своем опустошительном походе сметали многочисленные империи и истребляли целые народы. Чингисхан, хотя и имел преимущественно кавказскую кровь, был смешан с монгольской, но его преемники на протяжении нескольких веков после него были в основном кавказцами или детьми кавказских матерей. Наконец, последний и величайший

из этих ужасных завоевателей, Тамерлан, в XVI веке завоевал почти всю Азию, проник даже в Африку и покорил Египет, а его поражение Баязета, императора турок, находившегося тогда в зените своего могущества, Если бы его жизнь продлилась еще на несколько лет, вполне возможно, что он осуществил бы то, что, по-видимому, было целью Аттилы, и подчинил бы своей ужасной власти как европейский, так и азиатский мир. Как бы то ни было, он захватил и покорил Индию, а также Египет, и, будучи хозяином или носителем двадцати восьми корон, он правил всей Азией до границ Китая, за исключением турецких владений, и даже здесь он был признанным хозяином, хотя и вернул империю сыновьям Баязета. Характер его завоеваний - смерть и опустошение, которыми был отмечен его путь, - был самым ужасным, а также самым обширным из всех, что когда-либо наблюдались до или после него, и многие из самых больших и могущественных империй Азии были полностью стерты с лица земли, как будто она разверзлась и поглотила их. Сам он был чисто кавказского происхождения, и, несомненно, его генералы и вожди были такими же, а кавказские татары составляли очень значительную часть его войск. Несомненно, был также большой смешанный или беспородный элемент, ибо из толп женщин-пленниц, захваченных во время монгольских вторжений, немногие когда-либо возвращались в свои дома, но, став женами монгольских вождей, те многочисленные и часто могущественные династии, которые правили азиатским населением, имели свое происхождение. Тем не менее подавляющее большинство этих почти бесчисленных орд, возглавляемых Тамерланом, были смешанными монголами, и поэтому, хотя сам вождь был кавказцем или белым человеком, на кровавом и опустошительном характере его завоеваний лежала печать жестокости и свирепости этой расы. Пожалуй, нет лучшей иллюстрации кавказского и монгольского характера, чем контраст между вторжением Александра в Персию и Индию и аналогичными вторжениями Тамерлана. Первый, хотя и был "язычником" за несколько столетий до христианской эры, был гуманен и милосерден к завоеванным и, за исключением сражений, не проливал крови, в то время как второй, не довольствуясь принуждением к соблюдению мусульманского правила о дани или смерти или религии пророка, вырезал целые народы после окончания битвы и для удовлетворения своих свирепых орд. Завоевание Багдада и пирамида из девяноста тысяч голов - одно из тех ужасных событий, которые вызывают недоумение у историков, поскольку в истории не только нет ничего похожего на это, но и, кажется, нет мотива или достаточной причины для этого. Это результат, отпрыск монгольской свирепости и апатичной жестокости, подобной той, что мы наблюдаем сейчас в Индии и Китае, и проистекает он, возможно, не только из низкого уровня чувствительности или неспособности чувствовать или сочувствовать страданиям, но и из чувства жестокости.

Индусы, или восточные индийцы, как и китайцы, также претендуют на то, что их история уходит корнями в далекое прошлое по сравнению с нашей исторической эпохой. Их претензии в этом отношении, несомненно, более обоснованы, чем у первых, но они тоже абсурдны и бесполезны. Изначально индусы были кавказцами, которые в какой-то отдаленный период вторглись в Индию, завоевали ее и наложили печать своей цивилизации и религии на весь полуостров. Вполне вероятно, более того, это несомненно, что Индия была захвачена и завоевана многочисленными народами или племенами кавказцев задолго до завоевания индусами. В наши дни существует слишком много следов этого, слишком много доказательств прежнего существования в Индии великой ведущей расы человечества, чтобы мы могли сомневаться в этом. Огромные обломки, разбросанные по всей Индии, а также шестьдесят или семьдесят диалектов санскрита доказывают, что Индия, должно быть, долгое время находилась под властью кавказцев. Многие считают, что колыбелью расы был *индусский Кош*, или высокая гора Тибет, и вполне разумно предположить, что задолго до

нашей исторической эпохи белые люди могли составлять основную часть индийского населения. Они, несомненно, распространились по полуострову; или, если это была родина монголов, то несомненно, что беспокойные и энергичные кавказские племена в очень ранние времена вторглись в страну и завоевали ее. Даже сейчас в Индии присутствует большой кавказский элемент. Афганцы - чистые кавказцы, а сикхи, раджпуты и значительная часть жителей Удэ, несомненно, имеют преобладающую кавказскую кровь. Кастовость, о которой так много говорят английские писатели, а добрые люди из Эксетер-Холла так хотят ее "отменить", в значительной степени является простым монгрелизмом, а то, что не является монгрелизмом, - это просто то, от чего сама Англия страдает в большей степени, чем любая другая страна или народ. Норманны вторглись в эту страну, завладели ее землями и обратили завоеванных англосаксов в рабство, где они и остались с тех пор, и хотя норманнская кровь давно исчезла, теория или система осталась, так как несколько хитрых и ловких "англосаксов", утверждающих, что они потомки норманнских завоевателей, *теперь* монополизируют землю и управляют основной массой народа так же абсолютно, как это делали в свое время настоящие норманны. Первые захватчики Индии захватили все, как и норманны в Англии, но они смешались с завоеванными и, таким образом обезобразив себя, стали жертвой новых нашествий чистых кавказцев. Их, в свою очередь, постигла та же участь, и так с незапамятных времен выросли эти многочисленные династии, каждая из которых имела свой характер и превратилась в касту, часто, несомненно, как средство управления народом, и сохранялась завоевателями так же бережно, как и та, которую они, в свою очередь, навязывали стране. Норманны и саксы были одной расы, и чем больше примесь крови, тем энергичнее население, в то время как примесь кавказца-завоевателя к завоеванному монголу сделала современного индуса бессильным и презренным по сравнению с английским или европейским захватчиком нашего времени. Общая тема человеческих рас изучена так мало, а наши фактические знания об этих великих азиатских народах так ограничены и так несовершенны, что трудно определить их нынешний характер, не говоря уже об их прежней истории, и вполне возможно, что нынешний уроженец Индии конкретно отличается от китайца. У писателей, пишущих на эту тему, было принято считать, что кавказцы и монголы, с их часто обширными родственными связями, составляют единственное население Азиатского континента, и что различия, которые действительно представлены, обусловлены исключительно климатом и внешними воздействиями. Писатель принял эту точку зрения, но не согласился с ней фактически, поскольку фактические различия между Нена Сахибом или индийским принцем и настоящим монголом китайского образца, безусловно, столь же отчетливы, как и те, что отделяют первого от современного англичанина, и поэтому он считает вполне вероятным, что дальнейшее исследование покажет расу или вид людей, в основном встречающихся в Индии, которые еще не известны и должны занять свое место в большой человеческой семье, посередине между кавказцами и монголами. Как бы то ни было, однако, несомненно, что только наша собственная раса имеет историю или способна к тем психическим проявлениям, которые составляют материал для истории. Монгольский элемент, хотя и часто вторгается и временно завоевывает значительные части территории, занимаемой кавказским населением, отступает почти так же быстро, как и продвигается, и поэтому фактический центр их существования остается в основном тем же самым во все времена. Монгольская кровь,

однако, обнаруживается за пределами собственного центра, но, вероятно, среди монгольских народов гораздо больше кавказского элемента. Кавказские татары вторглись в Китай и завоевали его несколько столетий назад, и, хотя они, несомненно, смешались с монголами и в основном являются монголами в настоящее время, они являются правящей династией. Инстинкты этой расы, естественно, побуждают ее избегать контакта или столкновения с высшей расой; таким образом, великая китайская стена была тщетной попыткой оградить расу, которую она боится и ненавидит, и которая, как уверяют ее инстинкты, должна преобладать над ней самой везде, где они существуют в сопоставлении. Многие воображают, что наши договоры с Японией и Китаем приведут эти огромные народы в круг современной цивилизации и откроют для нас вождественную азиатскую торговлю, которую, благодаря Калифорнии и Тихоокеанской железной дороге, мы в основном монополизируем. Конечно, эти представления возникают из-за полного незнания того, чем Китай является на самом деле, и, за исключением степени, не отличаются от тех, что имеют аболиционисты в отношении негров и негритянского "рабства". Монгол никогда не станет, да и не сможет стать элементом современной или христианской цивилизации нашего времени и нашей расы, и хотя между нами и Китаем может вестись определенная торговля, она вряд ли будет отличаться в значительной степени от той, что существует сейчас, а любые попытки установить дипломатические отношения или равенство просто абсурдны и ни к чему не приведут.

Такова, таким образом, история монгольской расы - расы, ближайшей к нашей, - вся история, которую мы имеем о ней, да и вообще вся история, которая существует, ибо какими бы краткими или несовершенными ни были наши собственные знания об этой расе, они, несомненно, лучше и надежнее, чем ее собственная притворная история о себе. Как уже говорилось, в отличие от негра, чьи способности не могут выйти за пределы живого или реального поколения, и для которого миллионы поколений то же самое, что одно, монгольский ум может, возможно, с большей или меньшей точностью, постичь жизнь нескольких поколений, но он ни в каком смысле не способен действовать, а следовательно, и писать историю.

ГЛАВА V. ЦВЕТ.

Анатомы и физиологи очень усердно пытались объяснить или показать "причину" цвета, причем не только у негров, но и у нашей расы. Они обычно предполагали, что причиной является *pigmentum nigrum*, вещество, лежащее непосредственно под внешней кожей, или кутикулой, и поэтому цвет лица может быть светлым или темным, блондином или брюнетом, в зависимости от того, насколько "красящее" вещество может быть темным или другим. В каком-то смысле это, несомненно, верно, но говорить об этом как о причине - злоупотребление терминами, поскольку это просто факт, и не более причина, чем следствие. Причина и причины природных явлений известны только Всемогушеству, и почему кавказец белый, монгол желтый или негр черный, так же абсолютно скрыто от нас, как и причина их

существования вообще - так же, как и причина смены времен года, или почему люди и животные в определенное время достигают зрелости или, наконец, разлагаются и умирают. Однако божественная мудрость и совершенная закономерность самого факта очевидны, и мы можем видеть не только его трансцендентную важность, но и абсолютную невозможность того, чтобы было иначе. Во всех творениях Бога есть совершенная гармония, а также совершенная мудрость, и поэтому такое чудовище, как "цветной человек" - или существо, похожее на нас во всем, кроме цвета кожи негра, - не просто абсурдно, но и невозможно на самом деле, хотя и не столь ощутимо для поверхностного интеллекта, как белое тело с головой негра на плечах или, более того, как собака с головой любого другого животного или формы существа.

Лицо кавказца отражает характер, эмоции, инстинкты, в некоторой степени интеллектуальные силы и даже приобретенные привычки, добродетели или пороки человека. Это в определенной степени зависит от подвижности лицевых мышц, общего анатомического строения и очертаний черт; но без нашего цвета выражение было бы очень несовершенным, а лицо совершенно не способно выразить внутреннюю природу и специфический характер расы. Например: Что может быть в одно и то же время столь очаровательным и столь указывающим на внутреннюю чистоту и невинность, как румянец девичьей скромности? На мгновение лицо становится алым, затем, возможно, бледнее, чем когда-либо, в своей нежной прозрачности; и эти физические изменения, какими бы прекрасными они ни были для глаза, становятся в тысячу раз больше благодаря нашему сознанию, что они отражают нравственные эмоции, бесконечно более прекрасные. Может ли кто-нибудь предположить, что такое возможно для черного лица? Что эти внезапные и поразительные изменения цвета, отражающие нравственное восприятие и возвышенную натуру белой женщины, возможны для негритянки? И если последняя не может отразить эти вещи на своем лице - если ее черты совершенно неспособны выразить столь возвышенные и прекрасные эмоции, то разве не ясно, что она лишена их - что они не существуют в ее внутреннем существе, не являются частью ее моральной природы? Предполагать обратное не только абсурдно, но и нечестиво; это значит полагать, что Всемогущий Творец наделил бы существо нравственными потребностями и способностями, которые не могли бы получить развития, - с внутренней природой, лишенной внешнего отражения или проявления своих потребностей или самой себя. Конечно, это не означает, что у негритянки нет нравственной природы; это лишь призвано продемонстрировать тот факт, что у нее нет нравственной природы белой женщины; и, следовательно, те, кто наделил бы ее внутреннюю природу этими качествами, неизбежно должны обвинить Создателя в грубой несправедливости, лишив ее возможности проявить качества, столь необходимые для ее собственного счастья, а также для нашего представления о достоинстве и красоте женственности. Эта же иллюстрация широко варьируется в отношении другого пола. Она ежедневно встречается в нашей общественной жизни и сталкивается с нами на каждом шагу. Белый мужчина то покраснел от гнева, то посинел от страха, то побледнел от горя. В один момент он настолько заряжен темными страстями, что становится почти черным, а в другой - настолько смягчен печалью или поражен горем, что его лицо бескровно и абсолютно бело. Все эти внешние проявления внутренней природы - нравственного существа, которым наделил нас Бог, - знакомы каждому. Они составляют часть нашего повседневного опыта и являются неотъемлемой частью нашей общественной жизни.

Между нашими людьми существуют большие различия в отношении общего выражения черт лица. Одни отражают на своих лицах все эмоции, которые ими движут, другие же настолько неподвижны или настолько контролируют себя в этом отношении, что кажутся непроницаемыми. Но это никак не связано с цветом кожи и не имеет никакого отношения к

тому великому фундаментальному и специфическому факту, с помощью которого и через который Всемогущий приспособил характер и выявил относительные условия нескольких человеческих рас. Как и все другие великие факты, цвет является стандартом и точным измерением специфического характера. Кавказец - белый, негр - черный; первый - самый высший, второй - самый низший, а между этими крайностями человечества находятся промежуточные расы, приближающиеся к первой или ко второй, как и распорядился Всемогущий в Своей безграничной мудрости и неизреченном благодеении. Цвет кожи не более радикален и универсален, не больше различий между белыми людьми и неграми, чем любой другой факт из бесчисленных миллионов фактов, разделяющих их. Он более ощутим для чувства, более неизбежен, но не более универсален и неизменен, чем разница в волосах, голосе, чертах лица, форме конечностей, единственной глобуле крови или мириадах и миллионах вещей, составляющих негритянское существо. Кажется, что Всемогущий Творец, начертав на самой поверхности земли это ощутимое различие, хотел оградить Свою работу от любого возможного осквернения и поэтому отметил ее так четко, что человеческое невежество, мошенничество, глупость или нечестие ни в коем случае не могли ее перепутать. И действительно, он не ошибается, ибо те извращенные существа среди нас, которые так громко кричат о равенстве негров или о том, что с неграми следует обращаться так же, как с белыми людьми, желают лишь навязать свои отвратительные теории другим и скорее предпочли бы, чтобы их собственные семьи полностью исчезли с лица земли, чем практиковать или жить в соответствии со своей доктриной в этом отношении. Термин "цветной человек" или "цветной человек", хотя и естественный для европейцев или тех, кто никогда не видел негров или представителей других рас, не мог возникнуть в обществе, где есть негры, ибо это не только неправильное название, но и абсурд, такой же грубый, как сказать "цветная рыба" или "цветная птица". Наконец, как цвет является стандартом и критерием специфического характера, раскрывающим внутреннюю природу и реальные возможности расы, так же он является критерием и стандартом нормального физического состояния человека. Наивысшее здоровье белого человека отличается чистой и прозрачной кожей, и именно тогда, когда он отходит от этого, его цвет становится мутным и бледным; в то время как негр отличается идеальной чернотой, и отход от этого - грязно-коричневый, почти пепельный цвет - таким образом, как и во всем остальном, раскрывается вечная истина, что жизнь и благополучие, как социальное, так и индивидуальное, идентичны точному признанию этих крайностей, и что только когда преобладают болезни и неестественные условия, становится возможным некоторое приближение к цвету или к равенству.

ГЛАВА VI. ФИГУРА.

Для того чтобы рассмотреть и правильно противопоставить отношение или общее очертание формы негра и европеоида, необходимо большое пространство, чтобы сделать этот предмет справедливым. Но нескольких кратких замечаний достаточно, чтобы понять его основные черты и дать возможность каждому добавить или дополнить детали из своего собственного опыта. Говорят, что Кювье, великий французский зоолог, мог подобрать в пустынях Аравии любую кость, сколь угодно мелкую, и по ней одной определить вид, род и класс, к которому она принадлежала. Поначалу это кажется почти невероятным, но минутное размышление

показывает не только практическую осуществимость, но и легкость и уверенность, с которой это может быть сделано. Действительно, недавно мы стали свидетелями еще более замечательного случая прослеживания жизни и определения отношений организованных существ с мельчайших и отдаленных точек. Агассис смог по одной чешуйке рыбы определить специфический характер рыб, причем таких, которых он никогда раньше не видел! Зоолог берет наугад кость; вскоре он обнаруживает, что это бедренная кость какого-то животного, и это неизбежно приводит к тому, что она принадлежит четвероногим, а это, в свою очередь, приводит к другим фактам, столь же связанным и зависящим друг от друга, ибо тот великий фундаментальный и вечный закон гармонии или адаптации, который Бог наложил печать на органическую и материальную вселенную, не допускает никаких несоответствий или противоречий, чтобы омрачить ее красоту или изуродовать ее величие. Так, анатом, уделивший определенное количество внимания теме, мог бы выбрать самую маленькую кость, запястье или кость пальца, например, и определить среди миллионов подобных костей, принадлежит ли она белому человеку или негру, с полной уверенностью и величайшей легкостью. Он будет знать, что такая кость составляет часть руки с ограниченной гибкостью, что костная структура согласуется с сухожилиями и мышцами, которые ее двигают, и придает ей, по сравнению с костью европеоида, ограниченную способность к действию, восприимчивость и т. д., и он обязательно свяжет эту руку с рукой соответствующей структуры, и, продолжая умножать связи и отношения, он придет к окончательному результату, без возможности ошибки, что данная кость принадлежит негру. Но если анализ одной кости или одной черты негритянского существа достаточен для того, чтобы продемонстрировать специфический характер или показать разнообразие расы, то этот великий факт еще более очевидно и с такой же уверенностью проявляется в форме, поведении и других внешних качествах. Негр не способен к прямому или прямому перпендикулярному положению. Общее строение его конечностей, форма таза, позвоночника, расположение головы на плечах, словом, *весь ансамбль* анатомических образований, не позволяет принять прямое положение. Но хотя вся структура приспособлена к слегка сутулой позе, голова, по-видимому, является наиболее важным фактором, поскольку с любой другой головой или головой любой другой расы было бы невозможно сохранять вертикальное положение.

Форма или фигура кавказца совершенно прямая, глаза расположены на одной плоскости с горизонтом, а широкий лоб, четкие черты лица и полная, ниспадающая борода накладывают на него печать превосходства и даже величия, отрицаемого всеми другими существами и относительно всех других рас людей. Напротив, узкая и продольная голова негра, выступающая назад, располагает его глаза под углом к горизонту, и только это позволяет ему приблизиться к прямому положению. Конечно, не стоит рассуждать о том, что невозможно, или предполагать, что могло бы произойти, если бы голова негра была похожа на голову кавказца, ведь малейшее изменение элементарного атома в строении негра превратило бы его в невозможное чудовище. Но при широком лбе и маленьком мозжечке белого человека совершенно очевидно, что у негра больше не будет центра тяжести, и поэтому те филантропы, которые будут "воспитывать" его в духе интеллектуального равенства или изменять психический организм негра, просто сделают его неспособным стоять на ногах или принимать вертикальное положение на любых условиях. Каждый, наверное, замечал эту особенность в облике и позе негра. Его голова запрокинута вверх и назад, демонстрируя определенное, хотя и отдаленное, сходство с четвероногим как по своей фактической форме, так и по тому, как она располагается на плечах. Узкий лоб и маленький головной мозг - центр интеллектуальных способностей - и выступающая задняя часть - центр животных функций - делают голову негра радикально и широко отличной от головы белого человека. Это знает каждый, потому что каждый видит это каждый день, и универсальный и

всепроникающий закон адаптации, который Бог навечно запечатлел в строении всех Своих созданий, позволяет негру сохранять центр тяжести и сравнительно вертикальную позу. Но если бы было правдой, что люди могут сделать себя сами, могут отодвинуть в сторону Самого Всемогущего Творца, как учат некоторые "реформаторы" современности, и значительно улучшить "породу", и, как утверждают "друзья человечества", что негра можно заставить соответствовать по своим интеллектуальным качествам белому человеку, то, несомненно, их трудности стали бы еще более значительными, чем прежде. То, что головной мозг, или передняя часть мозга, является центром, местом организма, по сути, интеллектуальной природы, так же несомненно, как и то, что глаз является органом зрения, и что пропорционально его размеру относительно мозжечка - центра животных инстинктов - существует умственная способность, какой бы латентной она ни была у отдельных людей, столь же несомненно. И если эти потенциальные реформаторы дела Всевышнего изменяют интеллектуальную природу негра, они обязательно изменяют организм, через который и посредством которого эта природа проявляется, и таким образом увеличат переднюю и уменьшат заднюю часть мозга в соответствии со своей собственной, совершенно очевидно, что они разрушат гармонию, существующую между головой и телом негра, и вместо черно-белого человека или существа с такой же интеллектуальной природой, как у нас, они сделают его столь же совершенно неспособным к передвижению или вертикальному положению, как если бы они отрезали его голову, вместо того, чтобы воссоздать ее по образцу своей собственной! Все анатомическое строение, ступни, кисти, конечности, размер и форма головы, черты лица, волосы, цвет кожи, *весь ансамбль* негритянского существа, каким оно предстает перед глазами, воплощает в себе негритянскую неполноценность по сравнению с другими расами; А что касается белого человека или кавказца, то он представляет собой настолько разительный контраст и настолько широкий и безошибочный интервал, что кажется невозможным, чтобы чьи-либо чувства были настолько притуплены или восприятие настолько извращено, чтобы оказаться неспособным воспринять это. Гибкость конечностей, прямые линии фигуры, выразительные черты лица, широкий лоб, прозрачный цвет и всклокоченная борода - все это придает кавказцу изящество и величие, которые делают его бесспорным хозяином всех живых существ, и даже существа животного мира воспринимают и признают это превосходство. В Индии нередки случаи, когда тигр, доведенный до отчаяния голодом, внезапно врывается в толпу и уносит человека, но вместо европейца он неизменно выбирает туземца, и хотя такой случай, как захват белого человека, неизвестен, негров в Сьерра-Леоне часто уносят и съедают львы. Инстинкт животного заставляет его нападать на низшее, а значит, более слабое существо, как даже наши домашние животные гораздо чаще нападают на детей, чем на взрослых. На самом деле у негра нет ничего общего с животным миром, чего не было бы у других рас, но те черты, которые присущи людям и животным, проявляются в нем гораздо сильнее. Таким образом, несмотря на непроходимую и вечную пропасть между ними, между негром и нашанг-аутангом есть определенное сходство. Последний является наиболее продвинутым видом семейства симиадов или обезьян, в то время как негр - самый низкий в шкале человеческого творения, и сходство между ними, хотя, конечно, вечно неполное, безусловно, поразительно. Как уже говорилось, автор не принадлежит к той мрачной и запретной школе материализма, которая считает, что способности и даже наши нравственные эмоции являются простым результатом развития организма. Но существует неразрывная связь, которая неизбежно делает их точным измерением друг друга, и хотя они не являются ни причиной, ни результатом, а их конечная связь вечно скрыта от ограниченного разума, они, по крайней мере в этом существовании, неразрывно связаны друг с другом. Поэтому близость негра к ourang-outang, хотя существует безграничное пространство, в пределах которого не может быть никакого сходства - ведь негр абсолютно и

полностью человек, - и в которое не предлагается входить, в точности проявляется во внешнем облике и поведении. Негр по строению своих конечностей, головы и т. д. явно склонен к четвероногой позе, в то время как нашанг-аутанг имеет такую же тенденцию к вертикальной человеческой форме. Последний часто ходит частично прямо, а иногда даже носит дубинку, в то время как типичный негр в Африке или на Кубе, или где-либо еще в его естественном состоянии, скорее всего, будет сидеть на корточках, чем стоять на ногах. Таким образом, анатом, имея перед собой негра и нашанг-аутанга, после тщательного сравнения сказал бы, возможно, что сама природа ломала голову, куда их поместить, и в конце концов пошла на компромисс, дав им совершенно одинаковые склонности к форме и положению друг друга.

ГЛАВА VII. ВОЛОСЫ.

Наряду с цветом, ничто так не ощутимо для чувства, как волосы, и ничто так безошибочно не выявляет специфические расовые различия, как естественный покров головы. Волосы кавказца - изящная и импозантная черта или качество, конечно, находящееся в полной гармонии со всем остальным, но иногда, особенно в случае женщин, они являются атрибутом физической красоты, более ярким и привлекательным, чем любой другой. Их цвет, золотистый или солнечно-коричневый, а также ослепительные оттенки черных, фиолетовых и русских локонов, был темой поэтов с незапамятных времен, а их пышность, шелковистая мягкость и изящная длина будут оставаться предметом гордости одного пола и восхищения другого до тех пор, пока сохранится восприятие красоты.

У монгола, малайца или индейца, как и у негра, они остаются неизменными на всех этапах жизни, и только в глубокой старости становятся седыми или серебристо-белыми, а то и вовсе выпадают с какой-либо части головы. Грубые, жесткие, черные волосы индейского ребенка - это также волосы его родителей, и седоголовые или лысые индейцы, за исключением некоторых случаев крайней старости, встречаются так же редко, как и лысые негры. А вот ребенок европеоида, с совершенно белыми или льняными волосами, превращается в девицу со скоплением колец цвета ольхи или, возможно, воронено-черных, переливающихся серебром, возможно, в середине жизни, и хотя это встречается реже, чем у представителей другого пола, через несколько лет он снова становится, как в раннем детстве, совершенно белым. Но и в других расах нет исключений из единого цвета волос. Такого явления, как льняной или светловолосый негритянский ребенок, никогда не существовало. У монголов в этом отношении иногда наблюдается небольшое сближение, но волосы негра, за исключением некоторых случаев крайней старости, остаются абсолютно одинаковыми во все времена, от колыбели до могилы. Элементарная структура, как показывают тщательные микроскопические наблюдения мистера Питера А. Брауна из Филадельфии, отличается так же сильно, как и внешние или поверхностные модификации. Популярное представление о том, что голову негра покрывает шерсть, а не волосы, как и многие другие, основано на простом внешнем сходстве, без какого-либо фактического соответствия. Это волосы, но *sui generis*, или, скорее, специфические и общие только для негров, и как бы сильно они ни отличались от волос белых людей, это не более чем любое другое качество или особенность негритянской природы. Вариации этой черты у белой расы

практически безграничны. Прическа даже была возведена в ранг искусства, если не науки. На протяжении многих поколений короли Франции содержали подобных художников, которые часто получали жалованье, равное министру короны, а один из них, Оливер Ле Дейн, стал фактически, если не по форме, фактическим правителем королевства. Но именно принцессы и придворные дамы вознесли это "искусство" на вершину экстравагантности и показухи. Мария-Антуанетта - одна из самых несчастных женщин, когда-либо живших на свете, - сделала это занятие важной частью ежедневной работы и требовала того же от своих слуг. Даже в наше более благоразумное время императрица Евгения меняет моды в этом отношении почти каждый месяц, а стили или способы укладки волос - экстравагантная, хотя и милая слабость наших прекрасных соотечественниц. На самом деле нет ни одного физического качества женщины, которое было бы столь привлекательным или которое можно сделать столь очаровательным, как волосы, и сложные прически, время и труд, потраченные на их украшение, исходят, возможно, в равной степени как из тонкого восприятия прекрасного, врожденного в женщине, так и из женского тщеславия или любви к показухе. Но при всем этом "богатстве красоты" кавказской женщины, какой неизмеримый промежуток отделяет ее от негритянки! Разве может тот, кто видит последнюю, с ее коротким, жестким, нескладным руном кажущейся шерсти, наделять ее атрибутом красоты или привлекательности? А волосы, хотя и не столь ощутимые у представителей другого пола, являются неотъемлемым элементом мужской красоты и достоинства, и "любовные локоны" кавалеров и даже "мыльные локоны" более современных времен отождествляются с определенными представлениями о мужественном изяществе. Может ли кто-то сформировать подобные представления в отношении волос негра? Может ли он отождествлять что-либо из этого с хрустящей, жесткой, кажущейся шерстью, покрывающей голову представителей этой расы? Может ли чувство красоты, изящества или достоинства, да и вообще любая идея - кроме той, что необходима от природы для покрытия головы негра, - привязаться к волосам негра? Это все, что может представить себе белый человек в реальном сопоставлении с негром, и поэтому, в то время как европейский аболиционист может воображать, что его голову украшают "амброзийные локоны", наши местные аболиционисты совершенно не в состоянии представить себе какое-либо применение или цель для густой копны жестких и скрученных волос, покрывающих голову негра, за исключением того, что предусмотрено природой для ее защиты. Защита головы, а точнее мозга, - это цель или функция волос у всех рас, но если у нашей расы она отождествляется с возвышенными и поразительными качествами, то у негров это единственная цель. Короткая, четкая, густая масса, покрывающая голову негра, как и все остальные качества или атрибуты негритянской природы, находится в полной гармонии с климатическими и внешними условиями, которыми его окружил Бог. Популярное представление о том, что череп негра намного толще, чем у белого человека, возникло из-за этой особенности покрова головы негра. Волосы настолько густые, так скручены и переплетены между собой и образуют такой сплошной коврик или сетку, что совершенно непроницаемы для лучей вертикального солнца и обеспечивают гораздо лучшую защиту мозга, чем самая толстая фетровая шляпа для белого человека. Таким образом, хотя негры на наших южных плантациях, подражая инстинктам своей расы, копируют белых и носят шляпы, это всего лишь "модная глупость", не продиктованная никакими естественными потребностями и ни в малейшей степени не способствующая их счастью. Кроме защиты от жестокой жары тропиков, волосы негра защищают его голову и в других отношениях. Они настолько жесткие и жилистые, фактически треугольной формы, что удар руки хозяина, несомненно, нанесет последнему гораздо больше травм, чем голове негра, а распространенная среди них практика бить друг друга головой, хотя и сбивает с ног, а сотрясение слышно на значительном расстоянии, никогда не приводит к травмам, поскольку плотный мат полушерсти, покрывающий голову,

защищает ее от бед. Волосы негров предназначены исключительно для защиты головы негров и не только сильно отличаются от волос кавказцев, но и от волос всех других рас, поскольку негры - тропическая раса, и волосы, как и все другие атрибуты негритянского существа, физические и моральные, приспособлены к тропическому климату и находятся в полном соответствии с физическими потребностями и моральными нуждами этой расы.

Но простое покрытие головы или простая защита мозга - это не все, что отличает различные расы в этих отношениях. Борода - столь же радикальная и универсальная, хотя и не столь ощутимая особенность, как цвет кожи, а в некоторых отношениях, можно сказать, и более важная. Борода есть только у кавказцев, поскольку, хотя все остальные приближаются к ним в этом отношении, это единственная бородатая раса, и некоторые писатели по этнологии были настолько впечатлены этим внушительным и поразительным отличием, что пытались положить его в основу классификации рас. И, конечно же, нет ни одного физического или внешнего качества, которое бы так впечатляюще действовало на органы чувств как знак превосходства или свидетельство превосходства, как полная и ниспадающая борода. Цвет, когда он находится в покое или не выражает внутреннюю природу, в действительности не представляет собой различия вообще, но борода - это свидетельство превосходства, которое, как бы ни менялись действия или обстоятельства, одинаково отчетливо и универсально как атрибут превосходства. Это достаточно наглядно видно на примере нашей собственной расы и нашего повседневного опыта. Юноша безбородый, и *pari passu* по мере того, как он приближается к зрелости мужественности, происходит соответствующее развитие бороды. Интеллект, умственная сила, нравственная красота, все качества внутренней сущности, а также внешние атрибуты, ощущаемые чувствами, прекрасно гармонируют с ростом бороды, и когда она достигает своего полного развития, она является одновременно сигналом и доказательством зрелой мужественности - точным измерением и абсолютным доказательством зрелости индивидуума, а также типа и стандарта расы. Это в равной степени относится к разным расам. Кавказец - единственная бородатая раса, но все остальные в этом отношении приблизительны, а негр - самый далекий из всех, поскольку тропический шерстистый африканец или негр, за исключением небольшого хохолка на подбородке и иногда на верхней губе, не имеет ничего, что можно было бы спутать с бородой. Люди иногда видят негров со значительным количеством волос на лице и, следовательно, делают вывод, что у них так же часто бывают бороды, как и у белых мужчин; но они забывают, что в нашем обществе все, кто не является белым, считаются неграми, и поэтому в бородатых неграх много, а иногда и значительно преобладает кавказская кровь. Борода символизирует наши самые высокие представления о мужественности - она является внешним свидетельством зрелого развития, полного роста, как умственного, так и физического, силы, мудрости и мужественной грации, и полная, пышная и величественная борода кавказца, в отличие от негра или других низших рас, так же поразительна и внушительна, как грива льва в сравнении с низшими зверями животного мира. Как и цвет кожи или любой другой из великих фундаментальных фактов, разделяющих расы, борода достаточна для определения их специфического характера и их специфических отношений друг с другом, и нам остается только применить наш повседневный опыт в отношении этого внешнего символа внутренней мужественности, чтобы оценить относительную неполноценность негров. Аболиционисты требуют признания "равной мужественности" негра и горько жалуются на правительство, которое отказывается удовлетворить их пожелания в этом отношении, но если бы эта "равная мужественность" была действительно явлена им в лице негра, как она явлена в лице белых людей, и так, как только Бог предусмотрел и предписал или позволил ей быть явленной, они были бы поражены или конвульсивно рассмеялись. Негр с пышной и всклоченной бородой, с этим символом совершенной мужественности или с этим внешним проявлением внутреннего (кавказского)

существа был бы смехотворным чудовищем, таким же невозможным, конечно, как шекспировский Калибан; но если бы такое сверхъестественное существо вдруг появилось в конвенте аболиционистов, "друзья человечества" были бы так же поражены, как если бы среди них появился житель другого мира. Юноша с величественной и ниспадающей бородой взрослого человека, если бы это чудовище не вызывало у нас шока и отвращения, был бы неотразимо комичен, и в равной степени это относится к детскому и резвящемуся негру. Так, лидеры "антирабовладельческого движения" оживленно обсуждали "равноправие" негров и искренне осуждали тех, кто, не видя этого, отказывается признать такую вещь, и негр должен был войти в комнату с фактическим доказательством ее существования - с полной, и, следовательно, внешним символом "равной мужественности", как рука Вечного явила ее в лице первого, - вся конгрегация аболиционистов, если бы ее не парализовал ужас, разразилась бы неудержимым хохотом. Злоключения "раба", жестокость хозяина, "надежды человечества", самые тоскливые истории и самые печальные рассказы о страданиях "рабов" прерывались бы криками смеха над таким нелепым зрелищем, как негр с величественной и ниспадающей бородой белого человека. Этот внешний символ полной мужественности, или этот внешний признак, характеризующий высокую природу и возвышенные качества кавказца, не более невозможен, однако, для негра, чем та "равная мужественность", которую от него требуют, и поэтому, если бы "друзья человечества" изменили свою программу и потребовали "равной" бороды, или чтобы мы предоставили негру полную и ниспадающую бороду кавказца, они бы сделали свои представления более интересными, не отказываясь ни от одного из своих "принципов", поскольку абсурд в обоих случаях совершенно одинаков.

ГЛАВА VIII. ЧЕРТЫ.

Черты отражают внутреннюю природу, способности или специфические качества, они отчетливы или неотчетливы, развиты или неразвиты, по мере того как мы поднимаемся или опускаемся по шкале бытия. В простейших формах животного мира в этом отношении наблюдается близкое сходство с растительным миром; но с переходом к позвоночным, и особенно к млекопитающим, появляется широкое различие между головой и телом, и вместо неопределенного единообразия, пронизывающего всю внешнюю поверхность, лицо становится центром, на котором рукой Природы начертан основной характер существа. Правда, общая форма тела свидетельствует о более грубых качествах. Мышечные и двигательные силы лошади, очевидно, предназначены для быстроты, льва и вообще кошачьих - для силы и быстроты, а быка и других млекопитающих - для отрицательной силы, которая возникает из сочетания всех физических сил, а не, как в первом случае, из чрезмерного развития мускулатуры. Но высшие качества, даже у животных, отчетливо прописаны в лице или чертах. В человеческом создании, конечно, это внешнее отражение внутренней природы в чертах становится гораздо более отчетливым и реальным, и в нашей собственной расе нередко лицо становится настоящим окном души, где можно прочесть самые сладкие и изысканные эмоции чувствительной и тонкой натуры или, как иногда случается, грубые и чувственные мысли развращенной и извращенной. В нашей собственной расе существует бесчисленное множество вариаций на эту тему. Белые или кавказские люди Азии, Африки, Европы и Америки настолько изменены климатом,

привычками, правительством, религией и т. д., что этнологи, которые не являются анатомами, иногда путают их и относят к отдельным видам. Даже на одном континенте, в одной стране, иногда в одной семье, эти вариации настолько заметны, что всегда кажется, что они принадлежат к разным видам. Шарообразная голова, широкий лоб, овальные щеки, прямой нос, четко очерченные губы и рот, однако, что бы ни выражалось, всегда остаются неизменными, и их никогда нельзя спутать ни с какой другой расой людей. И эти изменения у кавказцев не ограничиваются лицом, а распространяются на всю поверхность. Белые, черные и рыжие волосы, белая кожа и смуглая, блондины и брюнеты часто встречаются в одной семье. Это касается даже размера: одни - низкорослые, другие - высокие, одни - пигмеи, другие - гиганты, и нередко в одной семье, в то время как одна и та же нация демонстрирует все возможное разнообразие в этом отношении. Только кавказская раса демонстрирует такие вариации, остальные расы очень однообразны, а негры, занимающие самую низкую позицию в шкале, представляют собой почти абсолютное сходство друг с другом. Из всех миллионов, которые существовали на земле, их волосы не только по цвету, но и по форме были абсолютно одинаковыми, и такого существа, как негр с другим цветом волос, прямоволосый или длинноволосый, никогда не существовало. Посетив плантацию на юге, можно увидеть тысячу негров, настолько похожих друг на друга, что за исключением случаев, когда существуют большие различия в возрасте, все они одинаковы, и даже по размеру редко отходят от стандартного единообразия, которое природа наложила на эту расу. Вся внешняя поверхность, как и внутренний организм, радикально отличается от кавказца. Его мышцы, форма конечностей, стопы, кисти, таз, скелет, все органы локомоции, придают ему внешний облик, который, хотя и радикально отличается от кавказского, приближается к почти абсолютному единообразию характера негра. Его продольная голова, узкий и покатый лоб, плоский нос, огромные губы и выступающие челюсти, словом, его плоские, бесформенные и нечеткие черты лица поразительно напоминают животное создание, и они так же совершенно неспособны отражать определенные эмоции, как плоть и кровь любой другой части его тела. Всемогущий и всепремудрый Творец создал все вещи совершенными и приспособил черты негра, как и белого человека, к внутренней природе, но если бы было верно, что негр обладает определенными качествами, которыми его наделили бы невежество и заблуждение, то было бы совершенно очевидно, что Всемогущий Творец допустил в этом случае роковую ошибку, ибо ясно видно, что черты негра не могут отражать эти качества. Черты лица животного созданы для того, чтобы выражать его потребности, отражать природу, которой наделил его Бог. Мы наблюдаем это каждый день среди наших домашних животных - кошка, собака, лошадь - все они проявляют свои качества, свои желания, свои настроения, в разное время гнев, страдание и привязанность, все, на что способна их природа, отражается на их лицах, и мы их понимаем. В нашей собственной расе прозрачная кожа, глубоко очерченные и четкие черты лица часто становятся идеальным зеркалом внутренней природы и отражают как самые приятные оттенки чувств, так и самые глубокие эмоции души. Зависть, гнев, гордость, стыд, хмурая ненависть и злобный страх, а также нежная привязанность и самая возвышенная любовь написаны на лице так же четко, как если бы они имели физическую форму, и их бесчисленные модификации и вариации можно наблюдать повсюду и каждый день нашей жизни. Как грандиозно это проявляется в случае с оратором! Это должно быть очевидно для тех, кто слышал мистера Клея в Сенате и видел эти удивительные изменения черт лица: в один момент оно судорожно от гнева, затем озаряется гением, или гордостью и помпезностью сознательной власти, а в другой отражает, возможно, всю женскую нежность или мягкость ребенка. Цвет, конечно, имеет для этого большое значение, так как отображение страстей и эмоций на темном фоне кожи негра было бы так же невозможно, как радуга в полночь, но без глубоко прорезанных и четко выраженных черт лица кавказца цвет был бы сравнительно бесполезен для отражения более

высоких эмоций души. Любой, кто на мгновение обратится к собственному опыту, увидит, насколько невозможно, просто физически, чтобы лицо негра отражало качества, приписываемые ему теми, кто не знает его настоящей природы. Узкий и покаты́й лоб, маленькие глаза, плоский нос, почти на одном уровне со щеками, выпяченные и огромные губы - единственное, что действительно можно назвать отличительным в лице негра, - этот ансамбль без формы и смысла, когда он противопоставляется белому человеку, - в сочетании с цветом, темным цветом кожи негра явно не способен отразить определенные качества нашей собственной расы. У негра, конечно, есть нравственные эмоции, как и у всех человеческих существ, и его лицо, как и лицо кавказца, способно отражать все его желания, его симпатии и антипатии, его надежды и страхи, но каждый, кто видел его, должен *знать*, что высшие качества кавказца не могут найти выражения в чертах негра, и поэтому он не обладает этими качествами, или же, как уже было сказано, Всемудрый и Всемогу́щий Создатель всего совершил роковую ошибку и несправедливо наделил его качествами, которые ему навсегда запрещено выражать!

ГЛАВА IX. ЯЗЫК.

Несколько лет назад один выдающийся историк в своей публичной лекции рассуждал о вероятности создания универсального языка как инструмента всеобщей истории и средства для всеобщей цивилизации человечества! Другой публичный лектор, рассуждавший на эту тему, причем на якобы научной основе, утверждал, что язык имеет чудесное происхождение, хотя период, когда этот сверхъестественный дар был дарован человеку, он оставил полностью на воображение своей аудитории. Другие, и среди них Бюффон, Причард и даже несколько этнологов, едва ли поднялись выше этой бессмыслицы, в то время как их использование или применение этой способности было гораздо более вредным для науки, чем даже их первоначальные заблуждения на эту тему.

Язык естественным образом делится на две отдельные и широко разделенные части, не имеющие необходимой связи, хотя в определенные моменты или стадии объединяющиеся и сочетающиеся друг с другом. Во-первых, это универсальная способность выражать себя - свои нужды, свои страдания и свои удовольствия, - которой Бог наделил все свои создания, от насекомого у наших ног до кавказского человека, стоящего во главе этого огромного и бесчисленного сонма живых существ. Во-вторых, по своей структуре и расположению на части или порции речи; короче говоря, по своей грамматической конструкции. В этом месте мы предлагаем рассмотреть только или главным образом первую часть, хотя время от времени придется обращаться и ко второй. Как уже говорилось, все живые или, скорее, все животные существа обладают способностью выражать свои желания, и у них есть голосовой организм, в точном соответствии с этими желаниями и целями, для которых они предназначены общим Создателем всех. За исключением нескольких усердных и увлеченных студентов естественной истории, обширный мир жизни насекомых - *emo terra incognita*, но каждый из этих мириад существ приспособлен к определенной цели и благодетельно создан Всемогу́щим Хозяином жизни для того же всеобщего наслаждения, которое так ясно раскрывается как цель их существования в более сложно организованных и более высоко одаренных классах животных. И миллионы этих мельчайших и часто

невидимых существ ежедневно и ежечасно воспевают хвалу Всемогущему Творцу за Его бесконечную доброту, оглашая поля и леса музыкой своей благодарности и изобилием своего наслаждения. По мере того как мы поднимаемся по шкале одушевленного существования, вокальная способность или язык проявляются все более отчетливо, причем вокальный аппарат или организм точно соответствует функции или способности, которыми Бог наделил данное существо. Голубь, конечно, не может передать нам ноты канарейки, а сова - песни соловья. Змея не может поменять свое шипение на рык тигра, а осел - на могучий рев или величественный голос льва. Каждому из них позволено выражать свои потребности, свои страдания и радости, и каждый наделен голосовым организмом, специфическим и присущим только ему и его виду, и в соответствии с универсальным законом адаптации, который неразрывно соединяет организм с функцией. Таким образом, в своей элементарной форме язык - это способность, общая для животного мира, и необходимость существования животных. В отношении человека он ничем существенно не отличается от животного мира, как и другие функции или способности человека. Правда, существует точка отправления или расхождения, где аналогии животного мира более не применимы к человеку, или где животные существа не могут служить параллелью для тех, кто наделен нравственной природой и предназначен для бессмертия; но голосовой организм с соответствующим ему умением или функцией по сути один и тот же в обоих случаях и отличается лишь по форме и степени среди бесчисленных существ, составляющих или входящих в огромный мир одушевленного существования. Таким образом, язык, голос или способность, с помощью которой животные и люди выражают свои желания, универсален и меняется лишь по мере изменения структуры и природы, и хотя голосовой орган находится в точной гармонии со своей способностью или функцией во всех случаях и на каждом этапе одушевленного существования, существует также, и это необходимо, специфическая модификация этой способности в случае нескольких человеческих рас или видов. Голосовые органы негра сильно отличаются от голосовых органов белого человека, и, конечно же, существует соответствующее различие в языке. Специфической или наиболее существенной чертой негритянской природы являются подражательные инстинкты, или способность подражать качествам и привычкам белого человека. Это, конечно, ограничено его фактическим соседством с высшей расой, поскольку, кроме той органической необходимости, которая полностью запрещает ему быть иным, нет исторического факта, подтвержденного лучше, чем , который показывает, что он неизменно возвращается к дикости всякий раз, когда остается без сдерживающей поддержки первого. Но в мудрых и благотворных целях Бог наделил его способностью к подражанию, и он способен применять ее в такой степени, что люди, не знающие негритянской природы, фактически предлагают это в качестве доказательства его равных возможностей! Но при всей его способности подражать привычкам и копировать язык белого человека, невозможно привести ни одного примера его успеха в отношении последнего. У нас, особенно на севере, все негры - это негры, в которых течет негритянская кровь, и поэтому многие люди будут воображать , что они видели негров, которые были так же компетентны говорить на нашем языке, как и сами белые люди. Но ни один реальный или типичный негр не сможет - независимо от того, какие усилия были предприняты для его "воспитания" - говорить на языке белого человека с абсолютной правильностью. Европейские этнологи, несмотря на это, пытались сделать язык средством для прослеживания истории и определения характера рас, бесполезность и абсурдность которых можно разоблачить лишь одной иллюстрацией. Негры Хайти подражали или копировали язык своих бывших хозяев, французов, следовательно, они принадлежат к одной расе, и будущие этнологи объявят их французами! Поскольку негр не может сохранить ничего, что он копирует у кавказца, дольше определенного срока, негры этого острова быстро теряют все, что они получили от своих прежних хозяев, и хотя

образованная часть на побережье, и особенно дворняги, еще сохраняют французский язык, те, кто находится во внутренних районах, быстро переходят на свой родной африканский язык. И через столетие или два, когда французский язык полностью исчезнет, а существующее негритянское население заговорит на африканском диалекте или, что гораздо более вероятно, на нашем родном, этнологический исследователь решит, что те, кого возглавляли Туиссан и Кристоф в войне за "независимость", были французами, а не неграми, потому что, дескать, государственные документы того времени свидетельствуют, что они говорили на французском языке! Таким образом, хотя язык является важным средством для отслеживания национальностей или разновидностей нашей собственной расы, как, например, современные испанцы, французы, итальянцы и т. д. в связи с большой латинской семьей Южной Европы, просто абсурдно применять его к отдельным видам, таким как кавказцы и негры. Каждая раса или каждый вид, как и любая другая форма жизни, находится в совершенной гармонии с собой, и поэтому голос негра, как по тону, так и по структуре, так же сильно отличается от голоса белого человека, как и любая другая особенность или способность негритянского существа. Любой человек, привыкший к неграм, отличит ночью голос негра среди любого количества голосов белых мужчин по одному только тону, не обращая внимания на его особенные высказывания. Тоны или просто звуки, конечно, неописуемы, и поэтому никакое сравнение в этом отношении невозможно, но все, кто знаком с тонами голоса негра, знают, что он никогда не бывает музыкальным или способным к тем мягким и приятным переливам или модуляциям, которые характерны для нашей расы. Музыка для негра - невозможное искусство, и поэтому такая вещь, как негритянский певец, неизвестна. Правда, несколько лет назад некоторые доброжелательные люди, как на Севере, так и в Англии, некоторое время считали, что им удалось заполучить вундеркинда такого рода в лице "Черного лебедя", но после тщательного и терпеливого испытания выяснилось, что это было ошибкой. Она даже не была негритянкой, хотя, возможно, в ней преобладала негритянская кровь, и ей помогали и поощряли всеми возможными способами, особенно в Англии, где ее фактически отдали под опеку музыкального мастера королевы Виктории, но безрезультатно - природа оказалась выше искусства, законы Бога сильнее человеческих изобретений, и "Черный лебедь" окончательно исчез из поля зрения публики. Негр любит музыку, как и все другие существа, и даже все животные более высокого класса, но музыка для него - это всего лишь предмет чувств. У белой расы музыка воспринимается, как и чувствуется, как интеллектуальная, так и чувственная вещь, и хотя из этого отнюдь не следует, что интеллектуальные люди, с умом выше среднего, должны обладать и музыкальными способностями, та чувствительная и утонченная организация, которая необходима музыкальному гению, должна быть объединена с мозгом соответствующей сложности. Мозг и нервы составляют единое целое - систему, как бы широко ни расходились части последней в своих особых функциях, и так же невозможно, чтобы музыкальный темперамент, или чтобы сложная и изысканно чувственная система кавказца могла быть объединена с мозгом негра, как было бы невозможно объединить цвет кожи первого со структурой негра. Негр, таким образом, не воспринимает и не может выразить музыку - у него нет ни мозга, ни тонких нервов, ни голосового аппарата, которые необходимы для этой способности - все, что возможно для него, это определенное приближение через его чудесные способности к подражанию, но которые в этом отношении доступны ему, пожалуй, меньше, чем в любом другом. Его мозг намного меньше, но нервы намного больше, и его чувства, следовательно, намного острее, и вот причина той "музыкальной силы", которой невежественные и ошибочные люди наделили его. Музыка ощущается нервами, а не воспринимается мозгом, в его ногах, как и в голове, и с интенсивностью, неизвестной и не ощущаемой белыми. Инстинкт подражания позволяет ему быстро усваивать язык своего хозяина, но с такой же быстротой он его теряет. Негры,

завезенные на Вест-Индские острова, хотя и жили на больших плантациях, быстро усвоили язык немногочисленных белых, насколько это касалось слов, но органическая необходимость заставляла их сохранять структуру своего родного языка. Так, на Британских островах говорили по-английски, на Французских - по-французски и т.д., но общая структура оставалась одинаковой у всех, и теперь, когда внешняя сила, применяемая несколькими европейскими правительствами, устранила контроль и руководство со стороны высшей расы, они быстро теряют слова своих бывших хозяев и в этом, как и во всех других отношениях, возвращаются к своему родному африканизму. У хайти, где способность к подражанию практически не стимулируется, этот процесс идет очень быстро, и если бы они были полностью изолированы, то полное исчезновение французского языка, несомненно, произошло бы в течение нынешнего столетия.

ГЛАВА X. ОЩУЩЕНИЯ.

Органы чувств - это особые организмы, связывающие нас с внешним миром, через которые внешние впечатления поступают и передаются в мозг - великий сенсориум или центр нервной системы. Их принято обозначать как зрение, слух, обоняние, осязание и вкус. Каждое из них имеет свой особый организм; некоторые, как зрение, чрезвычайно развиты, а другие, как вкус, довольно просты, являясь не более чем тонкой оболочкой нервной материи, расположенной на языке и выстилающей внутреннюю поверхность рта. Нервная система включает в себя мозг и нервы, но на самом деле представляет собой единое целое, центром которого является мозг, а нервы - окружностью, в точной пропорции по мере нашего восхождения по шкале бытия. Центр нервной системы увеличивается, а окружность уменьшается по мере того, как мозг становится больше, а нервы меньше. Среди четвероногих - например, у лошади - нервы чрезвычайно велики по сравнению с мозгом этого животного; и это верно во всем мире, так что умный физиолог может определить возможные возможности любого из высших животных путем простого сравнения мозга и нервов. А в человеческом творчестве одного черепа монгола, малайца или негра, особенно последнего, должно быть вполне достаточно, чтобы физиолог смог понять сущность расы, к которой он принадлежал. Правда, он может, как это часто случалось, принять его за аномальный образец европеоида, и таким образом продемонстрировать огромное количество заученной чепухи порядка Галла-Шпурцгейма, но если бы он знал, что это настоящий череп негра, и затем сравнил его с черепом европеоида, он был бы в состоянии не только определить интеллектуальную неполноценность, но и значительно преобладающий чувственный подход первого. Он увидел бы, что относительно небольшой головной мозг и большой мозжечок должны быть объединены с соответствующим развитием органов чувств и сравнительно доминирующим чувственным восприятием. Организмы органов чувств, зрения, слуха и т. д., хотя, конечно, сильно отличаются от кавказских, нет необходимости описывать, так как даже у животных высших классов есть определенное сходство, и студент-анатом изучает механизм глаза у быка или лошади так же удовлетворительно, как и у человеческого существа.

Организмы, хотя в некотором смысле и похожи, например, глаз у белых и негров, в случае первых устроен более тщательно и тонко, и поэтому он также гораздо более подвержен

заболеваниям, врожденным дефектам, косоглазию и т. д., и особенно близорукости. Негр, напротив, редко страдает от этих вещей или даже от воспаления глаз, столь распространенного среди белых людей, и хотя, в соответствии с подражательным инстинктом расы, негр-проповедник носит очки, а также белую одежду на шее, можно сомневаться, был ли когда-нибудь случай близорукости у типичного негра. Хотя в глубокой старости они, несомненно, теряют силу зрения, свойственную их молодости, негры редко нуждаются в очках в любом возрасте. Организм снабжен большей частью нервной материи, чем у белых, и поэтому функции или чувства наделены силой и остротой, значительно превосходящими чувства кавказцев. Путешественники и другие люди, живущие среди дикарей, индейцев, негров и т. д., отмечали необычайную силу и остроту внешних органов чувств и предполагали, что это результат их дикарского состояния, которое, требуя постоянного упражнения этих способностей, дало им необычайное развитие. А Притчард, доведя эту теорию до крайности, сделал вывод, что люди изначально были созданы неграми, ибо потребности дикарской жизни требовали, как он полагал, черного цвета кожи, а также остроты чувств! Несомненно, цивилизованный негр в Америке обычно проявляет меньше силы и остроты чувств, чем его дикий брат из Африки, но он рождается с теми же способностями, и если бы окружающие обстоятельства изменились таким образом, чтобы вызвать их более активное проявление, он бы продемонстрировал схожие характеристики.

Всемогущий Творец, обладающий бесконечной мудростью, приспособил все Свои создания к целям или задачам их создания. Кавказец, или белый человек, с его большим мозгом и развитыми способностями к рассуждению, таким образом, обеспечен всем необходимым для обеспечения своей безопасности и увеличения своего счастья. Низшие расы, с меньшим мозгом и слабыми умственными способностями, наделены силой и остротой внешних чувств, которые позволяют им конкретно бороться с окружающими обстоятельствами и обеспечивать свою безопасность. Это ярко проявляется в североамериканском индейце, который отмечает или делает след в лесу, по которому он идет с безошибочной уверенностью, хотя глаз белого человека ничего не видит. Описания индейских характеров в романах Купера в этом отношении совершенно верны и соответствуют природе, как и все описания индеанизированного белого человека, Кожаного Чулка, Ястребиного Глаза и т. д. Один зависит от своих чувств - зрения, слуха и т. д., другой - от способности рассуждать или размышлять, что в итоге позволяет ему "обхитрить" своих врагов-гуронов и одержать победу. Каждый, в соответствии со своими "дарами", способен выполнить цели своего творения, и пока превосходящий интеллект кавказца распространяет эту расу, с ее благотворными и цивилизующими последствиями, по всему северному континенту, сила и острота его чувств позволили индейцу в определенной степени противостоять всем этим могущественным силам на протяжении трехсот лет.

Некоторые историки выдвигают версию, что Рим был захвачен северными варварами, похожими на наших североамериканских индейцев, но если бы могучие орды, ведомые Аларихом и Гензерихом на завоевание Италии, были индейцами, ни один бы не спасся, чтобы рассказать о своем уничтожении. Высокая цивилизация, гнилая в своей основе, легко покоряется более грубым и простым сообществам той же расы - так, изнеженная и развращенная римская аристократия пала перед простым и грубым населением Северной Европы, как отшлифованные и схоластичные греки уступили римлянам, когда последние стали практиковать простые и выносливые добродетели своей ранней истории. В наше время мы видим, как Испания, долгое время управляемая изнеженной и изможденной аристократией, опускается из державы первого класса в державу четвертого уровня, в то время как Франция, освобожденная от мертвого груза "благородства", за полвека стала ведущей державой мира. И если английские массы не обладают достаточной жизненной

силой, чтобы сбросить могучее давление больной и постылой аристократии путем внутренней реформы, подобной той, через которую прошли французы в 1789 году, то можно быть уверенным, что в недалеком будущем эта нация падет завоеванием перед какой-нибудь внешней силой, обладающей большей жизненной силой, чем она сама, какой бы недостаток богатства, образования и тех утонченностей, которые выдаются за высокую цивилизацию. Но если нации, управляемые привилегированными классами, несут в себе семена собственного разрушения и рано или поздно падут завоеванием перед более грубыми и простыми обществами, то интеллектуальное превосходство белого человека всегда позволяет ему покорить низшие расы, какими бы ни были различия в численности, и Клайв с тремя тысячами европейцев, напавший на орду индусов в сто тысяч, или Кортес, вторгшийся в Мексику с пятьюстами последователями, наглядно демонстрируют естественное превосходство европеоидной расы. Но, напротив, если бы ацтеки обладали интеллектуальными способностями европеоидов, дополненными их собственными специфическими качествами - силой и остротой чувств, присущими коренной расе, то не только Кортес не смог бы их покорить, но можно сомневаться, смогла бы это сделать вся Европа, объединившись для этой цели.

Примеров для проверки способностей негров в этом отношении нет, поскольку в истории не было случая, чтобы они оспаривали господство белого человека: восстание в Хайти было делом рук "цветных" и мулатов, а негры были вынуждены принять участие в нем только из-за своих страхов после завершения восстания. Но у нас есть реальные физические факты, а также повседневный опыт, касающийся качеств негра, и поэтому мы можем прийти к положительной истине, сравнивая его с представителями высшей расы. Большое распределение нервной материи по органам чувств и, как следствие, преобладание чувственности (а не просто животности), является прямой причиной той крайней лени и праздности, которая характерна для этой расы. Маленький мозг и ограниченная способность к рассуждению негра делают его неспособным понять желания будущего, а лень, зависящая от доминирующей чувственности, вместе с сильными животными аппетитами, побуждающими его всегда к грубому самообольщению, делают хозяина проводником или защитником, необходимым для его собственного благополучия. Действительно, может возникнуть сомнение, что является первостепенной причиной неспособности негра обеспечить себя необходимым в будущем - его ограниченная способность к рассуждению или его праздность, его маленький мозг или его доминирующий чувственный образ жизни. Это статистический *факт*, что "свободные" негры не производят достаточного количества продуктов для своего существования, и, следовательно, они постоянно стремятся к вымиранию, а если вспомнить, что маленький мозг и слабая интеллектуальная сила делают их неспособными рассуждать о будущих наградах за самоотречение, и что большое распределение нервной материи в органах чувств, и, как следствие, чувственность, побуждающая их к грубому потворству настоящему, а также то, что они находятся в союзе и должны соперничать с белыми людьми, то достаточно очевидно, что иначе и быть не может, и что полное вымирание этих несчастных существ - вопрос исключительно времени.

Но не только преобладание чувств, не только сила и острота ощущений так широко и радикально разделяют белых и негров. Они полностью отличаются в проявлениях этих качеств. Как уже было замечено, среди негров практически нет близоруких или негров с другими дефектами зрения, а обоняние у негров позволяет им различать и указывать на присутствие гремучей змеи или других ядовитых змей. А что касается осязания или чувства, то здесь особенность негритянской природы, пожалуй, наиболее примечательна из всех. У белого человека это чувство, хотя и универсальное, конечно, расположено в основном в кисти и пальцах. Сэр Чарльз Белл, выдающийся английский хирург, написал интересную

работу - один из трактатов Бриджутера - о гибкости и адаптации человеческой руки, и можно было бы дать миру еще несколько томов, не исчерпав этой темы. Универсальный закон адаптации, действительно, требует, чтобы чувство осязания, гибкость руки, тонкость пальцев соответствовали большому мозгу и властному интеллекту, иначе сам мир давно бы остановился, а человеческое изобретательство закончилось бы вместе с допотопными людьми. Действительно, строение - расположение костей, мышц, сухожилий и т. д., короче говоря, сам механизм руки - имеет важное значение, но без чувства чувств или той деликатности осязания, которая встречается только пальцах кавказцев, механические совершенства руки были бы сравнительно бесполезны.

Все приятные манипуляции в хирургии, в искусстве, в живописи, в скульптуре и в тысячах тонких тканей, которые мы видим каждый день и повсюду вокруг нас, требуют и интеллекта, и деликатности рук, и все это в том полном совершенстве, которое встречается только у кавказцев. Чувство осязания, напротив, у негра не находится в кисти или пальцах, или только частично, но распространяется по всей поверхности и охватывает всего человека. Рука сама по себе, по своему механизму, несовместима с деликатными манипуляциями. Грубые, тупые, перепончатые пальцы негритянки, например, даже если бы мы могли представить себе деликатность осязания и интеллект, не смогли бы в течение длительного времени или миллионов лет создавать те тонкие ткани или делать те изысканные вышивки, которые составляют занятия или развлечения кавказской женщины. Механизм негритянской руки, отсутствие или, скорее, тупость чувства осязания в пальцах и ограниченность негритянского интеллекта, таким образом, полностью запрещают неграм быть механиками, за исключением тех грубых профессий, таких как куперы, кузнецы и т. д., для занятий которыми требуется не более чем мускульная сила и промышленность. Но чувство осязания, хотя и слабое в руке или пальцах, не менее сильно развито, чем другие чувства негра, и распространяется на всю поверхность тела. Это можно наблюдать каждый день на Юге, где порка, как и у северных детей, является обычным наказанием негров. Как и во всех других глупых представлениях, проистекающих из одного большого заблуждения - что негры имеют ту же природу, что и белые люди, - "антирабовладельцы" Севера и Европы находятся в смехотворной ошибке в этом вопросе. Они черпают свои представления о порке из практики британской армии и русских нокаутов, где сильных мужчин разрывают на куски "кошкой" или забивают до смерти дубинками, и полагают, что точно такое же варварство практикуется в отношении "бедного раба". А беглый негр, несомненно, пополняет эти представления, возможно, сам того не желая. На конгрессах аболиционистов от него, конечно, ждут ужасных рассказов о своих страданиях, но, всегда имея вдоволь еды и никогда не перетруждаясь, ему не на что опереться, кроме "жестокой порки", которую воображение первых легко трансформирует в свои собственные представления, но которая, по сути, соответствует той, что они безропотно наносят своим собственным детям. Чувствительность кожи негров очень похожа на детскую, и хотя, несомненно, есть случаи большого варварства в этом отношении, как мы все знаем, есть и случаи с детьми, обычная порка негров во многом совпадает с той, которую родители, опекуны, учителя и т. д. применяют к белым детям, и "ужасная порка", над которой так горестно злорадствуют невежды и заблуждающиеся, обычно сводится к мелкой подмене в реальности. Но для негра это болезненно, возможно, даже более болезненно, чем повешение, поскольку, хотя местная чувствительность кожи заставляет его чувствовать малейшее наказание в этом отношении, тупая чувствительность мозга и нервной системы в целом позволяет ему, как это часто бывает, очень хорошо переносить повешение. Те, кто помнит, как их порол в детстве, также помнят сильную боль, которую это им причиняло, хотя сейчас, в зрелом возрасте, они бы посмеялись над подобным. Негр - это навсегда ребенок, ребенок во многих отношениях как в физическом, так и в психическом, и порка пятидесятилетнего негра мало чем отличается от порки десятилетнего ребенка, и если

британский солдат или русский получит свои триста ударов, не поморщившись, то здоровенный негр будет орать яростнее школьника, получив дюжину ударов обычным рубильником.

ГЛАВА XI. МОЗГ.

Мозг - это место или центр интеллекта, короче говоря, умственный организм. Школьные люди" считали, что разум, интеллект, рассудочная способность, как бы мы ее ни называли, не имеет локальности или организма, а, напротив, является неким бестелесным, теневым, неподвижным принципом, который существует в ногах или руках в той же мере, что и в любой другой части тела. И даже Локк и Бэкон, хотя и провозглашали великие истины индуктивной философии, не были достаточно основаны на ее элементарных принципах, чтобы ясно понимать фундамент своих собственных доктрин. Дугалд Стюарт, доктор Браун и даже великий Кант более современных времен не смогли лучше понять те незыблемые истины, на которых покоятся обширные и несовершенные системы философии, которые они так усердно строили в свое время. Галлю, Шпурцгейму и их последователям оставалось сделать это - продемонстрировать некоторые великие элементарные истины, которые образуют фундамент, вечный, как само время, на котором покоятся психические явления, и какой бы прогресс ни был достигнут в дальнейшем в изучении этих явлений, его основа остается неподвижной. Метафизики имели обыкновение закрываться в своих библиотеках и анализировать свои собственные эмоции и т. д., которые, будучи записаны, становились впоследствии материалом для громоздких лекций или еще более громоздких томов, издаваемых для общества. Редко, пожалуй, эти рассуждения были связаны с мозгом - ведь редко можно встретить физиолога, предающегося метафизическим спекуляциям, в то время как самые известные из "философов" были глубоко невежественны в отношении этого органа, хотя и воображали, что знают все о его функциях! Над человеком, который взялся бы написать трактат о дыхании и при этом совершенно не знал строения легких, или прочитать лекцию о кровообращении, ничего не зная о кровеносных сосудах, наверняка посмеялись бы, а между тем бесчисленные тома о функциях мозга или о "моральной и умственной философии" были написаны и продолжают писаться людьми, которые за всю свою жизнь ни разу не видели человеческого мозга! Поэтому Галль и Шпурцгейм сделали огромное благо для мира, когда начали свои исследования законов разума с изучения самого мозга как первого и абсолютно необходимого шага, который должен быть сделан в этих исследованиях. Правда, они, и особенно их последователи, пытались создать модную науку под названием френология, и первые, таким образом, в значительной степени нейтрализовали репутацию, которая в противном случае обеспечила бы уважение научного мира. Верно и то, что другие до них признавали те же истины с большей или меньшей отчетливостью, но несомненно, что Галль и Шпурцгейм продемонстрировали и поставили вне сомнений великую, жизненно важную и существенную истину, что мозг - это орган разума, и что умственные способности, при прочих равных условиях, находятся в точной пропорции к размеру мозга относительно тела. Эта истина справедлива для всего животного мира, и интеллект любого животного или вида животных всегда соответствует размеру мозга по сравнению с размером тела.

Мозг состоит из передней и задней частей головного мозга и мозжечка - первая является центром интеллекта, вторая - ощущений, или первая является местом обитания интеллекта, а вторая - животных инстинктов, и пропорции, в которых они находятся по отношению друг к другу, определяют характер. По мере увеличения передней части и уменьшения задней существо поднимается вверх, или по мере уменьшения передней части и увеличения задней - опускается вниз по шкале бытия. Таковы общие законы, управляющие людьми и животными. Интеллект пропорционален размеру мозга по сравнению с размером тела, а в первом случае интеллектуальные способности - латентные или реальные - пропорциональны увеличенному мозгу и уменьшенному мозжечку. Правда, мы каждый день видим кажущиеся противоречия рассматриваемым законам, но это не так, даже не исключения, ибо они не общие, а универсальные. Каждый день мы встречаем людей с маленькой головой и большим умом, с большой головой и большой глупостью, но при ближайшем рассмотрении может выясниться, что кажущаяся маленькой голова - это весь мозг, весь головной мозг, весь перед ушами, в то время как большая - весь позади, и обнаруживает лишь в значительной степени развитый анимализм. И даже если этого недостаточно для объяснения кажущейся аномалии, существует огромное и неисчерпаемое поле для догадок - случайность, когда неправильно примененные или неразвитые способности стали жертвой обстоятельств. Человек может обладать большим мозгом, большими природными способностями, по сути, гением самого выдающегося рода, а мир оставаться в полном неведении об этом, и среди бесчисленных миллионов европейцев, обреченных поколение за поколением на глубокое животное существование, несомненно, было много "немых бесславных Мильтонов", которые жили и умирали, не подавая никаких признаков Божественности внутри. Напротив, среди них были люди, обладавшие выдающимися способностями и принесшие огромную пользу своим собратьям и последующим поколениям, которые, по естественным причинам, находились на мертвой ступени расы, но своим трудом, упорством и энергией оставили потомкам неугасающие имена. Кроме того, великими людей делали обстоятельства. Эпоха в летописи нации - великие и волнующие события в жизни народа - стимулируют и приводят в действие качества и способности, которые делают знаменитыми людей, о которых иначе никто бы не услышал. Наш великий революционный период дал тому примеры, а еще позже мы имеем Джексона, Уэбстера, Клея, Кэлхуна и их современников в сенате, которые, как многие думают, никогда не будут равны, хотя на самом деле равные им уже находятся в сенате, и нужны лишь схожие обстоятельства, чтобы продемонстрировать это равенство.

Организм расы - вида, будь то человек или животное, - никогда не меняется и не отличается от того вечного типа, который был заложен с самого начала рукой Бога; и люди, следовательно, в своих природных способностях сейчас такие же, какими они всегда были и всегда будут, независимо от внешних обстоятельств, которые могут контролировать или изменять развитие этих способностей. И мозг, являющийся органом или организмом разума, как глаз - зрения или ухо - слуха, может быть измерен и испытан, а его возможности определены с такой же точностью, как и любая другая функция или способность. Правда, не так, как утверждают френологи или краниологи, что мозг показывает характер отдельных особей одного вида, а характер самого вида и его относительные возможности в сравнении с другими расами или видами людей. Это не подлежит сомнению или сомнению, или будет подлежать сомнению или сомнению у всех, кто это понимает, и, принимая кавказца за стандарт или тест, возможности монгола, малайца, аборигена Америки или негра могут быть определены с такой же абсолютной уверенностью, как цвет их кожи или любое другое простое физическое качество. Мозг кавказца в среднем составляет девяносто два кубических дюйма, негра - от семидесяти пяти до восьмидесяти пяти дюймов, в то время как пропорции тела едва ли можно назвать различными. Среди белых есть большие различия в размерах - как гиганты, так и карлики, и столь же велико разнообразие форм - от "худого и

голодного Кассиуса" до округлых пропорций Фальстафа или Дэниела Ламберта. Но на южной плантации с тысячей негров пол и возраст - единственные или главные различия, которые можно увидеть, и незнакомец с трудом узнает любого другого, или, во всяком случае, различит лица. Мозг негра в этом отношении соответствует телу, и хотя, несомненно, есть случаи, когда есть небольшое различие, кажется, что нет тех больших отклонений, которые наблюдаются в этом отношении среди белых.

Материал, волокна или текстура самого мозга мало изучены, и хотя вполне вероятно, что то, что мы называем гениальностью, сопровождается соответствующей деликатностью или тонкостью текстуры нервной массы, и будущие исследования в этом заумном вопросе могут открыть нам важные истины, в настоящее время мало что известно о мозге, кроме великого фундаментального и универсального закона, согласно которому в пропорции к его размеру относительно размера тела находится интеллектуальная сила, действительная или скрытая. Многие, несомненно, воображают, что существуют огромные различия между людьми в этом отношении - что Уэбстер, Клей или Бонапарт значительно превосходят обычных людей, - но им достаточно вспомнить, что мозг - это орган интеллекта, чтобы увидеть его ошибочность. Это представление возникло из привычек европейского общества, где предполагается, что человек, облаченный в пышность и парадность высокого ранга, значительно и неизмеримо превосходит своих собратьев, в то время как на самом деле большинство из них или, во всяком случае, многие из них абсолютно (естественно) уступают тем низменным толпам, которые расстилаются в пыли у их ног. Тем не менее, в этих отношениях существуют поразительные различия; не более, однако, чем в силе тела, красоте черт, различии волос, цвета лица и т.д. Но в случае с негром существует вечная одинаковость, вечное единство, тот же цвет кожи, те же волосы, те же черты лица, тот же размер тела и тот же объем мозга. Все физические и моральные факты, составляющие негра, неопровержимо приводят к выводу, что Всемогущий Создатель предназначил его для сопоставления с превосходящим белым человеком, и поэтому такая вещь, как негритянский гений - поэт, изобретатель или тот, кто обладает какой-либо оригинальностью, - совершенно не нужна, поскольку они совершенно неизвестны в опыте человечества. Некоторые, с большим или меньшим количеством белой крови, проявляли больше или меньше талантов, возможно, даже демонстрировали эксцентричные признаки гениальности, но среди миллиона взрослых типичных негров, вероятно, не найдется ни одного мозга, который бы отличался от других настолько, чтобы его мог обнаружить глаз, и, следовательно, ни одного негра, чьи природные способности были бы настолько выше, чем у его собратьев, чтобы их мог распознать разум.

Таковы вкратце основные и фундаментальные факты, которые составляют психический организм и отличают интеллектуальный характер рас, которые разделяют белых людей и негров на более широкий и глубокий интервал, чем в любой другой форме человечества, и делают попытку социального равенства не просто большой глупостью, но и грубым нечестием. Как уже говорилось, в точной пропорции к объему мозга, относительно размера тела у людей и животных, находится интеллект, и поскольку головной мозг, или передняя часть, преобладает над мозжечком, или задней частью, существует соответствующее преобладание интеллектуализма над анимализмом в человеческих расах. Мозг негра в своей совокупности на десять-пятнадцать процентов меньше, чем у европеоидов, а в его соотношениях - относительно большому мозжечку и маленькому головному мозгу - неполноценность психического организма еще более очевидна; таким образом, хотя по объему, а значит, и по общей сумме умственных сил, негр значительно уступает белому человеку, относительная пропорция мозга, животной и интеллектуальной природы еще больше подчеркивает превосходство европеоидов, а открывает перед нами многочисленные объяснения разнообразных форм, в которых это превосходство постоянно проявляется. Не

существует терминов или просто слов, которые позволили бы нам выразить абсолютное научное превосходство белого человека. Мы можем только измерить его или, более того, постичь путем сравнения, но это будет достаточно понятно, если сказать, что прошлая история и нынешнее состояние обеих рас в точности соответствуют размеру и форме мозга каждой из них. Наука, литература, прогресс, просвещение и интеллектуальное величие кавказца с начала подлинной истории и до настоящего момента, которые сопровождали его от берегов Нила до берегов Миссисипи, - все это соответствующие откровения кавказского мозга, тогда как полное отсутствие всех этих вещей - долгая ночь тьмы, окутывающая негритянское существо, которая нарушается только тогда, когда оно находится в сопоставлении и получает возможность подражать своему хозяину, - является результатом или необходимостью его психического организма.

Не имея ничего высшего в кавказце, можно сказать, что он наделен неограниченными способностями; то есть, пока психический организм остается неизменным, его способности к приобретению и увеличению знаний не имеют предела. Одно поколение в процессе использования своих способностей приобретает определенный объем знаний; он передается следующему; оно, в свою очередь, добавляет свою долю, и так далее, каждое поколение в свою очередь принимает знания своих предшественников и передает их вместе со своими собственными приобретениями своим преемникам. Это называется цивилизацией, и мы не можем предположить никакого предела для нее, кроме разрушения существующего порядка и создания нового. Напротив, мозг негра не способен постигать идеи или то, что мы называем абстрактными истинами, так же абсолютно, как и мозг белого ребенка, более того, он просто не способен на такое, как человек, который видит без глаз или слышит без ушей. Находясь в контакте с белым человеком и подражая ему, негр учится читать, писать, произносить речи, проповедовать, редактировать газеты и т. д., но все это похоже на то, что делает мальчик десяти или двенадцати лет, который ведет дебаты *а-ля* Вебстер или декламирует Демосфена. Люди, не знающие негра, принимают эти заимствования за реальные знания, как человек, не разбирающийся в металлах, может принять латунные часы за золотые. Поэтому негр не способен к прогрессу, одно поколение способно на все то, на что способны миллионы поколений, а население Африки, изолированное от белых людей, сейчас точно такое же, каким оно было, когда евреи бежали из Египта, и каким оно должно быть через миллионы лет, если будет предоставлено самому себе. Конечно, это не просто мнение или предположение автора. Это необходимость негритянского бытия - следствие негритянской структуры - фиксированный и вечно неотделимый результат психического организма, который без воссоздания - другого мозга - не может быть иным, как вода может бежать вверх по склону или как возможно изменение закона тяготения в любом отношении. Но люди, не знающие элементарных принципов науки, а также природы негра, полагают, что это вполне возможно; что, как бы ни был неполноценен организм негра в этих отношениях, он является результатом многих веков дикости и "рабства", и поэтому, если его сделать "свободным", предоставить ему те же права с теми же шансами для умственного развития, мозг может постепенно измениться и стать таким же, как у белого человека! Это грубое нечестие, если бы не было порождением невежества и глупости, ибо оно предполагает, что случай и человеческие силы более могущественны, чем Всемогущий Творец, чья работа, таким образом, является спортом обстоятельств. Они пытаются, стимулируя разум, добавить десять процентов к мозгу негра, а затем увеличить головной мозг, одновременно уменьшив мозжечок - несомненно, это работа гораздо более значительная, чем изменение цвета кожи негра; но даже самые невежественные или самые нечестивые из этих людей вряд ли взяли бы за последнюю операцию. Если бы разум вообще мог в это дело, то, конечно, разумнее было бы предположить, что разум можно изменить, воздействуя на материю, а не наоборот, и

поэтому лучше изменить цвет кожи, как первый, а также наиболее осуществимый шаг в этом грандиозном начинании - отбросить Творца и заново создать негра. Но, в конце концов, их труды не увенчаются успехом - после того как они изменят цвет кожи, увеличат объем мозга и должным образом изменят его связи, а также текстуру - словом, превратят его в белого человека, - все будет напрасно, ибо такой мозг может родиться не у негра не больше, чем у слона!

ГЛАВА XII. ОБЩЕЕ РЕЗЮМЕ.

В нескольких предыдущих главах были кратко рассмотрены те внешние характеристики, которые особенно отличают негров. Было показано, что цвет кожи, волосы, фигура, мозг и т. д. - это просто факты из многих миллионов фактов, разделяющих расы; что все они изначальны, неизменны и вечны, и исключение или отсутствие любого из них, или любого из сопутствующих фактов, не перечисленных, в любое время, в случае одного индивидуума или любого поколения, или при любых возможных обстоятельствах времени, климата или внешних воздействий, является или было бы неизбежно невозможно. Природа всегда верна себе, и даже в тех аномальных образцах, которые иногда предстают перед нашим взором - так называемых чудовищах, - нет, собственно говоря, никакого отступления от ее первоначальных замыслов или от тех неизменных и вечных законов, которые управляют органической жизнью. Иногда мы видим альбиносов, но за исключением определенного оттенка цвета, который сам по себе совершенно не похож ни на один цвет других рас, абсолютный негр, то есть миллионы фактов, составляющих негритянское существо, остаются нетронутыми. Мы наблюдаем все виды аномального развития в нашей собственной расе, у животных, в растительном мире, во всех бесчисленных существах и вещах, которые нас окружают. Например, пусть кто-нибудь проведет осенний день в лесу и обратит внимание на странные и зачастую нелепые зрелища, которые его окружают. Часто кажется, что природа сама наслаждается созданием странных и нелепых форм, как будто предназначенных для отдыха и облегчения от ее более серьезных и грандиозных трудов. Но даже здесь нет нарушения высшего закона - порядок природы, хотя и очень часто прерывается случайностью, никогда не противоречит ей. Аномальное развитие, самые нелепые и чудовищные последствия все еще пронизаны вечным указом, наложенным на всю вселенную, который навсегда запрещает любые изменения в мельчайших атомах этой могучей массы жизни. Альбинос, деформированный или чудовищный негр, казалось бы, сильно отклоняющийся от нормального стандарта, все равно подчиняется высшему закону. Все особенности, отличающие его от своей расы, являются *sui generis*, без какого-либо сближения или сходства с белым человеком. Так же и с последним, и так же со всеми уродствами у низших животных. То, что составляет чудовищность, что отделяет существо или кажется таковым, от его собственного вида, отделяет его и от других видов, будь то люди или животные. Вечная пропасть, непроходимый барьер, границы, установленные самим Творцом, никогда не преодолеваются. Негр, обладающий цветом кожи, волос, языком, мозгом, осязанием, вкусом или зрением кавказца, был бы не чудовищем, а невозможностью. Он может очень сильно отличаться от представителей своей расы по любому из этих признаков, как мы видим на примере альбиносов, фактически может не иметь почти никакого внешнего сходства со своим видом и при этом существовать; но ни один из них

никогда не имел и не будет иметь ничего общего с белым человеком, ибо это противоречило бы универсальному порядку самого Бога.

Так как все внешнее или осязаемое чувством широко, неизмеримо и нерушимо отличается от кавказца или белого человека, очевидно, что и во всем, что находится за пределами внешней поверхности, должны существовать такие же относительные различия. Книга изначально была призвана продемонстрировать это в деталях - показать реальные анатомические факты и структурные различия в органах, тканях, системах, вплоть до мельчайших атомов телесной структуры. Предполагалось представить читателю множество табличек с изображением всего этого - мельчайшей частицы, отдельной капельки крови, даже нарисованной после применения микроскопа, достаточно ощутимой для чувства, чтобы показать, что первозданные атомы негритянской структуры так же специфически и относительно широко отличаются от белого человека, как цвет кожи, волосы или любые другие внешние качества, с которыми мы ежедневно сталкиваемся на улицах. Но это настолько увеличило бы расходы на работу, что зачастую сделало бы ее недоступной для поденщиков и рабочих, тех, кто только или главным образом должен понять великое "антирабовладельческое" самозванство нашего времени и всемирный заговор против их свободы, мужественности и счастья, который так долго держал их в покорности своим крикливым притворствам филантропии и гуманности. Но это совсем не обязательно. Минутного размышления или соображения вполне достаточно, чтобы убедить любой рациональный ум в том, что внешние различия должны иметь свой аналог во всей структуре. Конечно, любая исключительная вещь - пятно, врожденное уродство на поверхности - не имеет соответствующей связи с внутренним миром, но то, что специфично, единообразно и неизменно, как цвет, волосы, черты лица и т. д., должно с необходимостью пронизывать весь ансамбль существа, будь то человек, животное или растение. Яблоко, груша, персик и т. д. имеют свои специфические внешние признаки и соответствующие им внутренние качества. Шейд отличается от лосося абсолютным строением, равно как и внешним видом. Все анатомическое строение лошади так же сильно отличается от строения осла, как и внешние признаки. И все строение тела негра, вплоть до мельчайшего атома элементарной материи, отличается так же сильно, конечно, как цвет кожи или другие внешние качества, от белого человека. Для разума одинаково очевидно, что природа негра, его инстинкты, все способности его ума и все функции его тела пронизаны теми же или относительными отличиями от кавказцев. Предполагать иное - не значит предполагать чудовищность, ибо, как уже отмечалось, чудовищные существа, каким бы широким ни было отклонение от нормального стандарта, являются *sui generis*, не имеющими никакого сходства с различными существами, но такое просто невозможно. Как невозможно, чтобы какое-либо существо существовало наполовину подобным или наполовину непохожим на любое другое существо, так же очевидно, что существа с разным строением не могут обладать одними и теми же качествами или проявлять одну и ту же природу. Может ли кто-нибудь представить себе яблоко, обладающее качествами груши или персика, или даже другое яблоко, отличающееся от него по своей материальной структуре? Можно ли предположить, что лев может иметь природу тигра, пантеры, кошки или любого из кошачьих? Можно ли поверить, что собака-бультерьер когда-либо проявляла характер гончей, или что мастифа или спаниеля можно заставить проявлять специфические качества любого из них? Нет, конечно. Природа не совершает ошибок, и Всемогущий Хозяин жизни не позволяет Своим созданиям нарушать или выходить за рамки Его вечных постановлений.

Поэтому, будучи неизменным, нерушимым и вечным законом, что внешние качества точно гармонируют с внутренней структурой вплоть до мельчайшего атома элементарных частиц, и столь же неизменным и вечным, что организм гармонично соответствует функциям,

инстинктам, одним словом, природе, мы можем с абсолютной уверенностью понять *специфические* качества и с терпимой уверенностью подойти к относительным различиям и фактическому интервалу, разделяющему белую и черную расы. Рисунки на табличках, приведенных во вступлении к этой работе, указывают на эти жизненно важные и всеохватывающие истины.

На первом рисунке изображен типичный европеец, не культурный человек нашего времени, а "варвар", восточный человек - современник Давида, Соломона, Кира и других далеких древних людей. Вторая фигура - негр того же периода, изображенный на памятниках, а в настоящее время - во всех тех частях Африки, где негры изолированы и среди них нет обломков других рас. Сам по себе он никогда не меняется в своих внешних проявлениях. Одно поколение - как миллион поколений, и поэтому те тысячи, которые сейчас ежегодно ввозятся на Кубу, выглядят так же, как эта фигура представляла его четыре тысячи лет назад.

Не изменилась и фигура кавказца, ибо, хотя современный американец находится на неизмеримом расстоянии в познании, реальный физический и интеллектуальный человек остается таким же, каким он был изображен на этой фигуре четыре тысячи лет назад. Обе фигуры имеют одинаковый цвет кожи, но *специфические* различия не менее ощутимы - кавказский и негритянский тип одинаково отчетливы и сильно отличаются друг от друга.

Третья фигура - американец, белый человек наших дней, чье интеллектуальное развитие, утонченность ума и манер, костюм и привычки сильно отличаются; тем не менее, физические качества и специфические возможности те же, что и у его восточных предков прошлых поколений.

Четвертая фигура - американский негр, но типичный негр, без примеси других рас. Его черты лица, вылепленные и смягченные смешением с европеоидами, представляют собой значительное улучшение, конечно, по сравнению с изолированным или африканским типом, но организм, реальная физическая и психическая природа остаются теми же.

На белого человека меньше всего, а на негра больше всего влияют внешние факторы, такие как климат, время, система правления и т. д. Четвертая фигура, в отличие от изолированного африканского негра, демонстрирует определенную степень улучшения, прогресса или продвижения, что иллюстрирует реальные возможности расы, когда она оказывается обстоятельствах, благоприятных для ее развития. Размер мозга, фактический организм и абсолютная природа, конечно, остаются неизменными, как все эти вещи остаются неизменными и неизменными у необразованного белого рабочего нашего времени; но негр, в сравнении с высшей расой, становится образованным, и все его скрытые возможности полностью развиваются. Таким образом, хотя цвет кожи, волосы, весь организм остаются такими же, какими были тысячи лет назад, и такими же должны быть всегда, или до тех пор, пока продолжается нынешний порядок творения, происходит определенная модификация черт лица и еще большие изменения в выражении. Некрасивый и необразованный европейский рабочий по сравнению с образованными классами или с большинством американцев демонстрирует большую разницу не столько в чертах лица, сколько в выражении; и хотя негр в Африке находится в гораздо более естественном положении, чем европейский рабочий, негр в нашей среде демонстрирует, возможно, даже большее отличие от своего изолированного брата. И если мы на мгновение предположим, что массы английских рабочих были образованными, питались одинаково и находились в тех же условиях, что и английские дворяне, то мы можем составить разумную оценку относительного прогресса американца по сравнению с африканским негром. Первые ничем

не отличались бы от привилегированного и образованного класса, и если бы все африканские негры были привезены сюда или помещены в сопоставление и естественную связь с высшей расой, они проявили бы те же характеристики, что и наши так называемые рабы, и четвертый рисунок на этой табличке, несомненно, представлял бы собой типичную иллюстрацию их. Многие люди, не зная законов организма, полагают, что наши негры сильно продвинулись вперед по сравнению с дикими и варварскими племенами Африки, и, как показывают вторая и четвертая фигуры на пластине, это так, но только во внешнем выражении, в то время как сущностная природа остается прежней. Негритянский младенец, например, привезенный из Африки и помещенный в существующие условия в Миссисипи, будет представлен четвертой фигурой, в то время как младенец, родившийся здесь и перенесенный в Африку, чтобы расти среди диких племен внутренних районов, напротив, будет проиллюстрирован второй фигурой пластины.

Конечно, здесь задействовано множество моральных соображений, которые невозможно измерить или проверить с помощью материальных иллюстраций, но мы можем составить разумную оценку превосходства состояния и большего счастья негра над его африканскими братьями, просто сравнив эти фигуры. Как было замечено, это соответствует разнице между образованным и необразованным белым человеком, но она больше, поскольку негр больше подвержен влиянию внешних обстоятельств, и поэтому, хотя фактический размер и соотношение мозга негра и его специфическая природа неизменны, внешняя форма его головы, а также выражение его лица поразительно лучше, чем у типичного африканца.

В общих чертах можно сказать, что "американский раб" образован, а изолированный африканский негр - нет; что первый цивилизован, а второй - варвар; что, хотя в некотором смысле он находится в естественном положении (ведь он размножается в Африке), он находится в своем нормальном состоянии только тогда, когда находится в сопоставлении и естественном отношении к превосходящему его белому человеку. Иногда предполагается, что негр не способен к прогрессу, и так оно, конечно, и есть, когда он изолирован от высшей расы, но когда он помещен в свое нормальное состояние, и его подражательные способности приведены в действие, он способен к прогрессу в определенной степени. Бог, наделив его совершенно иными и значительно более низкими способностями, одарил его способностями к подражанию, столь восхитительными, что те, кто не знает его настоящей природы, принимают их за способности белого человека. Как дети, как низшие животные и как все другие низшие расы, он естественно подражает высшему существу; но помимо этой общей тенденции, свойственной всем подчиненным существам, у негра есть особая способность в этом отношении, которая, как ничто другое, дает нам основание называть ее *специфической* чертой расы. Находясь в нормальном состоянии, он становится умным, цивилизованным, набожным, трудолюбивым, и если его хозяин - человек утонченного ума и изысканных привычек, негр становится таким же, даже больше, чем дети, подражающие привычкам своих родителей. Таким образом, на южных плантациях можно заметить, что они соответствуют своим хозяевам, и если привычки и практика первых моральны и христиански выдержаны, то и негры приближаются к тому же стандарту. Напротив, если они находятся под руководством грубых и жестоких хозяев или им не остается ничего, кроме как подражать привычкам грубого и тиранического надсмотрщика, то они становятся праздными, порочными и вороватыми и используют любую возможность, чтобы сбежать из дома.

Говоря об образовании негров, мы, конечно, не имеем в виду то, что применяется к белым людям. Чтение, письмо, арифметика и т.д. не имеют никакого отношения или связи с развитием способностей негра. Он просто должен быть в таком положении, чтобы способность к подражанию, которой Бог так благотворно наделил его, была наиболее полно

задействована, и, как было замечено, тогда он становится трудолюбивым, нравственным и воспитанным существом, или же он праздный, чувственный, порочный и никчемный, такой, каким его хочет сделать хозяин или надсмотрщик. Несомненно, есть исключительные случаи, но при всех широкомасштабных и безграничных усилиях невежественных и заблуждающихся людей в Англии и Америке совратить их из дома, вероятно, найдется не так уж много негров - настоящих негров, - которые когда-либо отказывались от своих хозяев, если только их воспитанием не пренебрегали. Инстинкт негра - послушание хозяину, и самая сильная привязанность его природы - намного выше привязанности к жене или потомству - к хозяину, который кормит, направляет и заботится о нем, действительно является его Провидением; и его абсолютный ужас перед миграцией, если только она не с хозяином, эти качества, столь доминирующие в негре, были бы или могли быть сделаны барьером защиты от внешних соблазнов, если бы они правильно понимались и ценились теми, кто ими управляет. Негритянское образование, цивилизация, прогресс, на который негр способен, когда он находится в нормальном состоянии, и его подражательным способностям позволено здоровое развитие, конечно, быстро теряется, когда он изолирован от белого человека. Если бы четыре миллиона негров, живущих сейчас среди нас, были внезапно предоставлены самим себе, то через несколько лет - вероятно, в течение пятидесяти - все, что их сейчас отличает, то есть все, чему они подражали у высшей расы, вымерло бы.

Если не принимать во внимание мулатов и дворняг, а взять только негров - четыре миллиона негров незапятнанной крови, которые сейчас живут среди нас, - то можно сказать, что через пятьдесят лет не найдется ни одного, кто бы говорил на своем нынешнем языке, был бы христианином, сохранил бы свое имя или что-либо еще, чем он сейчас владеет и чему подражает у своих хозяев. Многим, кто живет в ежедневном контакте с этими людьми, это заявление может показаться поразительным, а те невежественные и прискорбно заблуждающиеся люди, которые воображают, что занимаются делом гуманности, пытаются уничтожить работу Всемоущего Творца, превращая черных в белых, а негров в кавказцев, вряд ли поймут его; но в нем заложена истина, которую можно легко и просто проиллюстрировать. Очень большая часть наших негров - это дети и внуки тех, кого привезли из Африки, и не мало, возможно, самих негров привезли в результате "работоторговли", которая, как известно, продолжалась вплоть до 1808 года.

Среди них, вероятно, нет ни одного, кто бы говорил на языке своих предков, ни одного, кто сохранил бы африканскую религию или хоть малейший пережиток африканской истории или традиции, ни одного, у кого было бы хоть одно африканское имя, и если они так быстро утратили все то, чем обладали сами, что было оригинальным и специфическим, то, конечно, будучи изолированными от своих хозяев, они еще быстрее утратят и то, чему они подражали у более высокой расы.

Таким образом, негр - самый низкий в шкале, как европеец - самый возвышенный в человеческом творении - существо не деградирующее, ибо ни одно из Божьих созданий не деградирует, но сильно отличающееся и значительно подчиненное от высокоорганизованного и высокоодаренного белого человека. *Специфические* качества - это не вопрос мнения, а факт, который вызывает к нашим чувствам на каждом шагу, но конкретные различия и фактические интервалы, разделяющие расы, хотя и часто поддаются удачным иллюстрациям, должны в значительной степени определяться опытом. Автор попытался определить эти различия в некоторых существенных аспектах и считает, что ему это удалось с достаточной точностью, чтобы гарантировать правильные выводы в отношении почти бесчисленных вещей, которые не могут быть обсуждены или даже упомянуты в работе такого рода. Мы имеем эту расу среди нас - они или их потомки должны навсегда остаться

элементом нашего населения. Несомненно, по замыслу Всевышнего кавказцы и негры, при определенных обстоятельствах, которые будут рассмотрены в другом месте, должны существовать рядом, и поэтому конкретное знание об этой расе и ее истинных отношениях с нашей собственной является самым жизненно важным и поистине трансцендентным вопросом или соображением, которое когда-либо было представлено цивилизованному и христианскому народу. Его нельзя откладывать или откладывать, потому что уже сейчас нация стремительно движется к серьезным трудностям и, возможно, ужасным бедствиям из-за широко распространенного невежества и заблуждения относительно природы негра и его истинных отношений с белым человеком. Слепая и глупая война, которая так долго велась против внутренних институтов Юга, несомненно, нанесла негру наибольший ущерб, и можно с легкостью доказать, что самый худший и жестокий хозяин, которого когда-либо знали, не смог бы причинить негру столько страданий, сколько так называемый друг свободы, который, совершенно не понимая природы негра, заставляет его жить жизнью совершенно другого существа. Но пришло время, когда это невежество и заблуждение грозит затронуть весь каркас американского общества, и ничто, кроме простой истины - признания реальных и неизменных фактов, навечно закрепленных рукой Бога, - не может спасти нацию от страшных бедствий.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА XIII. МУЛАТСТВО И ДВОРНЯЖКИ.

Все родовые и видовые формы жизни подчиняются своим особым законам скрещивания, и поэтому гибридизм или гибридность - это явление разного характера, имеющее, правда, определенное сходство в тех случаях, которые приближаются друг к другу, но абсолютно разное во всех случаях. Натуралисты иногда совершали большие ошибки в этом отношении, поскольку предполагали, что гибридизм управляется одними и теми же законами во всех случаях, и поэтому искали его применение или делали вывод о его наличии в случаях, наиболее отдаленных и противоречивых. Самый необычный и, по сути, непростительный пример такого рода можно наблюдать в попытках спутать расовые различия и извратить истину в самую постыдную и, казалось бы, самую явную ложь. Высокопоставленными натуралистами было принято считать, что разные роды никогда не дают потомства, что *потомство* разных видов не способно к размножению и что разновидности неограниченны в своих возможностях. Поэтому, если возникали сомнения относительно характера некоторых (предполагаемых) родов, и обнаруживалось, что потомство следует за соединением полов, в данном конкретном случае делался вывод, что это просто разные виды. Если же обнаруживалось, что потомство этих *видов* одинаково мужественное, то делался вывод, что все они изначально принадлежали к одному и тому же виду, а не были лишь разновидностями. Этот тест, настолько простой, что вряд ли может быть ошибочным, служит с достаточной точностью для определения реального характера, и когда натуралист правильно применяет законы гибридности, то есть допускает модификацию этих законов во всех случаях или во всех различных родах, подвергнутых его исследованию, тогда он вооружен достаточными данными, чтобы сделать свои труды точными и эффективными. Но как бы ни был он щепетилен или корректен в других деталях, если он предполагает, что

гибридность - это единица, и жестко применяет ее во всех случаях или к семействам, сильно удаленным в других отношениях, его труды, в силу этого недостатка, должны быть сравнительно бесполезны.

Уже упоминавшийся пример, где гибридность была представлена таким образом, был следующим: - Мул, как известно, является потомком лошади и осла. Он, в свою очередь, не воспроизводит сам себя, поэтому лошадь и осел являются разными видами. Причард и другие применили этот тест, или обозначили его, в случае с людьми, белыми и неграми, и доказали с его помощью, что они принадлежат к одному виду. Было замечено, что белые мужчины сожительствуют с негритянками, а потомство, в свою очередь, воспроизводит само себя, и, следовательно, родители принадлежат к одному виду. А так как до сих пор это проходило как ходовая монета и казалось вполне удовлетворительным, более того, совершенно неопровержимым как для натуралистов и ученых, так и для других людей, то лучше, пожалуй, представить это читателю в четких и категоричных выражениях. 1-е. Натуралисты повсеместно признают, что неспособность потомства к самовоспроизведению доказывает различие видов прародителей, тогда как, напротив, способность потомства порождать потомство в свою очередь доказывает сходство видов прародителей. 2d. Мул, или потомство лошади и осла, не воспроизводит себя, поэтому лошадь и осел - разные виды. 3d. Потомство мулата от белого мужчины и негритянки дает потомство, поэтому белый мужчина и негритянка принадлежат к одному виду".

Таковы были предположения и рассуждения Причарда и других европейских этнологов, и если бы гибридность была единицей или принципом жесткого и единообразного характера во всех случаях, в человеческих существах, как в животных и овощах, в случае белого мужчины и негритянки, точно так же, как в случае лошади и осла - тогда, действительно, вывод о том, что белые и негры на самом деле составляют один вид, казался бы неизбежным. Но в этом вопросе они совершили две фундаментальные ошибки - ошибку факта и ошибку рассуждения, или, возможно, правильнее было бы сказать, что обе ошибки были фактическими. Во всяком случае, *факты*, которые демонстрируют различие видов у белых и негров вне всяких сомнений, были искажены в доказательствах, которые, казалось, демонстрировали одинаковость или сходство видов с такой же уверенностью.

Гибридность, как уже было сказано, не является единицей, не является фиксированным, единым законом или принципом. Одного мгновения размышлений достаточно, чтобы убедить в этой истине любой разумный человек. Каждая форма жизни обязательно имеет свой характер, свои специфические качества, и законы, управляющие ее репродуктивными способностями, должны соответствовать и так же по-разному проявляться, как и любые ее специфические качества. Предполагать, что законы явлений, управляющих репродуктивными функциями лошади и осла, в точности аналогичны тем, что проявляются в случае с человеком, так же абсурдно, как полагать, что срок беременности, продолжительность жизни, способ передвижения или любые другие качества должны быть абсолютно одинаковыми в обоих случаях. Но больше ничего говорить не нужно. Совершенно очевидно, что законы размножения должны радикально отличаться у человеческих существ, и поэтому вывод Причарда и других, что белые и негры относятся к одному виду, поскольку мулат, в отличие от мула, размножается самостоятельно, просто абсурден. Но они еще больше и еще более жизненно ошибались в своих предположениях относительно фактов. Мулат, в буквальном или обычном смысле слова, действительно дает потомство, но мулатство так же положительно бесплодно, как и мулизм. Феномен гибридности проявляется, как уже говорилось, в соответствии с природой соответствующих существ, а поскольку человеческие существа отделены от лошади и осла почти безмерным и

непроходимым расстоянием, то и законы гибридности, разумеется, соответственно иные. Вместо одного поколения, как у упомянутых животных, стерильность у человеческих существ охватывается в течение четырех поколений, где достигается граница, столь же абсолютно фиксированная и непроходимая, как и одно поколение в случае первых.

Но для того чтобы ясно понять суть дела, предлагается представить читателю предварительные принципы или факты, а также индуктивные факты, которые приводят к этому жизненно важному и всеохватывающему выводу. Он важен не потому, что демонстрирует вне всяких сомнений жизненно важную и фундаментальную истину о различии видов, ибо это самоочевидная и неизбежная истина, которая встречается нам на каждом шагу и сталкивается с нашими чувствами почти каждый час или день нашей жизни. Но мулатство само по себе является предметом огромной важности, и поскольку публика в целом, а писатели, выступающие против рабства, в особенности, глубоко невежественна в отношении него и всех законов, которые им управляют, предлагается изложить элементарные принципы или основы, на которых держится весь предмет.^[1]

1. Автор посвятил много времени и труда этому интересному предмету и, опираясь на свои собственные наблюдения и наблюдения друзей и корреспондентов, охватывающие несколько тысяч случаев смешанной крови, смог вывести общие законы, изложенные в тексте, и с полной уверенностью в их существенной точности.

1-е. В случае, когда белый мужчина сожительствует с негритянкой или "женат" на негритянке, потомство будет более ограниченным, чем если бы она была замужем за представителем своей расы.

2d. Потомство мулатов от этой связи, вступающее в брак с другими гибридами, будет демонстрировать еще меньшую мужественность.

3d. Потомство от первого брака с гибридами, равно удаленными от первоначальных родителей, демонстрирует еще большее снижение мужественности.

4-е. При дальнейшем скрещивании с гибридами, удаленными от исходных, мужественность соответственно снижается.

5. Наконец, четвертое поколение мулатов так же абсолютно бесплодно, как и мулизм, и хотя в редкие промежутки времени возможны исключения, тем не менее, во всех практических смыслах и для всех целей философского исследования, оно может быть принято как естественный и непроходимый барьер этой ненормальной и исключительной формы бытия. В существенной правильности этих законов или их данных почти каждый, живущий на Юге или, возможно, в крупных городах Средних Штатов, сможет убедиться, если возьмет на себя труд исследовать этот вопрос. Ему не нужно доводить эту тему до конца или до степени, необходимой для получения всех представленных здесь результатов, но он может, уделив ей сравнительно небольшое внимание, убедиться *в наличии тенденций и в том, что где-то существует по крайней мере приближающийся к этим законам фиксированный и абсолютный барьер, за которым мулатство не может существовать*. Все торговцы "рабами" и многие "рабовладельцы" знают это из наблюдений и личного опыта, и, хотя они совершенно не знают ничего похожего на научные формулы, представленные здесь, не так уж мало среди первых фактически заявили об этом автору в полном неведении, что он или кто-либо другой когда-либо таким образом формализовал существенный характер мулатства. Но в этом вопросе есть очень важная особенность, которая, если ее не понять или упустить из виду, может сбить с пути тех, кто берется за ее изучение. Как уже говорилось, гибридность - явление, которое должно быть проверено и определено природой

участвующих в нем существ, и поскольку она должна полностью отличаться у человека существ от той, что проявляется у животных, и жизнь ограничена четырьмя поколениями в случае мулатов, в то время как мул ограничивается одним поколением, также необходимо принимать во внимание простое качество или способность потомства. Мул отличается своей выносливостью, а мулаты - хрупкостью и неспособностью переносить трудности. Северный климат губителен для негра, но тот же климат еще более губителен для гибрида, поскольку его сходство с европеоидом, а значит, и способность к северному климату, более чем уравнивается его конституциональными склонностями к хрупкости и распаду. Так, из десяти тысяч свободных негров в Массачусетсе, которых "свобода" и климат вместе взятые, если бы не внешние факторы, должны были окончательно истребить, последний человек среди них был бы типичным негром или, во всяком случае, приближался бы к типичному стандарту.

Но именно в женских гибридах эта тенденция к распаду, или этот порок конституционного формирования, наиболее очевиден. Многие из них не способны вскармливать и заботиться о потомстве, и, наряду с выкидышами и многочисленными формами заболеваний, связанных с материнством, часто обнаруживается, что у них было большое количество детей, ни один из которых не достиг зрелости. Поэтому, принимая во внимание стерильность мулатов, мы должны учитывать пороки их формирования, а также их ограниченную мужественность, и то, что природа завершает свои процессы, будь то рост или упадок, через множество различных форм; и хотя мулатство так же абсолютно ограничено четырьмя поколениями, как мулы - одним поколением, первый результат обусловлен конституционной хрупкостью и ограниченной продолжительностью жизни, возможно, в той же степени, что и несовершенной репродуктивной способностью.

Таким образом, видно, что Причард и европейские этнологи совершили радикальную ошибку в этом вопросе, и те самые доказательства, на которые они опирались для утверждения своей теории одной расы, или что белые и негры принадлежат к одному виду, на самом деле доказывают прямо противоположный факт, что они принадлежат к разным видам. Феномен гибридности не только отличается у людей от того, что свойственно животным, но и различается в разных расах первых. Исследования автора по этому вопросу были ограничены белой и негритянской расами или видами, но доказательства, представленные его наблюдению во время войны с Мексикой, были достаточно достоверными, чтобы обосновать вывод о том, что гибриды обладают большей жизнестойкостью, если речь идет о потомстве белых и аборигенов, чем в случае белых и негров. Первые ближе к нашей собственной расе, и вполне разумно предположить, что в точной пропорции к этому факту или к этой отправной точке гибридное потомство наделено жизненной силой; и то же самое правило можно с равной уверенностью применить ко всем другим видам людей.

Половой инстинкт, или инстинкт размножения, является универсальным в животном мире. Именно он умножает себе подобных, заселяет землю и наполняет мир бесчисленными племенами существ и бесконечной чередой поколений, каждое из которых проявляет те же качества и подчиняется тем же законам, что и исходные типы, без малейших изменений, хотя между ними проходит бесчисленное множество поколений. Что касается человеческих существ, наделенных разумом и нравственными чувствами, то, очевидно, Всемогущим Творцом всего сущего было задумано, чтобы инстинкт размножения был подчинен этим высшим качествам. Тем не менее, инстинкт в отношении половых функций поразительно проявляется у низших рас человечества.

Когда белые мужчины - путешественники и исследователи - внезапно появляются в африканских деревнях, где их никогда раньше не видели, самки убегают и прячутся от их взглядов; а среди множества белых пленников, захваченных аборигенами этого континента, вероятно, никогда не было случая нарушения их личности дикарями-захватчиками. Что касается так называемого восстания негров в Хайти или Сан-Доминго, где, несмотря на то, что все белые, мужчины, женщины и дети на руках своих кормилиц были безжалостно зарезаны охваченными ужасом неграми, нет ни одного достоверного случая посягательства на белых женщин.

Восстание негров - то есть восстание негров против власти белого человека, чтобы получить свободу последнего - просто нелепость: Но если какой-нибудь белый злоумышленник, как это было недавно в Харперс-Ферри, обманом заставит "рабов" расправиться с семьями своих хозяев, то можно не опасаться, что эта отвратительная и чудовищная идея, столь часто встречающаяся в книгах об отмене рабства, - посягательство на личности белых женщин. Правда, гибриды и дворняги могут совершать такие чудовищные преступления, но негр - типичный, чистокровный негр, движимый своими страхами и ужасом перед расой хозяев, будет стремиться только к ее уничтожению, никогда не потворствуя таким противоестественным склонностям.

Инстинкт размножения у животных управляется неизменными законами; но, как уже говорилось, он был задуман общим Творцом, чтобы управляться разумом и подчиняться моральным привязанностям в высшей человеческой природе; тем не менее невежество и развращенность нашей общественной жизни извратили эти замыслы и покрыли общество пятнами и язвами, которые ужасно созерцать. В одном только этом городе, как говорят, насчитывается десять тысяч проституток - потерянных существ, настолько потерянных, что природа отказывает им в потомстве, в возможности воспроизвести себя, создать звено или занять место в могущественных процессиях своего рода, которые стоят отдельно и прокляты, мертвые, хотя и живые. И тем не менее каждый из этих погибших был создан со способностью любить, привязываться, получать и дарить безграничное и безмерное счастье. Бог создал их чистыми и прекрасными, а человек превратил их в существа столь мерзкие, что само их существование не должно быть признано чистыми и добродетельными! Бог создал их чуть ниже ангелов, а человек превратил их в нечто едва ли лучшее, чем дьяволы!

Какое ужасное извращение инстинкта размножения - этого великого жизненного и фундаментального закона, которому животные подчиняются без всякого нарушения, но который мы, с нашей возвышенной природой и Богом данными силами, превратили в такие отвратительные формы и привели к таким тошнотворным и болезненным результатам! Полы равны по количеству, и поэтому природа задумала, чтобы все мужчины женились - чтобы один мужчина соединялся с одной женщиной - чтобы их всегда влекли друг к другу привязанности, и в их любви и дружбе, в их заботе о потомстве, о доме и его сладких удовольствиях она предлагает им вознаграждения самые чистые, самые возвышенные, а также самые разумные, какие только способно испытывать наше существо. И все же каждый день и повсюду перед нами предстает печальное зрелище: то, что, по замыслу Бога, должно быть источником нашего величайшего счастья, превращается в самое отвратительное и самое ужасное из социальных несчастий! Каковы причины или главные причины (а их, несомненно, много) этой отвратительной язвы в самом сердце современного общества, нет нужды спрашивать. Фактической или непосредственной причиной является извращение сексуальных законов - нарушение инстинктов размножения, совершенно неизвестных среди животных и сравнительно неизвестных среди низших рас человечества. Именно гордый

кавказец - крупномозглый и славно одаренный кавказец - чаще всего совершает это ужасное преступление против высшего закона и тем самым ужасно грешит против Бога и своей собственной природы. Такая вещь, как *проституция*, неизвестна среди негров, среди аборигенов этого континента, и едва заметна среди монголов или китайцев. Правда, среди монголов и других низших рас есть большие пороки, шокирующие непристойности и звериные обычаи, но проституция - повальная продажа тел и осквернение душ женщин за деньги, открыто практикуемая во всех великих центрах христианства, - свойственна только кавказцам - той возвышенной и высоко одаренной расе, которую Бог так одарил и поставил во главе всех других рас человечества.

Мулатство для Юга - то же, что проституция для Севера, то есть те развращенные люди, которые предаются нечестивому извращению половых инстинктов, прибегают к услугам дворняжек или "цветных женщин" вместо домов дурной славы, как в первом случае. Такая вещь, как любовь, или естественная привязанность, никогда не привлекала и не может привлекать людей разных рас, и поэтому все сожителства белых мужчин и негритянок ненормальны - это извращение инстинктов размножения. Этот "первородный грех", как его вполне можно назвать, с неизбежностью влечет за собой определенные последствия, и заявление Священного писания о том, что дети наказываются в третьем и четвертом поколении за грехи своих отцов, буквально верно в физиологическом смысле. Точные законы, управляющие порождением мулатства, уже были изложены, и нет необходимости повторять их в этом месте, но не лишним будет вспомнить, что потомство постоянно уменьшается при скрещивании гибридов с гибридами того же происхождения, пока, достигнув четвертого поколения, оно не теряет всю генеративную способность так же абсолютно, как мул. При таком радикальном и фундаментальном пороке организации легко понять, что дворняжки никогда не смогут стать важным или опасным элементом населения. Мистер Клей однажды высказал мнение, что смешанная кровь на Юге быстро увеличивается, и поэтому, вероятно, наступит время, когда негритянская кровь будет поглощена белыми, а негритянская жизнь полностью исчезнет. Невежественные писатели, пишущие об отмене рабства, очень много говорят об этом мнении мистера Клея, но каково бы ни было общее интеллектуальное превосходство этого выдающегося джентльмена, любой здравомыслящий человек должен понимать, что его незнание законов организации делает его мнение по этому вопросу не имеющим никакой ценности. Двести или сто лет назад соотношение полов среди белых людей, несомненно, было менее равным, чем сейчас, и поэтому ненормальные сожителства белых мужчин с негритянками случались чаще, чем в настоящее время. Но после определенного количества или численности смешанной крови эти сожителства приняли бы такое направление, и, как и сейчас, ограничивались бы в основном гибридными и "цветными" женщинами. А учитывая хрупкость, бесплодие и почти универсальную склонность к болезням и дезорганизации этого смешанного и беспородного элемента, с первого взгляда видно, насколько невозможно, чтобы он когда-либо был в достаточном количестве, чтобы угрожать безопасности или даже нарушать покой южного общества. В пропорции к нормальному населению или к чистой крови он, несомненно, меньше, чем был пятьдесят лет назад, и может даже стать меньше в будущем, но совершенно невозможно, чтобы он когда-либо существовал в большей пропорции, чем сейчас.

Это порочное общение с беспородными женщинами на Юге, конечно, не имеет никакого сходства или отношения к слиянию; но его по невежеству или умышленно путают с этим писатели, пишущие об отмене смертной казни. Амальгамация - это взаимный союз полов, как, например, между норманнами и англосаксами в Англии, который постоянно происходит между коренными жителями этой страны и теми, кто переселился сюда из Европы, и как это происходило в Мексике и других испанских провинциях, где испанские завоеватели,

которые привезли с собой мало испанок, искали жен среди туземцев или индейских рас. Белая кровь Юга, как и Севера, чиста и незапятнанна, и белой женщине, настолько опустившейся и деградировавшей, чтобы спариться с негром, не позволили бы даже жить среди негров в южной общине. На Севере иногда случаются чудовищные непристойности такого рода, но обычно это англичане или другие лица иностранного происхождения, и если только не было какой-то моральной или физической причины - какой-то болезни тела или ума, которая сделала ее неспособной к самоориентации, - вряд ли можно предположить, что женщина американского происхождения когда-либо совершала такое непристойное надругательство над своей женственностью и грех против Бога, как спаривание с негром. На Юге, как уже говорилось, такое совершенно невозможно, поскольку женщину не только изгнали бы из общества ее собственной расы, как на Севере, но ей не разрешили бы (если бы знали) жить даже среди негров! Амальгамация никогда не произойдет на Юге и вряд ли нуждается в объяснении в этом месте; но поскольку она фактически происходит сейчас на Ямайке и других островах, а также, в некоторой степени, на Кубе, и, кроме того, такой чудовищный социальный катаклизм неизбежно связан с теорией или идеей отмены "рабства", достаточно хорошо, пожалуй, дать ей объяснение.

В нашей стране около четырех миллионов негров, и если, для наглядности, предположить, что теория антирабовладельческого движения будет в конце концов доведена до практики, то должны произойти или произойдут следующие результаты: - Четыре миллиона белых заключат брачные союзы с этими неграми - мужчины возьмут в жены негритянок, а женщины - негритянок в мужья, что приведет к появлению мулатов и исчезновению негров в следующем поколении. Третье поколение поглотит мулатов и закончится квадранцами; в четвертом поколении произойдет соответствующее уменьшение, и наступит время, когда каждый атом негритянской крови исчезнет так же полностью, как если бы на этом континенте никогда не было негров. Популярное представление, возможно, подобно представлению мистера Клея, что слияние рас поглотит негритянскую кровь, поскольку она является меньшим элементом, и она навсегда останется в жилах потомков. Но этого не может быть: она будет вымирать и со временем полностью исчезнет.

Если, например, сто ведущих и влиятельных аболиционистов того времени практически воплотят в жизнь свои доктрины, будут помещены на какой-нибудь остров в Тихом океане, каждый с негритянкой в качестве жены, и полностью исключены из любого общения с остальным человечеством, они и их потомство через некоторое время полностью исчезнут. Во втором поколении и белые, и негры вымерли бы - то, что рука Вечного создала, закрепила и предназначила для Его славы и счастья Его созданий, было бы запятнано, деформировано и превращено их собственным злом в мулатов, и не могло бы существовать дольше определенного периода, чем любое другое физическое вырождение, не более чем опухоли, рак или другие аномальные образования или физические болезни могут стать постоянными условиями. Четвертое поколение, как уже говорилось, с уменьшающейся и ослабевающей жизненной силой, передаст такие слабые проблески жизни, что их ближайшее потомство будет так же абсолютно ограничено в своих способностях к мужественности, как мулы, и вся масса болезней и разложения исчезнет с земли, которую Бог запретил ей больше осквернять своим грязным и отвратительным присутствием".^[2] Но если рассматривать тему в массовом порядке, или практический аболиционизм, как он будет осуществляться среди миллионов людей, если мы позволим себе, для наглядности, предположить такое чудовищное и потрясающее преступление против Бога и нашего собственного существа, как фактическое и практическое развитие теории, то, естественно, последуют совершенно другие результаты. Как уже говорилось, четыре миллиона представителей нашей белой расы были бы вовлечены в этот чудовищный водоворот слияния с представителями других рас, а

остальные двадцать миллионов остались бы нетронутыми и незагрязненными физической деградацией, которая неизбежно должна последовать за таким чудовищным грехом, как практический аболиционизм. Но они не избежали бы моральной деградации, и нация, отягощенная мулатством, такой язвой на политическом теле, такой ужасающей массой болезней и смертей, несомненно, пала бы завоеванием перед какой-нибудь другой нацией или разновидностью главной расы и снова стала бы английской провинцией или зависимой территорией какой-нибудь другой европейской державы!

2. Роялизм, или наследственная аристократия, или класс, который пытается создать постоянное превосходство над основной массой народа путем кровосмесительных браков со своими собственными членами, наказывается с теми же результатами, что и нарушение половых отношений между различными расами. Идиоты, импотенты и больные отпрыски наследственных королей всегда имеют определенное физиологическое сходство с бесплодными мулатами. И то и другое - нарушение нормального порядка, и оба ограничены определенным сроком существования, как и любые другие больные состояния, которым природа запрещает жить.

Народы наказываются в этой жизни, как бы ни обстояло дело с отдельными людьми, и грех столь огромный, преступление и нечестие против Бога столь ужасны, оскорбление собственной природы столь безгранично и бездонно, как практический аболиционизм, или фактическое воплощение теории аболиционизма, повлечет за собой, как неумолимую необходимость, соответствующее наказание.

История полна примеров этого неизбежного закона. На африканском континенте возникали, расцветали, приходили в упадок и умирали народы за народами; миллионы и миллионы белых христиан существовали только в долине Нила; триста христианских епископов собирались на съезд на месте древнего Карфагена, когда Лондон был неизвестен, а сам Рим был резиденцией языческих кесарей; И теперь, из пятисот миллионов кавказцев, которые, как известно, существовали на этом континенте с начала христианской эры, не осталось, вероятно, ни одного миллиона типичных белых людей, которые могли бы рассказать о своем уничтожении или оплакать опустошение, навлаченное на них преступлениями и грехами их прародителей. Огромное преобладание белого элемента, несомненно, спасет нас от подобных последствий, если мы когда-нибудь совершим такое ужасное преступление, как то, которое подразумевает практическое применение теории аболиции; но, как уже было сказано, мы, скорее всего, падём завоеванием перед какой-нибудь европейской державой. Но если бы эта участь не постигла нас, если бы нас оставили бороться с грузом греха и болезней, навлаченных на нас нашими преступлениями против разума и предписаний Вечного, нация со временем избавилась бы от мулатства и, наконец, оправилась бы от грязного и ужасного загрязнения, вызванного смешением с кровью негров. Двадцать миллионов чистой и незапятнанной крови так быстро преобладали бы над больной частью, что в конце концов каждый след, атом, капля или глобула последней были бы полностью уничтожены, и хотя время, в течение которого этот процесс завершится, или белая раса восстановит свое здоровое и естественное состояние, не может быть определено с уверенностью, таков должен быть конечный результат. Этот же процесс, хотя стороны прямо противоположны, сейчас активно происходит в Мексике и во всех испано-американских штатах. Испанские завоеватели привезли с собой мало соотечественниц, поэтому искали жен среди туземцев или аборигенов, и слияние стало всеобщим во всех испанских провинциях, результатом чего стало возникновение обширной и широко распространенной дворняжки. Испанское господство, обычно воплощенное в чистой крови, не из предубеждения против смешанного элемента, а из ревности к уроженцам, сохраняло

порядок и всеобщее процветание. Но свержение этого господства привело к власти беспородный элемент, ибо, хотя Итурбиде, Санта-Анна, Браво, Бустаменте, Паредес, все или почти все вожди Независимости были чистых кастильских кровей, именно беспородный элемент сверг испанскую власть и установил республику. Испанцы постоянно мигрировали в американские владения испанской короны, но после свержения испанского владычества приток белой крови был прерван, и вместо порождения дворняжек с этого момента начался процесс репарации, который может закончиться только отсеиванием смешанной крови и восстановлением аборигенной расы до ее естественного и здорового состояния, каким она была до испанского завоевания и примеси белого элемента. Этот смешанный или беспородный элемент еще встречается в городах, но его численность быстро сокращается. На момент провозглашения независимости в Мексике проживало двести тысяч человек. Сейчас в ней проживает немногим более ста тысяч человек. Пуэбла, Пероте, Халапа, все города Мексики сокращаются в такой же пропорции, в то время как сельское население - чистый, незапятнанный, аборигенный элемент - хотя и поставленный в крайне неблагоприятные условия, держится на плаву, и если бы его направляли и заботились о нем, как это было сто лет назад, то его численность, несомненно, быстро бы увеличилась. Не только хрупкость, слабость, порочная организация и несовершенная жизнеспособность мулатства или беспородного элемента стремительно сокращают население мексиканских городов. *Мораль* дворняг схожа с физическим уродством, а пороки ума столь же ярки и постоянны, как и недостатки тела. Существо с половиной природы и потребностей белого человека, объединенное в одном существовании с индейцами, сталкивается с другим, возможно, на три четверти белым, в то время как по другую сторону от него находится тот, кто на три четверти имеет индейскую кровь, и население, состоящее из такого материала, обязательно и вечно находится в состоянии войны с самим собой. Поэтому во всех революциях Мексики нет ни замысла, ни общей цели, которая объединяла бы людей, ни смысла, ни разума, ни общего порыва, кроме как разрушить, опрокинуть, захватить власть сегодня без всякой цели на завтра. И это продолжается, и должно продолжаться до тех пор, пока природа не исправит нанесенные ей оскорбления, пока не вымрет дворняжка и не восстановится в первоизданном виде аборигенный или индейский элемент, пока не исчезнет каждый атом белой крови и индейская раса не станет такой, какой она была во времена испанского завоевания.

Эта тема открывает перед нами вопросы огромной важности и, возможно, как считал мистер Кэлхун, большой опасности для нашего народа и будущего цивилизации; но если американские законодатели и государственные деятели поймут реальный характер этих огромных групп населения к югу от нас, известных как испано-американские республики, и применят к ним истинные принципы социальной и политической экономии, когда придет время разобраться с ними, то опасений по поводу результатов практически не будет. Между тем, решение этих проблем с каждым днем становится все проще и понятнее. Смешанная кровь быстро вымирает; должно наступить время, когда она полностью исчезнет, и тогда белый американец окажется лицом к лицу с коренным жителем, расой, которая, каким бы ни был наш опыт общения с ней на Севере, легко управляется, и, как уже говорилось, если ее понять, то практически не нужно опасаться опасности или трудностей, связанных с ней.

Тот же процесс происходит на Ямайке и других островах, хотя здесь речь идет о неграх, а не об индейцах. В Англии была выдвинута идея или предположение, что негры на этих островах - *такие же черные белые люди*, как и они сами, за исключением цвета кожи, и поэтому, естественно, имеют те же права; и возникла партия, которая в конце концов побудила британский парламент "отменить" существующие отношения между белыми и неграми и поставить их на один политический и правовой уровень. Белые люди протестовали против

этой несправедливости и оскорбления разума и здравого смысла, но это было бесполезно. Их мольбы о пощаде были не услышаны - во всяком случае, проигнорированы, - и теперь беспомощные и возмущенные белые находятся в процессе полного уничтожения путем слияния.

Одинаковый политический и правовой *статус* ведет, конечно, к одинаковому социальному уровню, а он, в свою очередь, к общему смешению крови. Белая женщина даже в этих противоестественных обстоятельствах вряд ли осквернит свое женское достоинство, спарившись с негром, хотя общественные настроения заставляют ее объединяться с ними. Но эта женщина без колебаний выходит замуж за мужчину с одной восьмой или одной четвертой долей негритянской крови, и женщина этого оттенка с готовностью спаривается с мулатом, а тот - с типичным негром. Таким образом, хотя естественный инстинкт не допускает такого преступления против природы и такого нечестия по отношению к Богу, как брак или спаривание чистых типов, внешняя сила юридических и политических систем заставляя все оттенки дворняжек двигаться в направлении преобладающего элемента; и должно наступить время, когда белая кровь, вымеряя негритянскую, вернется, конечно, к своему родному африканизму.

Внешнее присутствие иностранного правительства подталкивает несчастных белых жителей этих плодородных и прекрасных островов к этому чудовищному нарушению законов организации и определенному окончательному социальному разрушению; но власть правительства также сдерживает негритянский элемент от быстрого падения в его родной африканизм. На Хайти, где все внешнее или правительственное влияние устранено, негритянская природа уже сильно проявляет свою нормальную дикость, когда ее больше не сдерживает господствующая раса, и поклонение Оби или фетишизм, и даже родной африканский диалект, становятся обычными для многих районов этого острова. В общих чертах можно сказать, что точный момент исчезновения белой крови - это также момент полного восстановления африканизма, но внешнее присутствие британского правительства на островах и Колонизационного общества в Либерии будет препятствовать полному развитию этого естественного и необходимого в других отношениях закона. То, что белая кровь Ямайки должна быть поглощена или, скорее, должна вымереть, является необходимостью, следствием, судьбой, которая неизбежна - окончательный конец является лишь вопросом времени. Иностранное правительство, как уже было сказано, невзирая на протесты и мольбы о пощаде своего несчастного народа, насильственно изменило его отношения к подчиненной расе. Оно объявило негров юридически и политически равными белым; это неизбежно привело к социальному равенству, которое, в свою очередь, привело к бракам белых с квадронами, квадронов с мулатами, а мулатов с неграми; таким образом, процесс, начавшийся с акта британского парламента об отмене "рабства", закономерно и неизбежно закончился социальным омертвлением и окончательным исчезновением белого населения этого острова.

Все звенья цепи непрерывны, все серии событий зависят друг от друга, все этапы процесса естественно объединены; эмансипация, юридическое равенство, социальный уровень, смешение крови и окончательное вымирание - все это части одного и того же ужасного преступления против природы и против Бога, против законов организации и против постановлений Вечного. Поэтому *концом* всего этого должно стать восстановление чистого индейского типа на основной земле и негритянского - на островах; И, как уже было сказано, хотя время, необходимое для завершения этого репарационного процесса - а таковым он является с физиологической точки зрения - не может быть определено с уверенностью, оно не может быть очень отдаленным, и если бы белые люди стояли в стороне и позволили этому

процессу идти своим чередом без вмешательства, вполне вероятно, что через сто, или, самое большее, через сто пятьдесят лет, к югу от наших границ не было бы найдено ни капли белой крови.

Мулатство - это аномалия, болезнь, результат, который приносит невыразимые страдания, а также вымирание, которое неизбежно; и, принимая во внимание эту судьбу, навлеченную на них иностранным правительством, кто может сомневаться, что полное уничтожение белого населения Ямайки было бы милосердным по сравнению с тем, к чему его принудила отмена "рабства" и равенства с неграми? Или кто-нибудь, достаточно осведомленный в этом вопросе, понимающий физические и моральные страдания, связанные или неразрывно связанные со смешанной кровью, хоть на мгновение усомнится в том, что, с точки зрения гуманности, было бы гораздо гуманнее уничтожить всех негров в нашей среде, чем применять к ним теорию отмены рабства или обрекать их на юридическое равенство, на слияние, на мулатство, на дворняжку и на то окончательное неизбежное исчезновение, которое неизбежно наступает для незначительного элемента в этих обстоятельствах? Но помимо физических страданий, сопровождающих процесс вымирания на Ямайке, это было, или есть, или должно быть уничтожение кавказского интеллекта, цивилизации, всего того, что Бог даровал Своим созданиям, что является возвышенным и славным, и поэтому совершенное преступление, каким бы слепым или благим намерением оно ни было, должно остаться в будущих веках как самое ужасное и нечестивое, когда-либо известное в человеческих анналах.

Таков краткий обзор физиологических законов, управляющих мулатством и дворняжничеством - тем ненормальным или болезненным состоянием, которое возникает в результате смешения крови отдельных рас или видов людей. Его умственные и моральные черты столь же отчетливы и противоречивы, хотя и менее поддаются объяснению или классификации, чем в случае с чисто физическими качествами. Как правило, дворняга обладает интеллектуальными способностями в той мере, в какой он приближается к высшей расе. Это необходимая истина; умственные способности или интеллект, скрытый или действительный, точно пропорциональны размеру мозга, как у животных, так и у людей, так же безусловно и неизменно, как мышечная сила пропорциональна размеру и форме мышц; но этот принцип едва ли может служить руководством или тестом в отношении моральных качеств смешанной крови. Едва ли что-то или какая-то фаза общего предмета так ослепляла и вводила в заблуждение "антирабовладельческих" писателей, как эта тема мулатства; ведь они не только не знали о нем, но и ни на минуту не задумывались о существовании такой вещи, и постоянно предполагали в своих рассуждениях (?), что мулат - это негр, и поэтому представляли его, и даже квадран, как доказательство умственных способностей этой расы. Один из таких людей попадал в Англию или на Север, получал образование, становился редактором, врачом, священником, иногда даже автором, возможно, в небольшом масштабе, но в любом случае публичным лектором, которого белые мужчины и женщины слушали с величайшей серьезностью и совершенно убеждались в умственном равенстве рас, поскольку здесь был негр, который говорил на том же языке, имел те же идеи и был столь же красноречив, как и средний белый человек. Даже аббат Грегуар страдал от этого абсурдного и всеобщего заблуждения и написал книгу с биографиями пятнадцати негров, чтобы доказать умственное равенство рас, причем ни один из них не был негром вообще! Некоторые мулы, несомненно, превосходят некоторых лошадей, но ни один мул никогда не был равен средней лошади; и, несомненно, некоторые мулаты превосходили некоторых белых людей, но ни один мулат никогда не достигал и не сможет достичь интеллектуального уровня кавказца. Какой бессмыслицей было бы указывать на любимого мула, чтобы показать, что ослы равны лошадям; однако эту или подобную бессмыслицу ежедневно

практикуют те, кто полагается на дворняг и гибридов, чтобы доказать умственные способности негров! Действительно, квадруны и даже дворняги, имеющие лишь одну восьмую часть негритянской крови, как Робертс, президент Либерии, цитируются в качестве иллюстрации негритянского характера и принимаются как совершенно удовлетворительные слепыми последователями столь же слепых учителей аболиционизма. Тот факт, что такая вещь, как "образованный" мулат, вообще существует среди нас, пока у нас есть необразованные белые люди, является позором для нации, для наших институтов, для нашего социального развития; а в Англии он служит проверкой социальной неправильности и порочности, которую страшно представить. Как уже было сказано, ни один мул никогда не был равен средней лошади, так и ни один мулат никогда не был создан равным стандартному белому человеку; и все же в Англии восемь миллионов не умеют ни читать, ни писать и благодаря человеческим институтам оказываются ниже "образованного" мулата! Моральные качества смешанного элемента менее определены, но все наблюдения, а также история и статистика склоняются к одному и тому же общему выводу - большая порочность мулата по сравнению с любым из исходных типов или типичных рас. Эта важнейшая истина, общая для всех исключительных и аномальных условий, повсеместно проявляется среди "рабов" на Юге, "свободных" негров на Севере, метисов в Мексике или гибридов-мулатов в Хайти. Дворняги Мексики - так называемые леперо - это воры, ладроны, грабители и убийцы, не похожие на итальянских браво прежних времен, которые в какой-то степени искупали свои ужасные преступления рыцарской смелостью, дававшей их жертвам хоть какой-то шанс на жизнь, а тайные, скрытые и трусливые убийцы, которые никогда не нападают там, где есть хоть малейшая опасность для них самих. Они приседают, прячась в тени стены или дверного проема, закутанные в огромные плащи, за исключением руки, в которой зажат острый, узкий и обоюдоострый нож, который вонзается в спину незадачливой жертвы, а затем неизменно убегают, если только их не поддерживают мерзкие товарищи. В полевых условиях они никогда не сталкиваются с белыми людьми, за исключением тех случаев, когда их численность подавляет, и не дают квартала; но если они сами терпят поражение, их крик о пощаде настолько невыносим в своем унижительном вопле, что победитель склонен сразу же отправить их в отставку, чтобы избавиться от них. С уменьшенной жизненной силой и меньшим запасом прочности, чем у чистокровных, дворняга, хотя совершенно безразлична к жизни по отношению к другим, сама цепляется за нее и боится смерти с таким ужасом, который редко или никогда не наблюдался у первородных рас. Типичный негр, например, хотя и достаточно храбр, когда его ведет хозяин, в ужасе отшатывается от лица властного кавказца, когда его не поддерживают, а десяток-другой последних в открытом поле, без сомнения, погнало бы перед собой тысячу негров, как овец на заклание. Но негр, приговоренный к смерти, повешению, даже сожжению, редко проявляет какой-либо страх или опасения. Его несовершенная иннервация, вялый мозг и низкий уровень чувствительности не позволяют ему предвидеть те ужасные физические страдания, от которых в подобных обстоятельствах страдает продуманный и тонко организованный европеец. Так и индеец - "стойк леса - человек без слез", как его представляют поэт Кэмпбелл и другие, не знающие его природы, - существо, согласно их абсурдным фантазиям, созданное по римскому образцу, с самодовольным и философским безразличием к внешним вещам Сенеки, и спокойным презрением к физическим страданиям Катона, но который, все это время, в своей грубой организации, не имеет никаких представлений белого человека о физической боли, и поэтому поет свою предсмертную песню в полной бессознательности того, что для нас является крайним, или предполагаемым крайним, физическим страданием.

Эта органическая невосприимчивость низших рас к физической боли, которая делает их безразличными к приближению смерти, иногда равна, а возможно, и превосходит, в

отношении внешнего выражения, доминирующие моральные силы в случае более высокоорганизованного кавказца. Ламартин утверждает, что любовница Людовика XV, печально известная герцогиня Дю Барри, была единственным человеком, отправленным на гильотину во времена террора, который просил о пощаде или с ужасом боялся приближения смерти. Не только мужчины, но и женщины, даже нежно воспитанные девушки, которые в обычных обстоятельствах упали бы в обморок, увидев смерть воробья, поднимались по ступеням гильотины без слез и дрожи в мышцах. Они умирали за идею, причем ложную, но верили, что она истинна и незыблема, как само небо, и возвышение разума над телом, доминирование моральных сил над законами физического бытия позволяло им встретить смерть без ропота и, если говорить о внешнем выражении, казаться такими же равнодушными к физической боли, как индеец или негр, чья низшая организация не способна на такие страдания.

Но мулат или дворняга не обладает ни физической невосприимчивостью низшей, ни моральной силой высшей расы, а инстинктивное сознание своей слабой жизнеспособности делает его самым трусливым из человеческих существ. Генералы и вожди смешанной крови в Испанской Америке, как и в Хайти, отличались чудовищными пороками, вероломством, трусостью, чувственностью и свирепостью, а также особыми способностями, которые они могли проявить. Жестокое и деспотичное правительство Испании, желая подавить революционеров, неизменно доверяло кровавую работу вождям дворняг, которые столь же неизменно превышали свои полномочия и, получив приказ уничтожить город или деревню, зачастую истребляли все население.

Дворняги-генералы Хайти были еще более свирепыми и кровавыми, если не превзошли в вероломстве и трусости индейских дворняг континента. Риго, самый знатный из хайтинских вождей, был также самым отталкивающим в своих огромных и звериных пороках. Кристоф и Дессалин были неграми, и в этих неестественных обстоятельствах они просто проявляли негритянский инстинкт. Они безжалостно истребляли всех белых мужчин, женщин и детей острова, которых только могли найти, ибо когда негр поднимается против своего хозяина, он не завоевывает, а истребляет страшную расу; и беспомощный младенец или его испуганная и отчаявшаяся мать не трогают ни единой струны милосердия в душах этих неистовых и охваченных ужасом несчастных, когда их заставляют или предают сопротивлению своим хозяевам. Но вожаки дворняг, особенно Риго, были просто моральными чудовищами, чьи кровавые расправы чередовались со сценами звериного разврата и противоестественного дьявольского веселья, которые не могли возникнуть ни в простом животном мире негров, ни в самом чувственном, извращенном и фантасматическом мире белых людей.

Но эта порочность дворняги постоянно демонстрируется перед нами как на Севере, так и на Юге. Девять десятых преступлений, совершаемых так называемыми неграми, - дело рук дворняг: женщины почти все так же развратны и похотливы, как мужчины - праздны, чувственны и бесчестны. Странное и отвратительное заблуждение, закрепившееся в умах многих северян, стремится придать романтический оттенок этим беспородным женщинам - "почти белым девушкам" - и в негритянских романах и на сцене представляет их как "жертв касты", часто обреченных на участь хуже смерти, чтобы удовлетворить "пороки белых". И большая сентиментальность, столь же неприличная, сколь и нелепая, потворствует некоторым "благочестивым дамам" в отношении этих "интересных" квадран и т. д., которые почти всегда по сути своей порочны, в то время как их собственные белые сестры, ежечасно выпадающие из рядов чистой женственности, остаются без внимания, а их ужасные страдания полностью игнорируются.

Наконец, нет нужды повторять, что дворняжка - это болезнь, наказание, которое природа налагает за нарушение ее законов, наказание, которое по неумолимой необходимости налагается на потомство тех, кто, полностью игнорируя ее предписания, инстинкт, естественную привязанность и разум, вступает в половые связи с представителями разных рас, но которое, как и все другие ненормальные состояния, ограничено определенными рамками и милосердно обречено на окончательное исчезновение.

ГЛАВА XIV. РАБОТОРГОВЛЯ, ИЛИ ВВОЗ НЕГРОВ.

В предыдущих главах этой работы было показано, что человеческая семья, как и все другие формы бытия, состоит из определенного числа видов, имеющих общее сходство, но каждый из которых специфически отличается от другого, что кавказец и негр по воле Всемогущего Творца размещены на двух крайних ступенях человечества - первый является самой высшей, а второй - самой низшей из всех известных человеческих рас; что физическая структура или организация всегда и обязательно связана с соответствующими способностями или функциями, и поэтому были представлены более выдающиеся физические качества негра, чтобы проиллюстрировать его умственную и моральную природу. Также было показано, что всемогущий инстинкт (предрассудок), восстающий против смешения крови разных рас (более сильный даже у негров, чем у нашей собственной расы), проистекает из фундаментальной органической необходимости, побуждающей нас сохранять свою структурную целостность, и если его игнорировать и нарушать, он влечет за собой соответствующее наказание, а несчастное потомство, как и все другие аномальные состояния, ограничено определенным сроком существования; что то, что рука Вечного вылепила и создала, также вечно и не подвластно изменению или модификации, капризу, невежеству или нечестию Его созданий; и поэтому все отклонения от типичного стандарта - все формы и степени беспородной или смешанной крови - обречены на окончательное исчезновение. Итак, мы имеем четыре миллиона представителей совершенно иной расы, и хотя мы, представители нынешнего поколения, не несем ответственности за их присутствие среди нас и призваны рассматривать только сам факт, не касаясь его происхождения, тема представляет глубокий интерес, и каким бы актуальным или единодушным ни было мнение против первоначальной "работорговли", есть уверенность, что более глубокое знание и более широкое знакомство с фактами, охватываемыми этой темой, в конце концов приведет к полному изменению народного (американского) мнения. И какой американец не обрадуется такому результату, если, когда все факты будут известны и проверены разумом и совестью, а также велениями истинной гуманности, выяснится, что, какими бы порицаемыми ни были иногда используемые средства, "работорговля", первоначальный импорт африканских негров нашими предками, была правильной? Негр, как было показано, в силу особенностей своего организма - размера и формы мозга - вынужден быть дикарем, когда он изолирован и сам по себе, - праздным, не развивающимся и не производящим, и история, древняя и современная, словом, весь человеческий опыт, подтверждает этот физиологический и материальный *факт*. Африканские путешественники, изредка встречая обломки кавказского населения и остатки магометанской цивилизации, рассказывали причудливые истории о промышленности, бережливости и нравственности негров, а мечтатели на родине предавались еще более абсурдным фантазиям относительно будущего

Африки. Но зачем ехать в Африку, чтобы теоретизировать о неграх, если они есть здесь и подвластны как нашим чувствам, так и нашему разуму? Зачем строить невозможные предположения, когда мозг негра можно увидеть в любой день в медицинском колледже, а его неспособность - его органическая и врожденная неспособность - быть кем-то другим или когда-либо проявлять что-то другое, кроме того, что весь человеческий опыт подтверждает и уверяет нас, должно быть, как это всегда было, судьбой этой расы, когда она была предоставлена самой себе? Говорить о цивилизации африканских негров - все равно что говорить о смене цвета кожи негра, ибо это влечет за собой те же нелепости, те же невозможности; и если бы те, кто предается этому, не были совершенно невежественны в этом вопросе, можно сказать, что это та же нечисть, ибо предположение, что они могут изменить интеллектуальную природу, которую Бог дал негру, столь же грубо нечестиво, как если бы они взялись за его физическое воссоздание.

Таким образом, негр, изолированный в Африке, как уже говорилось, должен быть в будущем тем, кем он был в прошлом, и без сверхъестественного вмешательства навсегда остаться простым, не производящим и не развивающимся дикарем. Мог ли в этом быть замысел Всевышнего? Есть вещи, которые нам не дано знать, которые нечестиво и глупо пытаться узнать, которые Всемогуший в Своей бесконечной благосклонности и мудрости запрещает нам исследовать или, скорее, пытаться исследовать; но во всем, что необходимо для нашего счастья и для благополучия бесчисленных существ, которые нас окружают, мы можем узнать, косвенно, правда, но не менее определенно, замысел Всемогущего Творца.

Все вещи, очевидно, предназначены для использования - все бесчисленное множество живых существ для определенных целей; природа многих из них известна нам уже сейчас; каждый день пополняет наши знания, и, несомненно, придет время, когда природа и цели самых свирепых диких животных и самых ядовитых змей будут ясно поняты и применены по назначению. Таким образом, по явному замыслу Творца, негр должен быть полезен, должен трудиться, должен быть производителем, а поскольку его организм не допускает этого, если он предоставлен самому себе, очевидно, что он должен быть противопоставлен превосходящему его кавказцу. Столь же очевидно, что тропические широты, наделенные столь обильным плодородием, были предназначены для культивирования, для использования, для роста и производства тех местных продуктов, которые нигде, кроме, не встречаются в тропиках и тропикоидных областях Земли. Организация кавказца категорически запрещает физический труд под тропическим солнцем. Он может жить там, наслаждаться жизнью, долголетием, полным и здоровым расцветом всех своих способностей, без вялости или какого-либо груза для его энергии, который, как предполагают несведущие люди, следует за проживанием в этих климатических условиях, но он не может возделывать землю или выращивать продукты почвы своим собственным трудом. Организм негра, напротив, приспособлен к такому производству, и лучи вертикального солнца стимулируют и ускоряют его энергию, а не подавляют ее, как в случае с первым. В другом месте эта тема будет подробно рассмотрена, поэтому здесь достаточно будет просто констатировать факт, что только труд негра может вырастить местные продукты тропиков, и без этого труда великий тропический центр американского континента, следовательно, должен оставаться бесплодной пустошью.

Поэтому появление негров на испанских островах Вест-Индии вряд ли можно назвать случайностью. Слуги-негры были завезены в Испанию арабскими и мавританскими завоевателями. С незапамятных времен негры-"рабы" были любимыми домашними слугами восточных кавказцев - не только потому, что они были самыми послушными и покорными из людей, но и потому, что они были самыми верными и абсолютно неспособными предать

своих хозяев, и едва ли какая-нибудь знатная мавританская семья въезжала в Испанию без сопровождения нескольких этих верных и любимых слуг. Недавние португальские открытия и завоевания на африканских берегах также привели на полуостров множество негров, и когда Колумб и испанцы начали свои поселения в Новом Свете, негров можно было найти почти в каждом городе Испании. Завоевание несчастных туземцев Испаньолы и Кубы и их раздел между испанскими авантюристами не смогли удовлетворить их яростное стремление к богатству, а от жестокости их хозяев, все еще таилось желание этих бедных существ вернуться к прежнему состоянию, или, Возможно, как утверждают испанские писатели, их первоначальная слабость, они быстро угасали в шахтах и на плантациях, и более энергичные работники стали абсолютной необходимостью, если мы хотим продолжать культивирование, прогресс и цивилизацию на этих островах. Таким образом, именно материальная и производственная необходимость, а вовсе не надуманная гуманность Лас Касаса и его друзей по отношению к индейцам, привела негров на испанские острова. Некоторые из них сопровождали самых первых искателей приключений; их видели в безопасности, и они оставались совершенно здоровыми, когда сами испанцы были постоянно поражены яростным солнцем и смертельной малярией тропиков, а вместо вялого и унылого вида, который отличал туземцев, эти негры были самыми радостными и довольными из людей.

Поэтому интересы цивилизации и истинной гуманности соединились с гуманными желаниями Лас Касаса и его друзей в отношении туземцев, и вскоре негры стали единственной опорой плантаторов и других людей, которым испанские принцы выделили земли. Современные авторы - Хелпс, Прескотт и другие - находясь под влиянием общемировых заблуждений нашего времени в отношении негров, выражают удивление (по их мнению) странной непоследовательностью Лас Касаса, который, так усердно работая в интересах индейцев, совершенно бессознательно способствовал замене их неграми, и таким образом, как они полагают, заложил основу или проложил путь к порабощению одной расы, работая при этом за свободу другой. Но ни Лас Касас, ни кто-либо другой не имели никакого понятия о свободе или рабстве в связи с этими неграми. Такое понятие, как свободный негр, несомненно, было неизвестно ни в Испании, ни где-либо еще, а если и было известно, то только потому, что он потерял или отстал от своего хозяина. История, правда, не проливает много света на этот вопрос, но можно с уверенностью сказать, что ни Лас Касас, ни кто-либо из его современников не имели никакого представления о свободе негров и не связывали с этой расой никаких других условий или социального статуса, кроме того, который современные писатели повсеместно обозначают как рабство негров.

Он также не боролся за свободу индейцев, как это понимается сейчас. Многие, возможно, большинство тех, кто защищал туземцев от притеснений испанцев, были движимы исключительно религиозным рвением. Эти бедные "язычники", считали они, имели право не на свободу, не на политические или социальные права, а на права религии, на участие в Святых Таинствах, на привилегии, которые Церковь обещала всем, кто их примет, А поскольку свирепость испанцев постоянно мешала этому, они выслеживали их и убивали без пощады или быстро уничтожали каторжным трудом и непосильным бременем, когда те переставали сопротивляться захватчикам, священники, как правило, и многие другие, пытались защитить их.

Лас Касас, который, судя по всему, был великодушным и благородным человеком, посвятил себя делу туземцев на протяжении многих лет, а то и всей жизни, но ни разу и ни в каком виде он не добивался их свободы или предоставления им каких-либо социальных или политических прав. Другие священники трудились для обеспечения их духовного благополучия или того, что они считали таковым, в то время как Лас Касас, хотя и был глубоко

религиозным человеком, стремился к их материальному сохранению и спасению от той ужасной участи полного исчезновения, которая уже тогда была под угрозой и которая в конце концов оказалась настолько полной, что на данный момент не осталось ни одного потомка этого народа, который мог бы рассказать о его гибели. Поэтому популярное представление о том, что Лас Касас был автором или инициатором "работоторговли" и американского (негритянского) "рабства", чтобы "освободить" коренную расу, совершенно беспочвенно.

Как уже говорилось, это было вызвано производственной необходимостью, и хотя он согласился на это, несомненно, с гуманной верой в то, что это принесет пользу туземной расе, освободив ее от чрезмерного и смертельного бремени, наложенного испанцами, его согласие или несогласие не могло иметь никакого влияния на этот вопрос. А поскольку он не трудился ради свободы туземцев - ни ради чего, кроме их простого материального сохранения, - то, конечно, не мог испытывать никаких сомнений или тревог по поводу негров в этом отношении, и когда он видел, как они сопротивляются и смертельной малярии климата, и жестокости своих хозяев, довольны и счастливы, он, несомненно, чувствовал, что это мудрый и благодетельный промысел Провидения приспособил их к своему состоянию и к осуществлению великих целей цивилизации и человеческого прогресса.

За поставками негритянской рабочей силы на Сан-Доминго, Кубу и другие острова последовал, однако, обширный импорт на основную землю, и в конце концов торговля, попав в руки голландцев и англичан, стала всемирной, и негров стали вывозить во все уголки Нового Света, где находились покупатели или где торговцы могли распоряжаться своим человеческим грузом. И вот тут-то и начинается нехорошая сторона дела - жестокость, несправедливость, бесчинства и бесчеловечность, которые вместе с ложными теориями, нездоровой филантропией и определенной долей лживости сделали термин "работоторговля" синонимом всего дьявольского и дьявольского, что только может представить воображение. Тогдашнее испанское правительство ограничивало ввоз негров, предусматривало равное количество женщин и поощряло ввоз детей; и хотя нет оснований полагать, что они когда-либо рассматривали негров как абстрактных людей, имеющих право на те права, которые предъявляются к ним в наше время, несомненно, что правительства Карла V и Филиппа II рассматривали их как людей и принимали все меры, необходимые для их доброго и гуманного обращения, как в отношении их доставки из Африки, так и в отношении их обращения на плантациях. Но когда физическая приспособленность негров стала столь очевидной на испанских островах, английские и голландские купцы начали ввозить их в таких количествах, а цены упали так низко, что стало не выгодно ввозить женщин и детей, и тогда началось то безымянное и невыразимое надругательство не только над человеческой, но и над животной природой, которое отличает эту торговлю с тех пор и, к позору всего христианства, отличает ее в настоящее время на соседнем острове Куба - разделение полов и нарушение прав на воспроизводство. Вместо простой поставки негритянского труда, необходимого для производства в тропиках и не нарушающего ни одного инстинкта, желания или необходимости негритянской природы, корабли теперь оснащались для спекуляций; грузы людей, как простых рабочих животных, получали в Африке и везли в любой порт, где был шанс найти рынок, не только в тропиках, но и по всей Северной Америке; британские провинции Новой Англии, а также Куба и Порто-Рико стали рынками для торговли человеческими существами. Этим объясняется большая смертность этих людей на островах. В общих чертах можно сказать, что негр будет работать не больше, чем должен; то есть природа так его приспособила, что его нельзя заставить в этом отношении; но когда их можно было купить так дешево, хозяин не был заинтересован в их здоровье, и вместе с очень небольшим приростом туземцев смертность значительно преобладала.

Новая Англия, а также Средние Штаты были полностью обеспечены этими дешевыми неграми, но они никогда не были прибыльными, и законы промышленной адаптации неуклонно несли их потомков на юг.

Работоторговля", после первых пятидесяти лет ее начала, вплоть до Американской революции, можно сказать, находилась в руках англичан, в основном, купцов из Бристоля и Ливерпуля. Эти торговцы, как уже говорилось, превратили его в предмет торговли, занимаясь им так же, как и другими товарами, и многие из крупнейших состояний в Англии, как полагают, были заложены именно в этой торговле. В той мере, в какой колонисты принимали в нем участие, они в какой-то степени приближались к самым ранним испанцам, и хотя ввозилось больше мужчин, чем женщин, ужасная практика островов, запрещавшая этим людям исполнять повеление Всевышнего и размножать свой род, не преобладала в значительной степени. Природа всегда восстанавливается после нарушения ее законов, и хотя никакие законы и человеческие средства не пытались исправить диспропорции полов, сейчас они, вероятно, равны, хотя из импортированных прародителей наших негров, вероятно, две трети, по крайней мере, были мужчинами, и хотя даже большая часть, чем эта, была ввезена в северные порты, сейчас в северных штатах их едва ли четверть миллиона, в то время как потомки тех, кто был ввезен на Север, увеличились до четырех миллионов на Юге! Какой урок преподносят эти факты слепым и одурманенным "друзьям свободы" в Канзасе и столь же слепым верующим в ордонанс 1787 года. Негр, по более высокому закону, чем человеческие постановления, идет туда, где он нужен, и нигде больше не *задерживается*. Широкий и либеральный обзор всей земли - природы негра, его полной бесполезности в изоляции или отделении от белого человека - его органической адаптации к тропическому производству - удивительной плодородности тропических почв - огромной важности их специфических продуктов для цивилизации и человеческого благополучия - демонстрирует, вне всякого сомнения, правоту и справедливость первоначальной "работоторговли", или первоначального импорта африканских негров в Америку. Злоупотребления, которые в конечном итоге сопутствовали этому, затмили саму вещь в народной оценке, но, несмотря на все эти и другие недостатки, несомненно, что ввоз этих негров привел к значительному преобладанию добра для нашей расы, а четыре миллиона христианизированных и просвещенных негров в нашей среде, по сравнению с любым аналогичным количеством представителей их расы в Африке, находятся в таком неизмеримо счастливом и желанном состоянии, что мы не можем найти терминов, которые могли бы достаточно полно выразить это.

Страшные рассказы о жестоком обращении с ними при перевозке из Африки можно опровергнуть одним замечанием, что торговцы были заинтересованы в том, чтобы максимально заботиться о них, а если этого недостаточно, то простым, но достоверным фактом: средняя смертность, когда торговля была законной, составляла всего одиннадцать процентов, а незаконная торговля, усилия по ее пресечению, ложная филантропия и ошибочное вмешательство подняли смертность до сорока процентов!

В "работоторговле", насколько мы можем судить, было всего две ошибки, ошибки, бесчеловечность, надругательство над природой, как бы мы их ни называли: во-первых, ввоз в основном мужчин и, как следствие, нарушение законов воспроизводства - фундаментального и универсального повеления Всевышнего умножать род свой и пополнять землю; и, во-вторых, ввоз их в северные широты, не приспособленные к физической и промышленной природе негров. Но, как уже было сказано, природа рано или поздно восстанавливается после любого нарушения ее законов, и пока мы, в своем невежестве и глупости, спорили о наших мелких теориях на эту тему, ее компенсационные процессы тихо и

неуклонно продолжались и исправляли наши ошибки, и, таким образом, оба реальных зла, связанных с "работоторговлей", теперь в значительной степени *исправлены*.

Тем не менее, для нашей интеллигенции порочит репутацию то, что свод законов страны обезображен нашими законами и законодательством по этому вопросу. Англия ведет войну против природных различий и естественных отношений между расами с тех пор, как мы сбросили ее владычество и установили новую систему правления, основанную на неизменных и постоянных законах природы. Сохранение ее собственной системы - господства классов и искусственных различий между людьми одной расы - побуждает ее слепым инстинктом, возможно, не меньше, чем разум, проводить эту политику, и поэтому под предлогом борьбы с "работоторговлей" она постоянно старается стереть расовые различия и принудить или развратить белых людей Америки к принадлежности и равенству с неграми. Война с "работоторговлей" была лишь средством для достижения ее целей - уравнивания рас в Новом Свете, и в Канаде, Вест-Индии, во всех ее американских владениях она преуспела. Негры, белые, индейцы и дворняги - все они одинаково *подвластны* ей, а различия в обществе, как в Европе, полностью искусственны, в то время как расовые, природные, установленные рукой Вечного, нечестиво игнорируются. И мы были ее орудиями, ее жалкими дурами и сами работали на свою деградацию, чтобы достичь ее целей и стереть расовые различия". Вопрос о ввозе большего количества негров - оставить открытой или запретить "работоторговлю" - был и остается вопросом целесообразности, который наше правительство должно решать самостоятельно, не считаясь с мнением или политикой других народов. Но слепо следовать за Англией в ее гнусных и нечестивых попытках разрушить расовые различия, объявлять поведение наших собственных предков позорным и достойным смерти, потому что этого требует английское мнение и монархические влияния и требования, - это позор для мужественности нашего народа и интеллекта наших государственных деятелей, который не должен больше позорить наше правительство; и можно надеяться, что не за горами то время, когда это позорное законодательство будет вычеркнуто из нашей книги законов.

ГЛАВА XV. ЕСТЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ НЕГРА.

В настоящее время в Соединенных Штатах насчитывается от четырех до пяти миллионов негров. Они или их потомки должны навсегда остаться - к добру или злу - элементом нашего населения. Каковы их естественные отношения с белыми? Каково их нормальное состояние?

Всевышний, очевидно, создал все свои творения - как животных, так и людей - для мудрых, благодетельных и полезных целей. В нашем невежестве относительно животного мира мы одомашнили или использовали для полезных целей лишь очень небольшое число животных: лошадь, быка, осла, собаку и т. д.; но их мы практически понимаем, так что даже самые невежественные люди не будут злоупотреблять ими или нарушать их инстинкты. Самый невежественный фермер или рабочий никогда не попытается заставить собаку выполнять домашнюю роль кошки, вола - лошади, овцу - осла и т. д. Он знает природу этих животных, их отношения к себе и друг к другу, и управляет ими соответственно.

Естественные отношения родителей и потомства, братьев и сестер, мужей и жен также в значительной степени понятны самым невежественным, ибо природный инстинкт в равной степени, как и разум, руководит нами в этих вещах. Отец знает, что ребенок должен его слушаться, и тот инстинктивно чувствует, что это послушание - священный долг. Тот же инстинкт побуждает брата любить свою сестру, и можно сказать, что все родственные отношения и обязанности, вытекающие из них, регулируются скорее инстинктом, чем разумом. На эту тему написано бесчисленное множество книг, чтобы научить обязанностям родителей и потомства, мужей и жен и т. д., но при должном развитии интеллекта и привязанностей восприятие обязанностей происходит интуитивно.

Если выйти за пределы этих домашних и семейных отношений - отношений отдельных людей, одного человека к другому, а также к государству или общему гражданству, - то они менее понятны, ибо здесь природа должна руководствоваться разумом, и хотя существуют определенные великие и неизменные факты, которые служат ориентирами для нашего руководства, мы должны в основном полагаться на наш разум.

Правда, христианство указало на эти отношения две тысячи лет назад; тем не менее, в Старом Свете они почти полностью игнорируются; но хотя мы сами слишком часто неправильно понимаем и неправильно применяем их, они достаточно понятны, чтобы составлять основу нашего общественного устройства.

Еще один шаг вперед, и мы придем к отношениям рас - белых людей и негров, а также других рас, которые могут случайно оказаться рядом, и о которых весь мир может сказать, что он глубоко невежественен в теории, в то время как половина нашего народа справедливо и верно решила их на практике. Общественный строй Юга - социальный и правовой *статус* негра - основывается на естественных отношениях белой и черной рас, и, как уже было замечено, в то время как весь мир не знает об этих отношениях, народ Юга, можно сказать, американский народ, практически решил их, причем к взаимной выгоде всех заинтересованных сторон. Но прежде чем приступить к обсуждению естественных отношений и социальных адаптаций рас, мы должны четко понять отношения, которые мы имеем друг к другу как индивидуумы, а также к государству или совокупности индивидуумов.

Все особи одного вида, будь то животное или человек, конечно, обладают одинаковыми способностями, одинаковыми желаниями, словом, одинаковыми специальностями. Время от времени случай - какая-нибудь случайность, отдаленная или непосредственная - деформирует или портит отдельных людей; они могут быть идиотами, безумцами или иными неспособными, но это исключительные случаи, которые не нарушают великого, фиксированного и неизменного равенства, одинаковости или единообразия расы. Белая или европеоидная раса, как уже было замечено, различается гораздо больше, чем любая другая раса. Есть высокие люди и низкорослые, гиганты и пигмеи, блондины и брюнеты, рыжеволосые и черноволосые, но природа остается той же самой; и если бы все они были помещены в одинаковые условия климата, правительства, религии и т. д., все бы проявили те же самые моральные характеристики и, в определенной степени, те же самые физические проявления. Это достаточно наглядно демонстрируется каждый день. Почти повсеместно наши люди произошли от "низших классов" европейского общества. Грубая кожа, большие руки и ноги, широкие зубы, нос мопса и т.д. ирландских и немецких рабочих проходят через поколение или два, и их американское потомство имеет более тонкие и классические черты, чем даже самая благородная и привилегированная европейская аристократия. Обладая теми же способностями, теми же потребностями и т. д., они имеют одинаковые права и возможности реализовать природу, которой их наделил Бог, - это самоочевидная истина. Божественный Автор христианства провозгласил эту жизненно важную истину с большой

впечатляющей силой. Он выбрал своих учеников из самых низких и угнетенных слоев народа и провозгласил свои самые страшные обличения в уши священной аристократии. Большая часть еврейского народа была всего лишь бременем для своих братьев - священнической олигархии, которая управляла государством и жила в праздной роскоши за счет труда, невежества, суеверий и страданий народа. Во всех случаях эти угнетатели обличались, а великая и вечная истина о том, что Бог не уважает людей, и все люди одинаково ценны в Его глазах - даже нищий Лазарь и раскаявшаяся Магдалина - была ежедневным учением Христа. И нет никаких сомнений в том, что гонения и окончательное распятие Автора христианской религии были направлены иудейскими правителями на то, чтобы уничтожить великую доктрину равенства и таким образом сохранить свое господство над умами и судьбами людей. Божественное предписание "поступай с другими так, как мы хотели бы, чтобы они поступали с нами" - это полное изложение наших естественных отношений друг к другу и нерушимое правило природы, а также религиозное обязательство. Все люди - то есть все, кто принадлежит к одной расе или виду, - имеющие одинаковую природу и созданные Творцом для одних и тех же целей, обладают одинаковыми правами и обязанностями, - очевидно, что все человеческие правительства должны опираться на эту великую фундаментальную истину. Ни одному человеку не должно быть позволено, ни один человек не должен быть настолько низменным, чтобы требовать привилегий, которых лишены его братья или какой-либо класс его братьев, и тот же великий принцип, которым Христос предписал руководствоваться Своим последователям в их личных отношениях, должен быть единственным законным правилом в их политических отношениях. Поступать с другими так, как мы хотели бы, чтобы они поступали с нами, - признавать за всеми другими людьми те права, которые мы требуем для себя, - признавать те взаимные обязательства, которые, по правде говоря, вытекают из необходимости нашего существования, - словом, требовать равных прав для себя и признавать те же права со стороны наших товарищей, кажется настолько очевидным, настолько инстинктивным, настолько справедливым и действительно самоочевидным, что разумный и справедливый человек удивляется, как это может быть иначе, или что в наше просвещенное время системы управления могут существовать в полном противоречии с такими простыми и самоочевидными истинами. Правительство, государство, совокупное гражданство, основанное на великой фундаментальной истине равенства, становится простым, благотворным и легко понимаемым институтом. Оно оставляет всех людей там, где их поставил Бог и природа, в естественном отношении друг к другу. Его функции, какими бы сложными ни были детали, просто защитные, позволяющие людям подниматься или опускаться по социальной шкале в зависимости от того, как их промышленность, культура и моральные достоинства могут быть оценены их согражданами. Она защищает одного человека от насилия или несправедливости другого, а совокупность граждан или нацию - от иностранной агрессии.

Поэтому, будучи неизменным, нерушимым и вечным законом, что внешние качества точно гармонируют с внутренней структурой вплоть до мельчайшего атома элементарных частиц, и столь же неизменным и вечным, что организм гармонично соответствует функциям, инстинктам, одним словом, природе, мы можем с абсолютной уверенностью понять *специфические* качества и с терпимой уверенностью подойти к относительным различиям и фактическому интервалу, разделяющему белую и черную расы. Рисунки на табличках, приведенных во вступлении к этой работе, указывают на эти жизненно важные и всеохватывающие истины.

На первом рисунке изображен типичный европеец, не культурный человек нашего времени, а "варвар", восточный человек - современник Давида, Соломона, Кира и других далеких

древних людей. Вторая фигура - негр того же периода, изображенный на памятниках, а в настоящее время - во всех тех частях Африки, где негры изолированы и среди них нет обломков других рас. Сам по себе он никогда не меняется в своих внешних проявлениях. Одно поколение - как миллион поколений, и поэтому те тысячи, которые сейчас ежегодно ввозятся на Кубу, выглядят так же, как эта фигура представляла его четыре тысячи лет назад.

Не изменилась и фигура кавказца, ибо, хотя современный американец находится на неизмеримом расстоянии в познании, реальный физический и интеллектуальный человек остается таким же, каким он был изображен на этой фигуре четыре тысячи лет назад. Обе фигуры имеют одинаковый цвет кожи, но *специфические* различия не менее ощутимы - кавказский и негритянский тип одинаково отчетливы и сильно отличаются друг от друга.

Третья фигура - американец, белый человек наших дней, чье интеллектуальное развитие, утонченность ума и манер, костюм и привычки сильно отличаются; тем не менее, физические качества и специфические возможности те же, что и у его восточных предков прошлых поколений.

Четвертая фигура - американский негр, но типичный негр, без примеси других рас. Его черты лица, вылепленные и смягченные смешением с европеоидами, представляют собой значительное улучшение, конечно, по сравнению с изолированным или африканским типом, но организм, реальная физическая и психическая природа остаются теми же.

На белого человека меньше всего, а на негра больше всего влияют внешние факторы, такие как климат, время, система правления и т. д. Четвертая фигура, в отличие от изолированного африканского негра, демонстрирует определенную степень улучшения, прогресса или продвижения, что иллюстрирует реальные возможности расы, когда она оказывается обстоятельствах, благоприятных для ее развития. Размер мозга, фактический организм и абсолютная природа, конечно, остаются неизменными, как все эти вещи остаются неизменными и неизменными у необразованного белого рабочего нашего времени; но негр, в сравнении с высшей расой, становится образованным, и все его скрытые возможности полностью развиваются. Таким образом, хотя цвет кожи, волосы, весь организм остаются такими же, какими были тысячи лет назад, и такими же должны быть всегда, или до тех пор, пока продолжается нынешний порядок творения, происходит определенная модификация черт лица и еще большие изменения в выражении. Некрасивый и необразованный европейский рабочий по сравнению с образованными классами или с большинством американцев демонстрирует большую разницу не столько в чертах лица, сколько в выражении; и хотя негр в Африке находится в гораздо более естественном положении, чем европейский рабочий, негр в нашей среде демонстрирует, возможно, даже большее отличие от своего изолированного брата. И если мы на мгновение предположим, что массы английских рабочих были образованными, питались одинаково и находились в тех же условиях, что и английские дворяне, то мы можем составить разумную оценку относительного прогресса американца по сравнению с африканским негром. Первые ничем не отличались бы от привилегированного и образованного класса, и если бы все африканские негры были привезены сюда или помещены в сопоставление и естественную связь с высшей расой, они проявили бы те же характеристики, что и наши так называемые рабы, и четвертый рисунок на этой табличке, несомненно, представлял бы собой типичную иллюстрацию их. Многие люди, не зная законов организма, полагают, что наши негры сильно продвинулись вперед по сравнению с дикими и варварскими племенами Африки, и, как показывают вторая и четвертая фигуры на пластине, это так, но только во внешнем выражении, в то время как сущностная природа остается прежней. Негритянский младенец, например, привезенный из Африки и помещенный в существующие условия в Миссисипи,

будет представлен четвертой фигурой, в то время как младенец, родившийся здесь и перенесенный в Африку, чтобы расти среди диких племен внутренних районов, напротив, будет проиллюстрирован второй фигурой пластины.

Конечно, здесь задействовано множество моральных соображений, которые невозможно измерить или проверить с помощью материальных иллюстраций, но мы можем составить разумную оценку превосходства состояния и большего счастья негра над его африканскими братьями, просто сравнив эти фигуры. Как было замечено, это соответствует разнице между образованным и необразованным белым человеком, но она больше, поскольку негр больше подвержен влиянию внешних обстоятельств, и поэтому, хотя фактический размер и соотношение мозга негра и его специфическая природа неизменны, внешняя форма его головы, а также выражение его лица поразительно лучше, чем у типичного африканца.

В общих чертах можно сказать, что "американский раб" образован, а изолированный африканский негр - нет; что первый цивилизован, а второй - варвар; что, хотя в некотором смысле он находится в естественном положении (ведь он размножается в Африке), он находится в своем нормальном состоянии только тогда, когда находится в сопоставлении и естественном отношении к превосходящему его белому человеку. Иногда предполагается, что негр не способен к прогрессу, и так оно, конечно, и есть, когда он изолирован от высшей расы, но когда он помещен в свое нормальное состояние, и его подражательные способности приведены в действие, он способен к прогрессу в определенной степени. Бог, наделив его совершенно иными и значительно более низкими способностями, одарил его способностями к подражанию, столь восхитительными, что те, кто не знает его настоящей природы, принимают их за способности белого человека. Как дети, как низшие животные и как все другие низшие расы, он естественно подражает высшему существу; но помимо этой общей тенденции, свойственной всем подчиненным существам, у негра есть особая способность в этом отношении, которая, как ничто другое, дает нам основание называть ее *специфической* чертой расы. Находясь в нормальном состоянии, он становится умным, цивилизованным, набожным, трудолюбивым, и если его хозяин - человек утонченного ума и изысканных привычек, негр становится таким же, даже больше, чем дети, подражающие привычкам своих родителей. Таким образом, на южных плантациях можно заметить, что они соответствуют своим хозяевам, и если привычки и практика первых моральны и христиански выдержаны, то и негры приближаются к тому же стандарту. Напротив, если они находятся под руководством грубых и жестоких хозяев или им не остается ничего, кроме как подражать привычкам грубого и тиранического надсмотрщика, то они становятся праздными, порочными и вороватыми и используют любую возможность, чтобы сбежать из дома.

Говоря об образовании негров, мы, конечно, не имеем в виду то, что применяется к белым людям. Чтение, письмо, арифметика и т.д. не имеют никакого отношения или связи с развитием способностей негра. Он просто должен быть в таком положении, чтобы способность к подражанию, которой Бог так благотворно наделил его, была наиболее полно задействована, и, как было замечено, тогда он становится трудолюбивым, нравственным и воспитанным существом, или же он праздный, чувственный, порочный и никчемный, такой, каким его хочет сделать хозяин или надсмотрщик. Несомненно, есть исключительные случаи, но при всех широкомасштабных и безграничных усилиях невежественных и заблуждающихся людей в Англии и Америке совратить их из дома, вероятно, найдется не так уж много негров - настоящих негров, - которые когда-либо отказывались от своих хозяев, если только их воспитанием не пренебрегали. Инстинкт негра - послушание хозяину, и самая сильная привязанность его природы - намного выше привязанности к жене или потомству - к хозяину, который кормит, направляет и заботится о нем, действительно является его

Провидением; и его абсолютный ужас перед миграцией, если только она не с хозяином, эти качества, столь доминирующие в негре, были бы или могли быть сделаны барьером защиты от внешних соблазнов, если бы они правильно понимались и ценились теми, кто ими управляет. Негритянское образование, цивилизация, прогресс, на который негр способен, когда он находится в нормальном состоянии, и его подражательным способностям позволено здоровое развитие, конечно, быстро теряется, когда он изолирован от белого человека. Если бы четыре миллиона негров, живущих сейчас среди нас, были внезапно предоставлены самим себе, то через несколько лет - вероятно, в течение пятидесяти - все, что их сейчас отличает, то есть все, чему они подражали у высшей расы, вымерло бы.

Если не принимать во внимание мулатов и дворняг, а взять только негров - четыре миллиона негров незапятнанной крови, которые сейчас живут среди нас, - то можно сказать, что через пятьдесят лет не найдется ни одного, кто бы говорил на своем нынешнем языке, был бы христианином, сохранил бы свое имя или что-либо еще, чем он сейчас владеет и чему подражает у своих хозяев. Многим, кто живет в ежедневном контакте с этими людьми, это заявление может показаться поразительным, а те невежественные и прискорбно заблуждающиеся люди, которые воображают, что занимаются делом гуманности, пытаются уничтожить работу Всемогущего Творца, превращая черных в белых, а негров в кавказцев, вряд ли поймут его; но в нем заложена истина, которую можно легко и просто проиллюстрировать. Очень большая часть наших негров - это дети и внуки тех, кого привезли из Африки, и не мало, возможно, самих негров привезли в результате "работоторговли", которая, как известно, продолжалась вплоть до 1808 года.

Среди них, вероятно, нет ни одного, кто бы говорил на языке своих предков, ни одного, кто сохранил бы африканскую религию или хоть малейший пережиток африканской истории или традиции, ни одного, у кого было бы хоть одно африканское имя, и если они так быстро утратили все то, чем обладали сами, что было оригинальным и специфическим, то, конечно, будучи изолированными от своих хозяев, они еще быстрее утратят и то, чему они подражали у более высокой расы.

Таким образом, негр - самый низкий в шкале, как европеец - самый возвышенный в человеческом творении - существо не деградирующее, ибо ни одно из Божьих созданий не деградирует, но сильно отличающееся и значительно подчиненное от высокоорганизованного и высокоодаренного белого человека. *Специфические* качества - это не вопрос мнения, а факт, который вызывает к нашим чувствам на каждом шагу, но конкретные различия и фактические интервалы, разделяющие расы, хотя и часто поддаются удачным иллюстрациям, должны в значительной степени определяться опытом. Автор попытался определить эти различия в некоторых существенных аспектах и считает, что ему это удалось с достаточной точностью, чтобы гарантировать правильные выводы в отношении почти бесчисленных вещей, которые не могут быть обсуждены или даже упомянуты в работе такого рода. Мы имеем эту расу среди нас - они или их потомки должны навсегда остаться элементом нашего населения. Несомненно, по замыслу Всевышнего кавказцы и негры, при определенных обстоятельствах, которые будут рассмотрены в другом месте, должны существовать рядом, и поэтому конкретное знание об этой расе и ее истинных отношениях с нашей собственной является самым жизненно важным и поистине трансцендентным вопросом или соображением, которое когда-либо было представлено цивилизованному и христианскому народу. Его нельзя откладывать или откладывать, потому что уже сейчас нация стремительно движется к серьезным трудностям и, возможно, ужасным бедствиям из-за широко распространенного невежества и заблуждения относительно природы негра и его истинных отношений с белым человеком. Слепая и глупая война, которая так долго велась

против внутренних институтов Юга, несомненно, нанесла негру наибольший ущерб, и можно с легкостью доказать, что самый худший и жестокий хозяин, которого когда-либо знали, не смог бы причинить негру столько страданий, сколько так называемый друг свободы, который, совершенно не понимая природы негра, заставляет его жить жизнью совершенно другого существа. Но пришло время, когда это невежество и заблуждение грозит затронуть весь каркас американского общества, и ничто, кроме простой истины - признания реальных и неизменных фактов, навечно закрепленных рукой Бога, - не может спасти нацию от страшных бедствий.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА XIII. МУЛАТСТВО И ДВОРНЯЖКИ.

Все родовые и видовые формы жизни подчиняются своим особым законам скрещивания, и поэтому гибридизм или гибридность - это явление разного характера, имеющее, правда, определенное сходство в тех случаях, которые приближаются друг к другу, но абсолютно разное во всех случаях. Натуралисты иногда совершали большие ошибки в этом отношении, поскольку предполагали, что гибридизм управляется одними и теми же законами во всех случаях, и поэтому искали его применение или делали вывод о его наличии в случаях, наиболее отдаленных и противоречивых. Самый необычный и, по сути, непростительный пример такого рода можно наблюдать в попытках спутать расовые различия и извратить истину в самую постыдную и, казалось бы, самую явную ложь. Высокопоставленными натуралистами было принято считать, что разные роды никогда не дают потомства, что *потомство* разных видов не способно к размножению и что разновидности неограниченны в своих возможностях. Поэтому, если возникали сомнения относительно характера некоторых (предполагаемых) родов, и обнаруживалось, что потомство следует за соединением полов, в данном конкретном случае делался вывод, что это просто разные виды. Если же обнаруживалось, что потомство этих *видов* одинаково мужественное, то делался вывод, что все они изначально принадлежали к одному и тому же виду, а не были лишь разновидностями. Этот тест, настолько простой, что вряд ли может быть ошибочным, служит с достаточной точностью для определения реального характера, и когда натуралист правильно применяет законы гибридности, то есть допускает модификацию этих законов во всех случаях или во всех различных родах, подвергнутых его исследованию, тогда он вооружен достаточными данными, чтобы сделать свои труды точными и эффективными. Но как бы ни был он щепетилен или корректен в других деталях, если он предполагает, что гибридность - это единица, и жестко применяет ее во всех случаях или к семействам, сильно удаленным в других отношениях, его труды, в силу этого недостатка, должны быть сравнительно бесполезны.

Уже упоминавшийся пример, где гибридность была представлена таким образом, был следующим: - Мул, как известно, является потомком лошади и осла. Он, в свою очередь, не воспроизводит сам себя, поэтому лошадь и осел являются разными видами. Причард и другие применили этот тест, или обозначили его, в случае с людьми, белыми и неграми, и доказали с его помощью, что они принадлежат к одному виду. Было замечено, что белые

мужчины сожительствуют с негритянками, а потомство, в свою очередь, воспроизводит само себя, и, следовательно, родители принадлежат к одному виду. А так как до сих пор это проходило как ходовая монета и казалось вполне удовлетворительным, более того, совершенно неопровержимым как для натуралистов и ученых, так и для других людей, то лучше, пожалуй, представить это читателю в четких и категоричных выражениях. 1-е. Натуралисты повсеместно признают, что неспособность потомства к самовоспроизведению доказывает различие видов прародителей, тогда как, напротив, способность потомства порождать потомство в свою очередь доказывает сходство видов прародителей. 2d. Мул, или потомство лошади и осла, не воспроизводит себя, поэтому лошадь и осел - разные виды. 3d. Потомство мулата от белого мужчины и негритянки дает потомство, поэтому белый мужчина и негритянка принадлежат к одному виду".

Таковы были предположения и рассуждения Причарда и других европейских этнологов, и если бы гибридность была единицей или принципом жесткого и единообразного характера во всех случаях, в человеческих существах, как в животных и овощах, в случае белого мужчины и негритянки, точно так же, как в случае лошади и осла - тогда, действительно, вывод о том, что белые и негры на самом деле составляют один вид, казался бы неизбежным. Но в этом вопросе они совершили две фундаментальные ошибки - ошибку факта и ошибку рассуждения, или, возможно, правильнее было бы сказать, что обе ошибки были фактическими. Во всяком случае, *факты*, которые демонстрируют различие видов у белых и негров вне всяких сомнений, были искажены в доказательствах, которые, казалось, демонстрировали одинаковость или сходство видов с такой же уверенностью.

Гибридность, как уже было сказано, не является единицей, не является фиксированным, единым законом или принципом. Одного мгновения размышлений достаточно, чтобы убедить в этой истине любой разумный человек. Каждая форма жизни обязательно имеет свой характер, свои специфические качества, и законы, управляющие ее репродуктивными способностями, должны соответствовать и так же по-разному проявляться, как и любые ее специфические качества. Предполагать, что законы явлений, управляющих репродуктивными функциями лошади и осла, в точности аналогичны тем, что проявляются в случае с человеком, так же абсурдно, как полагать, что срок беременности, продолжительность жизни, способ передвижения или любые другие качества должны быть абсолютно одинаковыми в обоих случаях. Но больше ничего говорить не нужно. Совершенно очевидно, что законы размножения должны радикально отличаться у человеческих существ, и поэтому вывод Причарда и других, что белые и негры относятся к одному виду, поскольку мулат, в отличие от мула, размножается самостоятельно, просто абсурден. Но они еще больше и еще более жизненно ошибались в своих предположениях относительно фактов. Мулат, в буквальном или обычном смысле слова, действительно дает потомство, но мулатство так же положительно бесплодно, как и мулизм. Феномен гибридности проявляется, как уже говорилось, в соответствии с природой соответствующих существ, а поскольку человеческие существа отделены от лошади и осла почти безмерным и непроходимым расстоянием, то и законы гибридности, разумеется, соответственно иные. Вместо одного поколения, как у упомянутых животных, стерильность у человеческих существ охватывается в течение четырех поколений, где достигается граница, столь же абсолютно фиксированная и непроходимая, как и одно поколение в случае первых.

Но для того чтобы ясно понять суть дела, предлагается представить читателю предварительные принципы или факты, а также индуктивные факты, которые приводят к этому жизненно важному и всеохватывающему выводу. Он важен не потому, что демонстрирует вне всяких сомнений жизненно важную и фундаментальную истину о

различии видов, ибо это самоочевидная и неизбежная истина, которая встречается нам на каждом шагу и сталкивается с нашими чувствами почти каждый час или день нашей жизни. Но мулатство само по себе является предметом огромной важности, и поскольку публика в целом, а писатели, выступающие против рабства, в особенности, глубоко невежественна в отношении него и всех законов, которые им управляют, предлагается изложить элементарные принципы или основы, на которых держится весь предмет.^[1]

1. Автор посвятил много времени и труда этому интересному предмету и, опираясь на свои собственные наблюдения и наблюдения друзей и корреспондентов, охватывающие несколько тысяч случаев смешанной крови, смог вывести общие законы, изложенные в тексте, и с полной уверенностью в их существенной точности.

1-е. В случае, когда белый мужчина сожительствует с негритянкой или "женат" на негритянке, потомство будет более ограниченным, чем если бы она была замужем за представителем своей расы.

2d. Потомство мулатов от этой связи, вступающее в брак с другими гибридами, будет демонстрировать еще меньшую мужественность.

3d. Потомство от первого брака с гибридами, равно удаленными от первоначальных родителей, демонстрирует еще большее снижение мужественности.

4-е. При дальнейшем скрещивании с гибридами, удаленными от исходных, мужественность соответственно снижается.

5. Наконец, четвертое поколение мулатов так же абсолютно бесплодно, как и мулизм, и хотя в редкие промежутки времени возможны исключения, тем не менее, во всех практических смыслах и для всех целей философского исследования, оно может быть принято как естественный и непроходимый барьер этой ненормальной и исключительной формы бытия. В существенной правильности этих законов или их данных почти каждый, живущий на Юге или, возможно, в крупных городах Средних Штатов, сможет убедиться, если возьмет на себя труд исследовать этот вопрос. Ему не нужно доводить эту тему до конца или до степени, необходимой для получения всех представленных здесь результатов, но он может, уделив ей сравнительно небольшое внимание, убедиться *в наличии тенденций и в том, что где-то существует по крайней мере приближающийся к этим законам фиксированный и абсолютный барьер, за которым мулатство не может существовать*. Все торговцы "рабами" и многие "рабовладельцы" знают это из наблюдений и личного опыта, и, хотя они совершенно не знают ничего похожего на научные формулы, представленные здесь, не так уж мало среди первых фактически заявили об этом автору в полном неведении, что он или кто-либо другой когда-либо таким образом формализовал существенный характер мулатства. Но в этом вопросе есть очень важная особенность, которая, если ее не понять или упустить из виду, может сбить с пути тех, кто берется за ее изучение. Как уже говорилось, гибридность - явление, которое должно быть проверено и определено природой участвующих в нем существ, и поскольку она должна полностью отличаться у человека существ от той, что проявляется у животных, и жизнь ограничена четырьмя поколениями в случае мулатов, в то время как мул ограничивается одним поколением, также необходимо принимать во внимание простое качество или способность потомства. Мул отличается своей выносливостью, а мулаты - хрупкостью и неспособностью переносить трудности. Северный климат губителен для негра, но тот же климат еще более губителен для гибрида, поскольку его сходство с европеоидом, а значит, и способность к северному климату, более чем уравнивается его конституциональными склонностями к хрупкости и распаду. Так, из десяти тысяч свободных негров в Массачусетсе, которых "свобода" и климат вместе взятые,

если бы не внешние факторы, должны были окончательно истребить, последний человек среди них был бы типичным негром или, во всяком случае, приближался бы к типичному стандарту.

Но именно в женских гибридах эта тенденция к распаду, или этот порок конституционного формирования, наиболее очевиден. Многие из них не способны вскармливать и заботиться о потомстве, и, наряду с выкидышами и многочисленными формами заболеваний, связанных с материнством, часто обнаруживается, что у них было большое количество детей, ни один из которых не достиг зрелости. Поэтому, принимая во внимание стерильность мулатов, мы должны учитывать пороки их формирования, а также их ограниченную мужественность, и то, что природа завершает свои процессы, будь то рост или упадок, через множество различных форм; и хотя мулатство так же абсолютно ограничено четырьмя поколениями, как мулы - одним поколением, первый результат обусловлен конституционной хрупкостью и ограниченной продолжительностью жизни, возможно, в той же степени, что и несовершенной репродуктивной способностью.

Таким образом, видно, что Причард и европейские этнологи совершили радикальную ошибку в этом вопросе, и те самые доказательства, на которые они опирались для утверждения своей теории одной расы, или что белые и негры принадлежат к одному виду, на самом деле доказывают прямо противоположный факт, что они принадлежат к разным видам. Феномен гибридности не только отличается у людей от того, что свойственно животным, но и различается в разных расах первых. Исследования автора по этому вопросу были ограничены белой и негритянской расами или видами, но доказательства, представленные его наблюдению во время войны с Мексикой, были достаточно достоверными, чтобы обосновать вывод о том, что гибриды обладают большей жизнестойкостью, если речь идет о потомстве белых и аборигенов, чем в случае белых и негров. Первые ближе к нашей собственной расе, и вполне разумно предположить, что в точной пропорции к этому факту или к этой отправной точке гибридное потомство наделено жизненной силой; и то же самое правило можно с равной уверенностью применить ко всем другим видам людей.

Половой инстинкт, или инстинкт размножения, является универсальным в животном мире. Именно он умножает себе подобных, заселяет землю и наполняет мир бесчисленными племенами существ и бесконечной чередой поколений, каждое из которых проявляет те же качества и подчиняется тем же законам, что и исходные типы, без малейших изменений, хотя между ними проходит бесчисленное множество поколений. Что касается человеческих существ, наделенных разумом и нравственными чувствами, то, очевидно, Всемогущим Творцом всего сущего было задумано, чтобы инстинкт размножения был подчинен этим высшим качествам. Тем не менее, инстинкт в отношении половых функций поразительно проявляется у низших рас человечества.

Когда белые мужчины - путешественники и исследователи - внезапно появляются в африканских деревнях, где их никогда раньше не видели, самки убегают и прячутся от их взглядов; а среди множества белых пленников, захваченных аборигенами этого континента, вероятно, никогда не было случая нарушения их личности дикарями-захватчиками. Что касается так называемого восстания негров в Хайти или Сан-Доминго, где, несмотря на то, что все белые, мужчины, женщины и дети на руках своих кормилиц были безжалостно зарезаны охваченными ужасом неграми, нет ни одного достоверного случая посягательства на белых женщин.

Восстание негров - то есть восстание негров против власти белого человека, чтобы получить свободу последнего - просто нелепость: Но если какой-нибудь белый злоумышленник, как это было недавно в Харперс-Ферри, обманом заставит "рабов" расправиться с семьями своих хозяев, то можно не опасаться, что эта отвратительная и чудовищная идея, столь часто встречающаяся в книгах об отмене рабства, - посягательство на личности белых женщин. Правда, гибриды и дворняги могут совершать такие чудовищные преступления, но негр - типичный, чистокровный негр, движимый своими страхами и ужасом перед расой хозяев, будет стремиться только к ее уничтожению, никогда не потворствуя таким противоестественным склонностям.

Инстинкт размножения у животных управляется неизменными законами; но, как уже говорилось, он был задуман общим Творцом, чтобы управляться разумом и подчиняться моральным привязанностям в высшей человеческой природе; тем не менее невежество и развращенность нашей общественной жизни извратили эти замыслы и покрыли общество пятнами и язвами, которые ужасно созерцать. В одном только этом городе, как говорят, насчитывается десять тысяч проституток - потерянных существ, настолько потерянных, что природа отказывает им в потомстве, в возможности воспроизвести себя, создать звено или занять место в могущественных процессиях своего рода, которые стоят отдельно и прокляты, мертвые, хотя и живые. И тем не менее каждый из этих погибших был создан со способностью любить, привязываться, получать и дарить безграничное и безмерное счастье. Бог создал их чистыми и прекрасными, а человек превратил их в существа столь мерзкие, что само их существование не должно быть признано чистыми и добродетельными! Бог создал их чуть ниже ангелов, а человек превратил их в нечто едва ли лучшее, чем дьяволы!

Какое ужасное извращение инстинкта размножения - этого великого жизненного и фундаментального закона, которому животные подчиняются без всякого нарушения, но который мы, с нашей возвышенной природой и Богом данными силами, превратили в такие отвратительные формы и привели к таким тошнотворным и болезненным результатам! Полы равны по количеству, и поэтому природа задумала, чтобы все мужчины женились - чтобы один мужчина соединялся с одной женщиной - чтобы их всегда влекли друг к другу привязанности, и в их любви и дружбе, в их заботе о потомстве, о доме и его сладких удовольствиях она предлагает им вознаграждения самые чистые, самые возвышенные, а также самые разумные, какие только способно испытывать наше существо. И все же каждый день и повсюду перед нами предстает печальное зрелище: то, что, по замыслу Бога, должно быть источником нашего величайшего счастья, превращается в самое отвратительное и самое ужасное из социальных несчастий! Каковы причины или главные причины (а их, несомненно, много) этой отвратительной язвы в самом сердце современного общества, нет нужды спрашивать. Фактической или непосредственной причиной является извращение сексуальных законов - нарушение инстинктов размножения, совершенно неизвестных среди животных и сравнительно неизвестных среди низших рас человечества. Именно гордый кавказец - крупномозглый и славно одаренный кавказец - чаще всего совершает это ужасное преступление против высшего закона и тем самым ужасно грешит против Бога и своей собственной природы. Такая вещь, как *проституция*, неизвестна среди негров, среди аборигенов этого континента, и едва заметна среди монголов или китайцев. Правда, среди монголов и других низших рас есть большие пороки, шокирующие непристойности и звериные обычаи, но проституция - повальная продажа тел и осквернение душ женщин за деньги, открыто практикуемая во всех великих центрах христианства, - свойственна только кавказцам - той возвышенной и высоко одаренной расе, которую Бог так одарил и поставил во главе всех других рас человечества.

Мулатство для Юга - то же, что проституция для Севера, то есть те развращенные люди, которые предаются нечестивому извращению половых инстинктов, прибегают к услугам дворняжек или "цветных женщин" вместо домов дурной славы, как в первом случае. Такая вещь, как любовь, или естественная привязанность, никогда не привлекала и не может привлекать людей разных рас, и поэтому все сожителства белых мужчин и негритянок ненормальны - это извращение инстинктов размножения. Этот "первородный грех", как его вполне можно назвать, с неизбежностью влечет за собой определенные последствия, и заявление Священного писания о том, что дети наказываются в третьем и четвертом поколении за грехи своих отцов, буквально верно в физиологическом смысле. Точные законы, управляющие порождением мулатства, уже были изложены, и нет необходимости повторять их в этом месте, но не лишним будет вспомнить, что потомство постоянно уменьшается при скрещивании гибридов с гибридами того же происхождения, пока, достигнув четвертого поколения, оно не теряет всю генеративную способность так же абсолютно, как мул. При таком радикальном и фундаментальном пороке организации легко понять, что дворняжки никогда не смогут стать важным или опасным элементом населения. Мистер Клей однажды высказал мнение, что смешанная кровь на Юге быстро увеличивается, и поэтому, вероятно, наступит время, когда негритянская кровь будет поглощена белыми, а негритянская жизнь полностью исчезнет. Невежественные писатели, пишущие об отмене рабства, очень много говорят об этом мнении мистера Клея, но каково бы ни было общее интеллектуальное превосходство этого выдающегося джентльмена, любой здравомыслящий человек должен понимать, что его незнание законов организации делает его мнение по этому вопросу не имеющим никакой ценности. Двести или сто лет назад соотношение полов среди белых людей, несомненно, было менее равным, чем сейчас, и поэтому ненормальные сожителства белых мужчин с негритянками случались чаще, чем в настоящее время. Но после определенного количества или численности смешанной крови эти сожителства приняли бы такое направление, и, как и сейчас, ограничивались бы в основном гибридными и "цветными" женщинами. А учитывая хрупкость, бесплодие и почти универсальную склонность к болезням и дезорганизации этого смешанного и беспородного элемента, с первого взгляда видно, насколько невозможно, чтобы он когда-либо был в достаточном количестве, чтобы угрожать безопасности или даже нарушать покой южного общества. В пропорции к нормальному населению или к чистой крови он, несомненно, меньше, чем был пятьдесят лет назад, и может даже стать меньше в будущем, но совершенно невозможно, чтобы он когда-либо существовал в большей пропорции, чем сейчас.

Это порочное общение с беспородными женщинами на Юге, конечно, не имеет никакого сходства или отношения к слиянию; но его по невежеству или умышленно путают с этим писатели, пишущие об отмене смертной казни. Амальгамация - это взаимный союз полов, как, например, между норманнами и англосаксами в Англии, который постоянно происходит между коренными жителями этой страны и теми, кто переселился сюда из Европы, и как это происходило в Мексике и других испанских провинциях, где испанские завоеватели, которые привезли с собой мало испанок, искали жен среди туземцев или индейских рас. Белая кровь Юга, как и Севера, чиста и незапятнанна, и белой женщине, настолько опустившейся и деградировавшей, чтобы спариться с негром, не позволили бы даже жить среди негров в южной общине. На Севере иногда случаются чудовищные непристойности такого рода, но обычно это англичане или другие лица иностранного происхождения, и если только не было какой-то моральной или физической причины - какой-то болезни тела или ума, которая сделала ее неспособной к самоориентации, - вряд ли можно предположить, что женщина американского происхождения когда-либо совершала такое непристойное надругательство над своей женственностью и грех против Бога, как спаривание с негром. На Юге, как уже говорилось, такое совершенно невозможно, поскольку женщину не только

изгнали бы из общества ее собственной расы, как на Севере, но ей не разрешили бы (если бы знали) жить даже среди негров! Амальгамация никогда не произойдет на Юге и вряд ли нуждается в объяснении в этом месте; но поскольку она фактически происходит сейчас на Ямайке и других островах, а также, в некоторой степени, на Кубе, и, кроме того, такой чудовищный социальный катаклизм неизбежно связан с теорией или идеей отмены "рабства", достаточно хорошо, пожалуй, дать ей объяснение.

В нашей стране около четырех миллионов негров, и если, для наглядности, предположить, что теория антирабовладельческого движения будет в конце концов доведена до практики, то должны произойти или произойдут следующие результаты: - Четыре миллиона белых заключат брачные союзы с этими неграми - мужчины возьмут в жены негритянок, а женщины - негритянок в мужья, что приведет к появлению мулатов и исчезновению негров в следующем поколении. Третье поколение поглотит мулатов и закончится квадранцами; в четвертом поколении произойдет соответствующее уменьшение, и наступит время, когда каждый атом негритянской крови исчезнет так же полностью, как если бы на этом континенте никогда не было негров. Популярное представление, возможно, подобно представлению мистера Клея, что слияние рас поглотит негритянскую кровь, поскольку она является меньшим элементом, и она навсегда останется в жилах потомков. Но этого не может быть: она будет вымирать и со временем полностью исчезнет.

Если, например, сто ведущих и влиятельных аболиционистов того времени практически воплотят в жизнь свои доктрины, будут помещены на какой-нибудь остров в Тихом океане, каждый с негритянкой в качестве жены, и полностью исключены из любого общения с остальным человечеством, они и их потомство через некоторое время полностью исчезнут. Во втором поколении и белые, и негры вымерли бы - то, что рука Вечного создала, закрепила и предназначила для Его славы и счастья Его созданий, было бы запятнано, деформировано и превращено их собственным злом в мулатов, и не могло бы существовать дольше определенного периода, чем любое другое физическое вырождение, не более чем опухоли, рак или другие аномальные образования или физические болезни могут стать постоянными условиями. Четвертое поколение, как уже говорилось, с уменьшающейся и ослабевающей жизненной силой, передаст такие слабые проблески жизни, что их ближайшее потомство будет так же абсолютно ограничено в своих способностях к мужественности, как мулы, и вся масса болезней и разложения исчезнет с земли, которую Бог запретил ей больше осквернять своим грязным и отвратительным присутствием".^[2] Но если рассматривать тему в массовом порядке, или практический аболиционизм, как он будет осуществляться среди миллионов людей, если мы позволим себе, для наглядности, предположить такое чудовищное и потрясающее преступление против Бога и нашего собственного существа, как фактическое и практическое развитие теории, то, естественно, последуют совершенно другие результаты. Как уже говорилось, четыре миллиона представителей нашей белой расы были бы вовлечены в этот чудовищный водоворот слияния с представителями других рас, а остальные двадцать миллионов остались бы нетронутыми и незагрязненными физической деградацией, которая неизбежно должна последовать за таким чудовищным грехом, как практический аболиционизм. Но они не избежали бы моральной деградации, и нация, отягощенная мулатством, такой язвой на политическом теле, такой ужасающей массой болезней и смертей, несомненно, пала бы завоеванием перед какой-нибудь другой нацией или разновидностью главной расы и снова стала бы английской провинцией или зависимой территорией какой-нибудь другой европейской державы!

2. Роялизм, или наследственная аристократия, или класс, который пытается создать постоянное превосходство над основной массой народа путем кровосмесительных браков

со своими собственными членами, наказывается с теми же результатами, что и нарушение половых отношений между различными расами. Идиоты, импотенты и больные отпрыски наследственных королей всегда имеют определенное физиологическое сходство с бесплодными мулатами. И то и другое - нарушение нормального порядка, и оба ограничены определенным сроком существования, как и любые другие больные состояния, которым природа запрещает жить.

Народы наказываются в этой жизни, как бы ни обстояло дело с отдельными людьми, и грех столь огромный, преступление и нечестие против Бога столь ужасны, оскорбление собственной природы столь безгранично и бездонно, как практический аболиционизм, или фактическое воплощение теории аболиционизма, повлечет за собой, как неумолимую необходимость, соответствующее наказание.

История полна примеров этого неизбежного закона. На африканском континенте возникали, расцветали, приходили в упадок и умирали народы за народами; миллионы и миллионы белых христиан существовали только в долине Нила; триста христианских епископов собирались на съезд на месте древнего Карфагена, когда Лондон был неизвестен, а сам Рим был резиденцией языческих кесарей; И теперь, из пятисот миллионов кавказцев, которые, как известно, существовали на этом континенте с начала христианской эры, не осталось, вероятно, ни одного миллиона типичных белых людей, которые могли бы рассказать о своем уничтожении или оплакать опустошение, навлеченное на них преступлениями и грехами их прародителей. Огромное преобладание белого элемента, несомненно, спасет нас от подобных последствий, если мы когда-нибудь совершим такое ужасное преступление, как то, которое подразумевает практическое применение теории аболиции; но, как уже было сказано, мы, скорее всего, падём завоеванием перед какой-нибудь европейской державой. Но если бы эта участь не постигла нас, если бы нас оставили бороться с грузом греха и болезней, навлеченных на нас нашими преступлениями против разума и предписаний Вечного, нация со временем избавилась бы от мулатства и, наконец, оправилась бы от грязного и ужасного загрязнения, вызванного смешением с кровью негров. Двадцать миллионов чистой и незапятнанной крови так быстро преобладали бы над больной частью, что в конце концов каждый след, атом, капля или глобула последней были бы полностью уничтожены, и хотя время, в течение которого этот процесс завершится, или белая раса восстановит свое здоровое и естественное состояние, не может быть определено с уверенностью, таков должен быть конечный результат. Этот же процесс, хотя стороны прямо противоположны, сейчас активно происходит в Мексике и во всех испано-американских штатах. Испанские завоеватели привезли с собой мало соотечественниц, поэтому искали жен среди туземцев или аборигенов, и слияние стало всеобщим во всех испанских провинциях, результатом чего стало возникновение обширной и широко распространенной дворняжки. Испанское господство, обычно воплощенное в чистой крови, не из предубеждения против смешанного элемента, а из ревности к уроженцам, сохраняло порядок и всеобщее процветание. Но свержение этого господства привело к власти беспородный элемент, ибо, хотя Итурбиде, Санта-Анна, Браво, Бустаменте, Паредес, все или почти все вожди Независимости были чистых кастильских кровей, именно беспородный элемент сверг испанскую власть и установил республику. Испанцы постоянно мигрировали в американские владения испанской короны, но после свержения испанского владычества приток белой крови был прерван, и вместо порождения дворняжек с этого момента начался процесс репарации, который может закончиться только отсеиванием смешанной крови и восстановлением аборигенной расы до ее естественного и здорового состояния, каким она была до испанского завоевания и примеси белого элемента. Этот смешанный или беспородный элемент еще встречается в городах, но его численность быстро сокращается.

На момент провозглашения независимости в Мексике проживало двести тысяч человек. Сейчас в ней проживает немногим более ста тысяч человек. Пуэбла, Пероте, Халапа, все города Мексики сокращаются в такой же пропорции, в то время как сельское население - чистый, незапятнанный, аборигенный элемент - хотя и поставленный в крайне неблагоприятные условия, держится на плаву, и если бы его направляли и заботились о нем, как это было сто лет назад, то его численность, несомненно, быстро бы увеличилась. Не только хрупкость, слабость, порочная организация и несовершенная жизнеспособность мулатства или беспородного элемента стремительно сокращают население мексиканских городов. *Мораль* дворняг схожа с физическим уродством, а пороки ума столь же яркие и постоянны, как и недостатки тела. Существо с половиной природы и потребностей белого человека, объединенное в одном существовании с индейцами, сталкивается с другим, возможно, на три четверти белым, в то время как по другую сторону от него находится тот, кто на три четверти имеет индейскую кровь, и население, состоящее из такого материала, обязательно и вечно находится в состоянии войны с самим собой. Поэтому во всех революциях Мексики нет ни замысла, ни общей цели, которая объединяла бы людей, ни смысла, ни разума, ни общего порыва, кроме как разрушить, опрокинуть, захватить власть сегодня без всякой цели на завтра. И это продолжается, и должно продолжаться до тех пор, пока природа не исправит нанесенные ей оскорбления, пока не вымрет дворняжка и не восстановится в первоизданном виде аборигенный или индейский элемент, пока не исчезнет каждый атом белой крови и индейская раса не станет такой, какой она была во времена испанского завоевания.

Эта тема открывает перед нами вопросы огромной важности и, возможно, как считал мистер Кэлхун, большой опасности для нашего народа и будущего цивилизации; но если американские законодатели и государственные деятели поймут реальный характер этих огромных групп населения к югу от нас, известных как испано-американские республики, и применят к ним истинные принципы социальной и политической экономии, когда придет время разобраться с ними, то опасений по поводу результатов практически не будет. Между тем, решение этих проблем с каждым днем становится все проще и понятнее. Смешанная кровь быстро вымирает; должно наступить время, когда она полностью исчезнет, и тогда белый американец окажется лицом к лицу с коренным жителем, расой, которая, каким бы ни был наш опыт общения с ней на Севере, легко управляется, и, как уже говорилось, если ее понять, то практически не нужно опасаться опасности или трудностей, связанных с ней.

Тот же процесс происходит на Ямайке и других островах, хотя здесь речь идет о неграх, а не об индейцах. В Англии была выдвинута идея или предположение, что негры на этих островах - *такие же черные* белые люди, как и они сами, за исключением цвета кожи, и поэтому, естественно, имеют те же права; и возникла партия, которая в конце концов побудила британский парламент "отменить" существующие отношения между белыми и неграми и поставить их на один политический и правовой уровень. Белые люди протестовали против этой несправедливости и оскорбления разума и здравого смысла, но это было бесполезно. Их мольбы о пощаде были не услышаны - во всяком случае, проигнорированы, - и теперь беспомощные и возмущенные белые находятся в процессе полного уничтожения путем слияния.

Одинаковый политический и правовой *статус* ведет, конечно, к одинаковому социальному уровню, а он, в свою очередь, к общему смешению крови. Белая женщина даже в этих противоестественных обстоятельствах вряд ли осквернит свое женское достоинство, спарившись с негром, хотя общественные настроения заставляют ее объединяться с ними. Но эта женщина без колебаний выходит замуж за мужчину с одной восьмой или одной

четвертой долей негритянской крови, и женщина этого оттенка с готовностью спаривается с мулатом, а тот - с типичным негром. Таким образом, хотя естественный инстинкт не допускает такого преступления против природы и такого нечестия по отношению к Богу, как брак или спаривание чистых типов, внешняя сила юридических и политических систем заставляет все оттенки дворняжек двигаться в направлении преобладающего элемента; и должно наступить время, когда белая кровь, вымеряя негритянскую, вернется, конечно, к своему родному африканизму.

Внешнее присутствие иностранного правительства подталкивает несчастных белых жителей этих плодородных и прекрасных островов к этому чудовищному нарушению законов организации и определенному окончательному социальному разрушению; но власть правительства также сдерживает негритянский элемент от быстрого падения в его родной африканизм. На Хайти, где все внешнее или правительственное влияние устранено, негритянская природа уже сильно проявляет свою нормальную дикость, когда ее больше не сдерживает господствующая раса, и поклонение Оби или фетишизм, и даже родной африканский диалект, становятся обычными для многих районов этого острова. В общих чертах можно сказать, что точный момент исчезновения белой крови - это также момент полного восстановления африканизма, но внешнее присутствие британского правительства на островах и Колонизационного общества в Либерии будет препятствовать полному развитию этого естественного и необходимого в других отношениях закона. То, что белая кровь Ямайки должна быть поглощена или, скорее, должна вымереть, является необходимостью, следствием, судьбой, которая неизбежна - окончательный конец является лишь вопросом времени. Иностранное правительство, как уже было сказано, невзирая на протесты и мольбы о пощаде своего несчастного народа, насильственно изменило его отношения к подчиненной расе. Оно объявило негров юридически и политически равными белым; это неизбежно привело к социальному равенству, которое, в свою очередь, привело к бракам белых с квадронами, квадронов с мулатами, а мулатов с неграми; таким образом, процесс, начавшийся с акта британского парламента об отмене "рабства", закономерно и неизбежно закончился социальным омертвлением и окончательным исчезновением белого населения этого острова.

Все звенья цепи непрерывны, все серии событий зависят друг от друга, все этапы процесса естественно объединены; эмансипация, юридическое равенство, социальный уровень, смешение крови и окончательное вымирание - все это части одного и того же ужасного преступления против природы и против Бога, против законов организации и против постановлений Вечного. Поэтому *концом* всего этого должно стать восстановление чистого индейского типа на основной земле и негритянского - на островах; И, как уже было сказано, хотя время, необходимое для завершения этого репарационного процесса - а таковым он является с физиологической точки зрения - не может быть определено с уверенностью, оно не может быть очень отдаленным, и если бы белые люди стояли в стороне и позволили этому процессу идти своим чередом без вмешательства, вполне вероятно, что через сто, или, самое большее, через сто пятьдесят лет, к югу от наших границ не было бы найдено ни капли белой крови.

Мулатство - это аномалия, болезнь, результат, который приносит невыразимые страдания, а также вымирание, которое неизбежно; и, принимая во внимание эту судьбу, навлеченную на них иностранным правительством, кто может сомневаться, что полное уничтожение белого населения Ямайки было бы милосердным по сравнению с тем, к чему его принудила отмена "рабства" и равенства с неграми? Или кто-нибудь, достаточно осведомленный в этом вопросе, понимающий физические и моральные страдания, связанные или неразрывно

связанные со смешанной кровью, хоть на мгновение усомнится в том, что, с точки зрения гуманности, было бы гораздо гуманнее уничтожить всех негров в нашей среде, чем применять к ним теорию отмены рабства или обрекать их на юридическое равенство, на слияние, на мулатство, на дворняжку и на то окончательное неизбежное исчезновение, которое неизбежно наступает для незначительного элемента в этих обстоятельствах? Но помимо физических страданий, сопровождающих процесс вымирания на Ямайке, это было, или есть, или должно быть уничтожение кавказского интеллекта, цивилизации, всего того, что Бог даровал Своим созданиям, что является возвышенным и славным, и поэтому совершенное преступление, каким бы слепым или благим намерением оно ни было, должно остаться в будущих веках как самое ужасное и нечестивое, когда-либо известное в человеческих анналах.

Таков краткий обзор физиологических законов, управляющих мулатством и дворняжничеством - тем ненормальным или болезненным состоянием, которое возникает в результате смешения крови отдельных рас или видов людей. Его умственные и моральные черты столь же отчетливы и противоречивы, хотя и менее поддаются объяснению или классификации, чем в случае с чисто физическими качествами. Как правило, дворняга обладает интеллектуальными способностями в той мере, в какой он приближается к высшей расе. Это необходимая истина; умственные способности или интеллект, скрытый или действительный, точно пропорциональны размеру мозга, как у животных, так и у людей, так же безусловно и неизменно, как мышечная сила пропорциональна размеру и форме мышц; но этот принцип едва ли может служить руководством или тестом в отношении моральных качеств смешанной крови. Едва ли что-то или какая-то фаза общего предмета так ослепляла и вводила в заблуждение "антирабовладельческих" писателей, как эта тема мулатства; ведь они не только не знали о нем, но и ни на минуту не задумывались о существовании такой вещи, и постоянно предполагали в своих рассуждениях (?), что мулат - это негр, и поэтому представляли его, и даже квадрон, как доказательство умственных способностей этой расы. Один из таких людей попадал в Англию или на Север, получал образование, становился редактором, врачом, священником, иногда даже автором, возможно, в небольшом масштабе, но в любом случае публичным лектором, которого белые мужчины и женщины слушали с величайшей серьезностью и совершенно убеждались в умственном равенстве рас, поскольку здесь был негр, который говорил на том же языке, имел те же идеи и был столь же красноречив, как и средний белый человек. Даже аббат Грегуар страдал от этого абсурдного и всеобщего заблуждения и написал книгу с биографиями пятнадцати негров, чтобы доказать умственное равенство рас, причем ни один из них не был негром вообще! Некоторые мулы, несомненно, превосходят некоторых лошадей, но ни один мул никогда не был равен средней лошади; и, несомненно, некоторые мулаты превосходили некоторых белых людей, но ни один мулат никогда не достигал и не сможет достичь интеллектуального уровня кавказца. Какой бессмыслицей было бы указывать на любимого мула, чтобы показать, что ослы равны лошадям; однако эту или подобную бессмыслицу ежедневно практикуют те, кто полагается на дворняг и гибридов, чтобы доказать умственные способности негров! Действительно, квадруны и даже дворняги, имеющие лишь одну восьмую часть негритянской крови, как Робертс, президент Либерии, цитируются в качестве иллюстрации негритянского характера и принимаются как совершенно удовлетворительные слепыми последователями столь же слепых учителей аболиционизма. Тот факт, что такая вещь, как "образованный" мулат, вообще существует среди нас, пока у нас есть необразованные белые люди, является позором для нации, для наших институтов, для нашего социального развития; а в Англии он служит проверкой социальной несправедливости и порочности, которую страшно представить. Как уже было сказано, ни один мул никогда не был равен средней лошади, так и ни один мулат никогда не был создан равным

стандартному белому человеку; и все же в Англии восемь миллионов не умеют ни читать, ни писать и благодаря человеческим институтам оказываются ниже "образованного" мулата! Моральные качества смешанного элемента менее определены, но все наблюдения, а также история и статистика склоняются к одному и тому же общему выводу - большая порочность мулата по сравнению с любым из исходных типов или типичных рас. Эта важнейшая истина, общая для всех исключительных и аномальных условий, повсеместно проявляется среди "рабов" на Юге, "свободных" негров на Севере, метисов в Мексике или гибридов-мулатов в Хайти. Дворяне Мексики - так называемые леперо - это воры, ладроны, грабители и убийцы, не похожие на итальянских браво прежних времен, которые в какой-то степени искупали свои ужасные преступления рыцарской смелостью, дававшей их жертвам хоть какой-то шанс на жизнь, а тайные, скрытные и трусливые убийцы, которые никогда не нападают там, где есть хоть малейшая опасность для них самих. Они приседают, прячась в тени стены или дверного проема, закутанные в огромные плащи, за исключением руки, в которой зажат острый, узкий и обоюдоострый нож, который вонзается в спину незадачливой жертвы, а затем неизменно убегают, если только их не поддерживают мерзкие товарищи. В полевых условиях они никогда не сталкиваются с белыми людьми, за исключением тех случаев, когда их численность подавляет, и не дают квартала; но если они сами терпят поражение, их крик о пощаде настолько невыносим в своем унижительном вопле, что победитель склонен сразу же отправить их в отставку, чтобы избавиться от них. С уменьшенной жизненной силой и меньшим запасом прочности, чем у чистокровных, дворяне, хотя совершенно безразличны к жизни по отношению к другим, сама цепляется за нее и боится смерти с таким ужасом, который редко или никогда не наблюдался у первородных рас. Типичный негр, например, хотя и достаточно храбр, когда его ведет хозяин, в ужасе отшатывается от лица властного кавказца, когда его не поддерживают, а десяток-другой последних в открытом поле, без сомнения, погнала бы перед собой тысячу негров, как овец на заклание. Но негр, приговоренный к смерти, повешению, даже сожжению, редко проявляет какой-либо страх или опасения. Его несовершенная иннервация, вялый мозг и низкий уровень чувствительности не позволяют ему предвидеть те ужасные физические страдания, от которых в подобных обстоятельствах страдает продуманный и тонко организованный европеец. Так и индеец - "стойк леса - человек без слез", как его представляют поэт Кэмпбелл и другие, не знающие его природы, - существо, согласно их абсурдным фантазиям, созданное по римскому образцу, с самодовольным и философским безразличием к внешним вещам Сенеки, и спокойным презрением к физическим страданиям Катона, но который, все это время, в своей грубой организации, не имеет никаких представлений белого человека о физической боли, и поэтому поет свою предсмертную песню в полной бессознательности того, что для нас является крайним, или предполагаемым крайним, физическим страданием.

Эта органическая невосприимчивость низших рас к физической боли, которая делает их безразличными к приближению смерти, иногда равна, а возможно, и превосходит, в отношении внешнего выражения, доминирующие моральные силы в случае более высокоорганизованного кавказца. Ламартин утверждает, что любовница Людовика XV, печально известная герцогиня Дю Барри, была единственным человеком, отправленным на гильотину во времена террора, который просил о пощаде или с ужасом боялся приближения смерти. Не только мужчины, но и женщины, даже нежно воспитанные девушки, которые в обычных обстоятельствах упали бы в обморок, увидев смерть воробья, поднимались по ступеням гильотины без слез и дрожи в мышцах. Они умирали за идею, причем ложную, но верили, что она истинна и незыблема, как само небо, и возвышение разума над телом, доминирование моральных сил над законами физического бытия позволяло им встретить смерть без ропота и, если говорить о внешнем выражении, казаться такими же

равнодушными к физической боли, как индеец или негр, чья низшая организация не способна на такие страдания.

Но мулат или дворняга не обладает ни физической невосприимчивостью низшей, ни моральной силой высшей расы, а инстинктивное сознание своей слабой жизнеспособности делает его самым трусливым из человеческих существ. Генералы и вожди смешанной крови в Испанской Америке, как и в Хайти, отличались чудовищными пороками, вероломством, трусостью, чувственностью и свирепостью, а также особыми способностями, которые они могли проявить. Жестокое и деспотичное правительство Испании, желая подавить революционеров, неизменно доверяло кровавую работу вождям дворняг, которые столь же неизменно превышали свои полномочия и, получив приказ уничтожить город или деревню, зачастую истребляли все население.

Дворняги-генералы Хайти были еще более свирепыми и кровавыми, если не превзошли в вероломстве и трусости индейских дворняг континента. Риго, самый знатный из хайтинских вождей, был также самым отталкивающим в своих огромных и звериных пороках. Кристоф и Дессалин были неграми, и в этих неестественных обстоятельствах они просто проявляли негритянский инстинкт. Они безжалостно истребляли всех белых мужчин, женщин и детей острова, которых только могли найти, ибо когда негр поднимается против своего хозяина, он не завоевывает, а истребляет страшную расу; и беспомощный младенец или его испуганная и отчаявшаяся мать не трогают ни единой струны милосердия в душах этих неистовых и охваченных ужасом несчастных, когда их заставляют или предают сопротивлению своим хозяевам. Но вожаки дворняг, особенно Риго, были просто моральными чудовищами, чьи кровавые расправы чередовались со сценами звериного разврата и противоестественного дьявольского веселья, которые не могли возникнуть ни в простом животном мире негров, ни в самом чувственном, извращенном и фентезийном мире белых людей.

Но эта порочность дворняги постоянно демонстрируется перед нами как на Севере, так и на Юге. Девять десятых преступлений, совершаемых так называемыми неграми, - дело рук дворняг: женщины почти все так же развратны и похотливы, как мужчины - праздны, чувственны и бесчестны. Странное и отвратительное заблуждение, закрепившееся в умах многих северян, стремится придать романтический оттенок этим беспородным женщинам - "почти белым девушкам" - и в негритянских романах и на сцене представляет их как "жертв касты", часто обреченных на участь хуже смерти, чтобы удовлетворить "пороки белых". И болезненная сентиментальность, столь же неприличная, сколь и нелепая, потворствует некоторым "благочестивым дамам" в отношении этих "интересных" квадран и т. д., которые почти всегда по сути своей порочны, в то время как их собственные белые сестры, ежечасно выпадающие из рядов чистой женственности, остаются без внимания, а их ужасные страдания полностью игнорируются.

Наконец, нет нужды повторять, что дворняжка - это болезнь, наказание, которое природа налагает за нарушение ее законов, наказание, которое по неумолимой необходимости налагается на потомство тех, кто, полностью игнорируя ее предписания, инстинкт, естественную привязанность и разум, вступает в половые связи с представителями разных рас, но которое, как и все другие ненормальные состояния, ограничено определенными рамками и милосердно обречено на окончательное исчезновение.

ГЛАВА XIV.

РАБОТОРГОВЛЯ, ИЛИ ВВОЗ НЕГРОВ.

В предыдущих главах этой работы было показано, что человеческая семья, как и все другие формы бытия, состоит из определенного числа видов, имеющих общее сходство, но каждый из которых специфически отличается от другого, что кавказец и негр по воле Всемогущего Творца размещены на двух крайних ступенях человечества - первый является самой высшей, а второй - самой низшей из всех известных человеческих рас; что физическая структура или организация всегда и обязательно связана с соответствующими способностями или функциями, и поэтому были представлены более выдающиеся физические качества негра, чтобы проиллюстрировать его умственную и моральную природу. Также было показано, что всемогущий инстинкт (предрассудок), восстающий против смешения крови разных рас (более сильный даже у негров, чем у нашей собственной расы), проистекает из фундаментальной органической необходимости, побуждающей нас сохранять свою структурную целостность, и если его игнорировать и нарушать, он влечет за собой соответствующее наказание, а несчастное потомство, как и все другие аномальные состояния, ограничено определенным сроком существования; что то, что рука Вечного вылепила и создала, также вечно и не подвластно изменению или модификации, капризу, невежеству или нечестию Его созданий; и поэтому все отклонения от типичного стандарта - все формы и степени беспородной или смешанной крови - обречены на окончательное исчезновение. Итак, мы имеем четыре миллиона представителей совершенно иной расы, и хотя мы, представители нынешнего поколения, не несем ответственности за их присутствие среди нас и призваны рассматривать только сам факт, не касаясь его происхождения, тема представляет глубокий интерес, и каким бы актуальным или единодушным ни было мнение против первоначальной "работорговли", есть уверенность, что более глубокое знание и более широкое знакомство с фактами, охватываемыми этой темой, в конце концов приведет к полному изменению народного (американского) мнения. И какой американец не обрадуется такому результату, если, когда все факты будут известны и проверены разумом и совестью, а также велениями истинной гуманности, выяснится, что, какими бы порицаемыми ни были иногда используемые средства, "работорговля", первоначальный импорт африканских негров нашими предками, была правильной? Негр, как было показано, в силу особенностей своего организма - размера и формы мозга - вынужден быть дикарем, когда он изолирован и сам по себе, - праздным, не развивающимся и не производящим, и история, древняя и современная, словом, весь человеческий опыт, подтверждает этот физиологический и материальный *факт*. Африканские путешественники, изредка встречая обломки кавказского населения и остатки магометанской цивилизации, рассказывали причудливые истории о промышленности, бережливости и нравственности негров, а мечтатели на родине предавались еще более абсурдным фантазиям относительно будущего Африки. Но зачем ехать в Африку, чтобы теоретизировать о неграх, если они есть здесь и подвластны как нашим чувствам, так и нашему разуму? Зачем строить невозможные предположения, когда мозг негра можно увидеть в любой день в медицинском колледже, а его неспособность - его органическая и врожденная неспособность - быть кем-то другим или когда-либо проявлять что-то другое, кроме того, что весь человеческий опыт подтверждает и уверяет нас, должно быть, как это всегда было, судьбой этой расы, когда она была предоставлена самой себе? Говорить о цивилизации африканских негров - все равно что говорить о смене цвета кожи негра, ибо это влечет за собой те же нелепости, те же невозможности; и если бы те, кто предается этому, не были совершенно невежественны в этом вопросе, можно сказать, что это та же нечисть, ибо предположение, что они могут

изменить интеллектуальную природу, которую Бог дал негру, столь же грубо нечестиво, как если бы они взялись за его физическое воссоздание.

Таким образом, негр, изолированный в Африке, как уже говорилось, должен быть в будущем тем, кем он был в прошлом, и без сверхъестественного вмешательства навсегда остаться простым, не производящим и не развивающимся дикарем. Мог ли в этом быть замысел Всевышнего? Есть вещи, которые нам не дано знать, которые нечестиво и глупо пытаться узнать, которые Всемогуший в Своей бесконечной благосклонности и мудрости запрещает нам исследовать или, скорее, пытаться исследовать; но во всем, что необходимо для нашего счастья и для благополучия бесчисленных существ, которые нас окружают, мы можем узнать, косвенно, правда, но не менее определенно, замысел Всемогущего Творца.

Все вещи, очевидно, предназначены для использования - все бесчисленное множество живых существ для определенных целей; природа многих из них известна нам уже сейчас; каждый день пополняет наши знания, и, несомненно, придет время, когда природа и цели самых свирепых диких животных и самых ядовитых змей будут ясно поняты и применены по назначению. Таким образом, по явному замыслу Творца, негр должен быть полезен, должен трудиться, должен быть производителем, а поскольку его организм не допускает этого, если он предоставлен самому себе, очевидно, что он должен быть противопоставлен превосходящему его кавказцу. Столь же очевидно, что тропические широты, наделенные столь обильным плодородием, были предназначены для культивирования, для использования, для роста и производства тех местных продуктов, которые нигде, кроме, не встречаются в тропиках и тропикоидных областях Земли. Организация кавказца категорически запрещает физический труд под тропическим солнцем. Он может жить там, наслаждаться жизнью, долголетием, полным и здоровым расцветом всех своих способностей, без вялости или какого-либо груза для его энергии, который, как предполагают несведущие люди, следует за проживанием в этих климатических условиях, но он не может возделывать землю или выращивать продукты почвы своим собственным трудом. Организм негра, напротив, приспособлен к такому производству, и лучи вертикального солнца стимулируют и ускоряют его энергию, а не подавляют ее, как в случае с первым. В другом месте эта тема будет подробно рассмотрена, поэтому здесь достаточно будет просто констатировать факт, что только труд негра может вырастить местные продукты тропиков, и без этого труда великий тропический центр американского континента, следовательно, должен оставаться бесплодной пустошью.

Поэтому появление негров на испанских островах Вест-Индии вряд ли можно назвать случайностью. Слуги-негры были завезены в Испанию арабскими и мавританскими завоевателями. С незапамятных времен негры-"рабы" были любимыми домашними слугами восточных кавказцев - не только потому, что они были самыми послушными и покорными из людей, но и потому, что они были самыми верными и абсолютно неспособными предать своих хозяев, и едва ли какая-нибудь знатная мавританская семья въезжала в Испанию без сопровождения нескольких этих верных и любимых слуг. Недавние португальские открытия и завоевания на африканских берегах также привели на полуостров множество негров, и когда Колумб и испанцы начали свои поселения в Новом Свете, негров можно было найти почти в каждом городе Испании. Завоевание несчастных туземцев Испаньолы и Кубы и их раздел между испанскими авантюристами не смогли удовлетворить их яростное стремление к богатству, а от жестокости их хозяев, все еще таилось желание этих бедных существ вернуться к прежнему состоянию, или, Возможно, как утверждают испанские писатели, их первоначальная слабость, они быстро угасали в шахтах и на плантациях, и более энергичные работники стали абсолютной необходимостью, если мы хотим продолжать культивирование,

прогресс и цивилизацию на этих островах. Таким образом, именно материальная и производственная необходимость, а вовсе не надуманная гуманность Лас Касаса и его друзей по отношению к индейцам, привела негров на испанские острова. Некоторые из них сопровождали самых первых искателей приключений; их видели в безопасности, и они оставались совершенно здоровыми, когда сами испанцы были постоянно поражены яростным солнцем и смертельной малярией тропиков, а вместо вялого и унылого вида, который отличал туземцев, эти негры были самыми радостными и довольными из людей.

Поэтому интересы цивилизации и истинной гуманности соединились с гуманными желаниями Лас Касаса и его друзей в отношении туземцев, и вскоре негры стали единственной опорой плантаторов и других людей, которым испанские принцы выделили земли. Современные авторы - Хелпс, Прескотт и другие - находясь под влиянием общемировых заблуждений нашего времени в отношении негров, выражают удивление (по их мнению) странной непоследовательностью Лас Касаса, который, так усердно работая в интересах индейцев, совершенно бессознательно способствовал замене их неграми, и таким образом, как они полагают, заложил основу или проложил путь к порабощению одной расы, работая при этом за свободу другой. Но ни Лас Касас, ни кто-либо другой не имели никакого понятия о свободе или рабстве в связи с этими неграми. Такое понятие, как свободный негр, несомненно, было неизвестно ни в Испании, ни где-либо еще, а если и было известно, то только потому, что он потерял или отстал от своего хозяина. История, правда, не проливает много света на этот вопрос, но можно с уверенностью сказать, что ни Лас Касас, ни кто-либо из его современников не имели никакого представления о свободе негров и не связывали с этой расой никаких других условий или социального статуса, кроме того, который современные писатели повсеместно обозначают как рабство негров.

Он также не боролся за свободу индейцев, как это понимается сейчас. Многие, возможно, большинство тех, кто защищал туземцев от притеснений испанцев, были движимы исключительно религиозным рвением. Эти бедные "язычники", считали они, имели право не на свободу, не на политические или социальные права, а на права религии, на участие в Святых Таинствах, на привилегии, которые Церковь обещала всем, кто их примет, А поскольку свирепость испанцев постоянно мешала этому, они выслеживали их и убивали без пощады или быстро уничтожали каторжным трудом и непосильным бременем, когда те переставали сопротивляться захватчикам, священники, как правило, и многие другие, пытались защитить их.

Лас Касас, который, судя по всему, был великодушным и благородным человеком, посвятил себя делу туземцев на протяжении многих лет, а то и всей жизни, но ни разу и ни в каком виде он не добивался их свободы или предоставления им каких-либо социальных или политических прав. Другие священники трудились для обеспечения их духовного благополучия или того, что они считали таковым, в то время как Лас Касас, хотя и был глубоко религиозным человеком, стремился к их материальному сохранению и спасению от той ужасной участи полного исчезновения, которая уже тогда была под угрозой и которая в конце концов оказалась настолько полной, что на данный момент не осталось ни одного потомка этого народа, который мог бы рассказать о его гибели. Поэтому популярное представление о том, что Лас Касас был автором или инициатором "работорговли" и американского (негритянского) "рабства", чтобы "освободить" коренную расу, совершенно беспочвенно.

Как уже говорилось, это было вызвано производственной необходимостью, и хотя он согласился на это, несомненно, с гуманной верой в то, что это принесет пользу туземной расе, освободив ее от чрезмерного и смертельного бремени, наложенного испанцами, его

согласие или несогласие не могло иметь никакого влияния на этот вопрос. А поскольку он не трудился ради свободы туземцев - ни ради чего, кроме их простого материального сохранения, - то, конечно, не мог испытывать никаких сомнений или тревог по поводу негров в этом отношении, и когда он видел, как они сопротивляются и смертельной малярии климата, и жестокости своих хозяев, довольны и счастливы, он, несомненно, чувствовал, что это мудрый и благодетельный промысел Провидения приспособил их к своему состоянию и к осуществлению великих целей цивилизации и человеческого прогресса.

За поставками негритянской рабочей силы на Сан-Доминго, Кубу и другие острова последовал, однако, обширный импорт на основную землю, и в конце концов торговля, попав в руки голландцев и англичан, стала всемирной, и негров стали вывозить во все уголки Нового Света, где находились покупатели или где торговцы могли распоряжаться своим человеческим грузом. И вот тут-то и начинается нехорошая сторона дела - жестокость, несправедливость, бесчинства и бесчеловечность, которые вместе с ложными теориями, нездоровой филантропией и определенной долей лживости сделали термин "работорговля" синонимом всего дьявольского и дьявольского, что только может представить воображение. Тогдашнее испанское правительство ограничивало ввоз негров, предусматривало равное количество женщин и поощряло ввоз детей; и хотя нет оснований полагать, что они когда-либо рассматривали негров как абстрактных людей, имеющих право на те права, которые предъявляются к ним в наше время, несомненно, что правительства Карла V и Филиппа II рассматривали их как людей и принимали все меры, необходимые для их доброго и гуманного обращения, как в отношении их доставки из Африки, так и в отношении их обращения на плантациях. Но когда физическая приспособленность негров стала столь очевидной на испанских островах, английские и голландские купцы начали ввозить их в таких количествах, а цены упали так низко, что стало не выгодно ввозить женщин и детей, и тогда началось то безымянное и невыразимое надругательство не только над человеческой, но и над животной природой, которое отличает эту торговлю с тех пор и, к позору всего христианства, отличает ее в настоящее время на соседнем острове Куба - разделение полов и нарушение прав на воспроизводство. Вместо простой поставки негритянского труда, необходимого для производства в тропиках и не нарушающего ни одного инстинкта, желания или необходимости негритянской природы, корабли теперь оснащались для спекуляций; грузы людей, как простых рабочих животных, получали в Африке и везли в любой порт, где был шанс найти рынок, не только в тропиках, но и по всей Северной Америке; британские провинции Новой Англии, а также Куба и Порто-Рико стали рынками для торговли человеческими существами. Этим объясняется большая смертность этих людей на островах. В общих чертах можно сказать, что негр будет работать не больше, чем должен; то есть природа так его приспособила, что его нельзя заставить в этом отношении; но когда их можно было купить так дешево, хозяин не был заинтересован в их здоровье, и вместе с очень небольшим приростом туземцев смертность значительно преобладала. Новая Англия, а также Средние Штаты были полностью обеспечены этими дешевыми неграми, но они никогда не были прибыльными, и законы промышленной адаптации неуклонно несли их потомков на юг.

Работорговля", после первых пятидесяти лет ее начала, вплоть до Американской революции, можно сказать, находилась в руках англичан, в основном, купцов из Бристоля и Ливерпуля. Эти торговцы, как уже говорилось, превратили его в предмет торговли, занимаясь им так же, как и другими товарами, и многие из крупнейших состояний в Англии, как полагают, были заложены именно в этой торговле. В той мере, в какой колонисты принимали в нем участие, они в какой-то степени приближались к самым ранним испанцам, и хотя ввозилось больше мужчин, чем женщин, ужасная практика островов, запрещавшая этим людям исполнять

повеление Всевышнего и размножать свой род, не преобладала в значительной степени. Природа всегда восстанавливается после нарушения ее законов, и хотя никакие законы и человеческие средства не пытались исправить диспропорции полов, сейчас они, вероятно, равны, хотя из импортированных прародителей наших негров, вероятно, две трети, по крайней мере, были мужчинами, и хотя даже большая часть, чем эта, была ввезена в северные порты, сейчас в северных штатах их едва ли четверть миллиона, в то время как потомки тех, кто был ввезен на Север, увеличились до четырех миллионов на Юге! Какой урок преподносят эти факты слепым и одурманенным "друзьям свободы" в Канзасе и столь же слепым верующим в ордонанс 1787 года. Негр, по более высокому закону, чем человеческие постановления, идет туда, где он нужен, и нигде больше не *задерживается*. Широкий и либеральный обзор всей земли - природы негра, его полной бесполезности в изоляции или отделении от белого человека - его органической адаптации к тропическому производству - удивительной плодородности тропических почв - огромной важности их специфических продуктов для цивилизации и человеческого благополучия - демонстрирует, вне всякого сомнения, правоту и справедливость первоначальной "работоторговли", или первоначального импорта африканских негров в Америку. Злоупотребления, которые в конечном итоге сопутствовали этому, затмили саму вещь в народной оценке, но, несмотря на все эти и другие недостатки, несомненно, что ввоз этих негров привел к значительному преобладанию добра для нашей расы, а четыре миллиона христианизированных и просвещенных негров в нашей среде, по сравнению с любым аналогичным количеством представителей их расы в Африке, находятся в таком неизмеримо счастливом и желанном состоянии, что мы не можем найти терминов, которые могли бы достаточно полно выразить это.

Страшные рассказы о жестоком обращении с ними при перевозке из Африки можно опровергнуть одним замечанием, что торговцы были заинтересованы в том, чтобы максимально заботиться о них, а если этого недостаточно, то простым, но достоверным фактом: средняя смертность, когда торговля была законной, составляла всего одиннадцать процентов, а незаконная торговля, усилия по ее пресечению, ложная филантропия и ошибочное вмешательство подняли смертность до сорока процентов!

В "работоторговле", насколько мы можем судить, было всего две ошибки, ошибки, бесчеловечность, надругательство над природой, как бы мы их ни называли: во-первых, ввоз в основном мужчин и, как следствие, нарушение законов воспроизводства - фундаментального и универсального повеления Всевышнего умножать род свой и пополнять землю; и, во-вторых, ввоз их в северные широты, не приспособленные к физической и промышленной природе негров. Но, как уже было сказано, природа рано или поздно восстанавливается после любого нарушения ее законов, и пока мы, в своем невежестве и глупости, спорили о наших мелких теориях на эту тему, ее компенсационные процессы тихо и неуклонно продолжались и исправляли наши ошибки, и, таким образом, оба реальных зла, связанных с "работоторговлей", теперь в значительной степени *исправлены*.

Тем не менее, для нашей интеллигенции порочит репутацию то, что свод законов страны обезображен нашими законами и законодательством по этому вопросу. Англия ведет войну против природных различий и естественных отношений между расами с тех пор, как мы сбросили ее владычество и установили новую систему правления, основанную на неизменных и постоянных законах природы. Сохранение ее собственной системы - господства классов и искусственных различий между людьми одной расы - побуждает ее слепым инстинктом, возможно, не меньше, чем разум, проводить эту политику, и поэтому под предлогом борьбы с "работоторговлей" она постоянно старается стереть расовые различия и принудить или развратить белых людей Америки к принадлежности и равенству с

неграми. Война с "работорговлей" была лишь средством для достижения ее целей - уравнивания рас в Новом Свете, и в Канаде, Вест-Индии, во всех ее американских владениях она преуспела. Негры, белые, индейцы и дворняги - все они одинаково *подвластны* ей, а различия в обществе, как в Европе, полностью искусственны, в то время как расовые, природные, установленные рукой Вечного, нечестиво игнорируются. И мы были ее орудиями, ее жалкими дурами и сами работали на свою деградацию, чтобы достичь ее целей и стереть расовые различия". Вопрос о ввозе большего количества негров - оставить открытой или запретить "работорговлю" - был и остается вопросом целесообразности, который наше правительство должно решать самостоятельно, не считаясь с мнением или политикой других народов. Но слепо следовать за Англией в ее гнусных и нечестивых попытках разрушить расовые различия, объявлять поведение наших собственных предков позорным и достойным смерти, потому что этого требует английское мнение и монархические влияния и требования, - это позор для мужественности нашего народа и интеллекта наших государственных деятелей, который не должен больше позорить наше правительство; и можно надеяться, что не за горами то время, когда это позорное законодательство будет вычеркнуто из нашей книги законов.

ГЛАВА XV. ЕСТЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ НЕГРА.

В настоящее время в Соединенных Штатах насчитывается от четырех до пяти миллионов негров. Они или их потомки должны навсегда остаться - к добру или злу - элементом нашего населения. Каковы их естественные отношения с белыми? Каково их нормальное состояние?

Всевышний, очевидно, создал все свои творения - как животных, так и людей - для мудрых, благодетельных и полезных целей. В нашем невежестве относительно животного мира мы одомашнили или использовали для полезных целей лишь очень небольшое число животных: лошадь, быка, осла, собаку и т. д.; но их мы практически понимаем, так что даже самые невежественные люди не будут злоупотреблять ими или нарушать их инстинкты. Самый невежественный фермер или рабочий никогда не попытается заставить собаку выполнять домашнюю *роль* кошки, вола - лошади, овцу - осла и т. д. Он знает природу этих животных, их отношения к себе и друг к другу, и управляет ими соответственно.

Естественные отношения родителей и потомства, братьев и сестер, мужей и жен также в значительной степени понятны самым невежественным, ибо природный инстинкт в равной степени, как и разум, руководит нами в этих вещах. Отец знает, что ребенок должен его слушаться, и тот инстинктивно чувствует, что это послушание - священный долг. Тот же инстинкт побуждает брата любить свою сестру, и можно сказать, что все родственные отношения и обязанности, вытекающие из них, регулируются скорее инстинктом, чем разумом. На эту тему написано бесчисленное множество книг, чтобы научить обязанностям родителей и потомства, мужей и жен и т. д., но при должном развитии интеллекта и привязанностей восприятие обязанностей происходит интуитивно.

Если выйти за пределы этих домашних и семейных отношений - отношений отдельных людей, одного человека к другому, а также к государству или общему гражданству, - то они

менее понятны, ибо здесь природа должна руководствоваться разумом, и хотя существуют определенные великие и неизменные факты, которые служат ориентирами для нашего руководства, мы должны в основном полагаться на наш разум.

Правда, христианство указало на эти отношения две тысячи лет назад; тем не менее, в Старом Свете они почти полностью игнорируются; но хотя мы сами слишком часто неправильно понимаем и неправильно применяем их, они достаточно понятны, чтобы составлять основу нашего общественного устройства.

Еще один шаг вперед, и мы придем к отношениям рас - белых людей и негров, а также других рас, которые могут случайно оказаться рядом, и о которых весь мир может сказать, что он глубоко невежественен в теории, в то время как половина нашего народа справедливо и верно решила их на практике. Общественный строй Юга - социальный и правовой *статус* негра - основывается на естественных отношениях белой и черной рас, и, как уже было замечено, в то время как весь мир не знает об этих отношениях, народ Юга, можно сказать, американский народ, практически решил их, причем к взаимной выгоде всех заинтересованных сторон. Но прежде чем приступить к обсуждению естественных отношений и социальных адаптаций рас, мы должны четко понять отношения, которые мы имеем друг к другу как индивидуумы, а также к государству или совокупности индивидуумов.

Все особи одного вида, будь то животное или человек, конечно, обладают одинаковыми способностями, одинаковыми желаниями, словом, одинаковыми специальностями. Время от времени случай - какая-нибудь случайность, отдаленная или непосредственная - деформирует или портит отдельных людей; они могут быть идиотами, безумцами или иными неспособными, но это исключительные случаи, которые не нарушают великого, фиксированного и неизменного равенства, одинаковости или единообразия расы. Белая или европеоидная раса, как уже было замечено, различается гораздо больше, чем любая другая раса. Есть высокие люди и низкорослые, гиганты и пигмеи, блондины и брюнеты, рыжеволосые и черноволосые, но природа остается той же самой; и если бы все они были помещены в одинаковые условия климата, правительства, религии и т. д., все бы проявили те же самые моральные характеристики и, в определенной степени, те же самые физические проявления. Это достаточно наглядно демонстрируется каждый день. Почти повсеместно наши люди произошли от "низших классов" европейского общества. Грубая кожа, большие руки и ноги, широкие зубы, нос мопса и т. д. ирландских и немецких рабочих проходят через поколение или два, и их американское потомство имеет более тонкие и классические черты, чем даже самая благородная и привилегированная европейская аристократия. Обладая теми же способностями, теми же потребностями и т. д., они имеют одинаковые права и возможности реализовать природу, которой их наделил Бог, - это самоочевидная истина. Божественный Автор христианства провозгласил эту жизненно важную истину с большой впечатляющей силой. Он выбрал своих учеников из самых низких и угнетенных слоев народа и провозгласил свои самые страшные обличения в уши священной аристократии. Большая часть еврейского народа была всего лишь бременем для своих братьев - священнической олигархии, которая управляла государством и жила в праздной роскоши за счет труда, невежества, суеверий и страданий народа. Во всех случаях эти угнетатели обличались, а великая и вечная истина о том, что Бог не уважает людей, и все люди одинаково ценны в Его глазах - даже нищий Лазарь и раскаявшаяся Магдалина - была ежедневным учением Христа. И нет никаких сомнений в том, что гонения и окончательное распятие Автора христианской религии были направлены иудейскими правителями на то, чтобы уничтожить великую доктрину равенства и таким образом сохранить свое господство над умами и судьбами людей. Божественное предписание "поступай с другими так, как мы хотели бы, чтобы они

поступали с нами" - это полное изложение наших естественных отношений друг к другу и нерушимое правило природы, а также религиозное обязательство. Все люди - то есть все, кто принадлежит к одной расе или виду, - имеющие одинаковую природу и созданные Творцом для одних и тех же целей, обладают одинаковыми правами и обязанностями, - очевидно, что все человеческие правительства должны опираться на эту великую фундаментальную истину. Ни одному человеку не должно быть позволено, ни один человек не должен быть настолько низменным, чтобы требовать привилегий, которых лишены его собратья или какой-либо класс его собратьев, и тот же великий принцип, которым Христос предписал руководствоваться Своим последователям в их личных отношениях, должен быть единственным законным правилом в их политических отношениях. Поступать с другими так, как мы хотели бы, чтобы они поступали с нами, - признавать за всеми другими людьми те права, которые мы требуем для себя, - признавать те взаимные обязательства, которые, по правде говоря, вытекают из необходимости нашего существования, - словом, требовать равных прав для себя и признавать те же права со стороны наших товарищей, кажется настолько очевидным, настолько инстинктивным, настолько справедливым и действительно самоочевидным, что разумный и справедливый человек удивляется, как это может быть иначе, или что в наше просвещенное время системы управления могут существовать в полном противоречии с такими простыми и самоочевидными истинами. Правительство, государство, совокупное гражданство, основанное на великой фундаментальной истине равенства, становится простым, благотворным и легко понимаемым институтом. Оно оставляет всех людей там, где их поставил Бог и природа, в естественном отношении друг к другу. Его функции, какими бы сложными ни были детали, просто защитные, позволяющие людям подниматься или опускаться по социальной шкале в зависимости от того, как их промышленность, культура и моральные достоинства могут быть оценены их согражданами. Она защищает одного человека от насилия или несправедливости другого, а совокупность граждан или нацию - от иностранной агрессии.

3. Эти и некоторые другие факты, упомянутые в этой главе, были приведены в предыдущей, но их необходимо повторить в этой связи, чтобы полностью закрепить их в сознании читателя, а также для объяснения обсуждаемой здесь темы.

Привязанность матери к ребенку и мужа к жене, хотя и сильно отличается от той, что мы наблюдаем в нашей собственной расе, в изобилии достаточна для целей, задуманных природой, и с выполнением этих целей она ослабевает. Привязанность к хозяину, которая необходима для их благополучия на протяжении всей жизни, остается единственной устойчивой привязанностью негритянской природы, как, очевидно, и единственной постоянной потребностью негритянского существования. Законы и законодательство южных штатов в целом соответствуют этим фактам негритянской природы, поскольку, хотя те, кто принимал эти законы, не могли объяснить их даже самим себе, их повседневный опыт и практическое знание негров позволяют им принимать законы для удовлетворения потребностей и обеспечения благосостояния этих людей так же хорошо и справедливо, как и для себя. Вероятно, все или почти все штаты запрещают разлучать мать и ребенка, пока сохраняется материнский инстинкт или пока ее забота о потомстве необходима последнему; и даже если в законодательных актах некоторых штатов нет такого закона, в сердцах и инстинктах доминирующей расы и в форме общественных настроений заложено стремление предотвратить такое надругательство над природой, как насильственное разлучение матери и ребенка.

Несомненно, на Юге, как и везде, есть случаи, когда поступают несправедливо по отношению к подчиненным неграм, как и к нам самим, но при той же политической и

социальной системе, что и на Севере, и при гораздо большем политическом интеллекте и верности принципам этой системы, можно сделать вывод, что в отношении негритянского элемента в южном обществе царит тот же просвещенный дух справедливости и честного обращения. И если помнить, что социальная адаптация находится в гармонии с естественными отношениями рас, и не только не существует социальных конфликтов, но, напротив, хозяин в высшей степени заинтересован в том, чтобы относиться к своим неграм доброжелательно, то какими бы ни были временные исключения, общий результат должен быть в пользу счастья и благосостояния этих людей.

ГЛАВА XIX. БРАК.

Ничто, пожалуй, не вызывает такого отвращения у северян, как мысль о том, что брака не существует среди "рабов" Юга, и лекторы по аболиции отводят этому вопросу самое видное место в своем ужасном обвинительном акте против своих южных собратьев. Зрелище, или кажущееся зрелище, четырех миллионов человеческих существ, живущих без брака, без семьи, без детей, не имеющих ничего, кроме потомства, отгороженных, как вымирающие животные, от всех домашних забот и обреченных на жизнь во всеобщем сожигательстве, как это называлось, было для северного и европейского ума таким потрясающим оскорблением "человечности", что нам не приходится удивляться их яростному негодованию или дикому и беспощадному обличению авторов такого безграничного и беспрецедентного беззакония. Особенно были потрясены и возмущены женщины Севера, а женщины Новой Англии, прежде всего, были порой возбуждены до "божественной ярости" при созерцании этого могущественного "нечестия". Считается, что наши прекрасные соотечественницы одинаково добродетельны и милы, но *домашнее* воспитание жительниц Новой Англии в некоторых отношениях достойно восхищения больше, чем в других или любой другой стране. Их учат трудиться, быть самими себе хозяйками, рассматривать жизнь и жизненные обязанности как торжественную миссию, которую нужно честно и добросовестно выполнять, и хотя это придает новоанглийской женщине определенный материализм, граничащий, возможно, с черствостью, он связан с такой простой и прозрачной любовью к истине и таким искренним и неизменным чувством долга, что более суровые черты характера теряются в этих более мягких и возвышенных качествах. Поэтому их учат рассматривать нарушение семейных отношений как один из самых отвратительных и непростительных грехов. Для женщин, воспитанных таким образом, с крайним отвращением относящихся к любому нарушению супружеских обязательств, кажущееся всеобщее пренебрежение этими отношениями и обязанностями, заключенными в них, среди "рабов" Юга, вероятно, было самым запредельным злом, которое только мог представить себе разум, и "антирабовладельческие" заблуждения Севера, несомненно, в значительной степени усилились благодаря этой строгости или суровости женского воспитания. И если бы факты были такими, как они предполагают, то их негодование и отвращение были бы справедливы, но странно, что они никогда не сомневались и не сомневались в этих фактах. Многие из самых интеллигентных людей знали своих сестер с Юга, знали, что они такие же добродетельные, утонченные и женственные, как и они сами, и тем не менее каждый день своей жизни жили в тени этого великого зла и в окружении этого мнимого беззакония. Возможно ли такое? Может ли женщина сохранить свою чистоту, свою женскую нежность

или развиться в полную силу истинной женственности в таком окружении, в такой развращенной и разлагающей атмосфере, в таком социальном положении, когда четыре миллиона людей живут без брака, открыто и полностью пренебрегая фундаментальным принципом морали, а также общественным порядком? Нет, конечно, это невозможно, и, как уже отмечалось, странно, что женщины Севера не испытывали подобных опасений и не относились с недоверием к предполагаемым *фактам* "негритянского рабства" в этом отношении. Но прежде чем представить читателю реальные факты, необходимо четко понять, что такое сам брак. Его можно определить как обещание двух лиц разного пола прожить вместе всю жизнь, будучи преданными друг другу и обществу, поскольку присутствие свидетелей при заключении брачного контракта или церемонии бракосочетания имеет именно это значение, и никакое другое. У нас брак - это просто гражданский или юридический договор. Так же обстоит дело во Франции и, в некоторой степени, в Англии, но в других странах он сочетается с религиозными соображениями, а католическая церковь превращает его в таинство. Это и есть брак в обычном понимании, так как необходимость социального порядка заставляет нас принимать и рассматривать его. Тем не менее, инстинкты каждого человека подскажут ему, что в действительности брак состоит из гораздо большего, чем это описание. Мужчина и женщина могут поклясться друг другу и обществу - все юридические и обычные формы могут быть завершены, и все же мы знаем или можем знать, что настоящего брака не существует, поскольку эти стороны могут быть совершенно безразличны или даже испытывать друг к другу настоящую неприязнь. Обязанности или долг перед обществом могут быть выполнены, интересы семьи обеспечены, законные права самих сторон должным образом защищены, даже благополучие потомства надлежащим образом охраняется, тем не менее, если стороны не объединены привязанностью, тем таинственным сродством, которым их наделил сам Бог, и именно для этой цели, то истинного брака не существует, и, если рассматривать абстрактно, они так же полностью разделены, как если бы они стояли по разные стороны Атлантики, а не у алтаря, где совершается церемония. Поэтому очевидно, что истинный брак включает в себя гораздо больше, чем просто внешние церемонии или юридические формулировки, которые, однако, всеобщий интерес требует в качестве необходимого сопровождения. "Плодитесь и размножайтесь" - это как предписание природы, так и повеление святого писания. Все бесчисленные племена низших существ подчиняются этому повелению с регулярностью, порядком и полнотой, не допускающими исключений или перерывов. Всеми ими управляет инстинкт, мудрая необходимость, побуждающая их исполнять этот Божественный указ, причем способами, соответствующими их специфической природе. Птицы выбирают своих товарищей, верны им, разделяют вместе, в некоторых случаях, заботу и воспитание общего потомства, и все другие животные высшего порядка проявляют тенденцию к образованию этих временных союзов. Но помимо природного инстинкта, побуждающего нас, как и всех других существ, исполнять всеобщее повеление "размножаться и пополнять землю", Всемогущий Творец дал нам разум и наделил способностями к привязанности, которые призваны направлять нас в этом отношении. Юноша и девушка оказываются в обществе друг друга, между ними завязывается знакомство, близость, взаимная привязанность и ответная любовь. Они чувствуют себя единым целым, не просто гармоничным, но морально сплоченным, как бы единым существом, и взаимно обещают друг другу быть таковыми, пока оба живы. Их объединяют не обещания друг другу, не взаимные заявления о привязанности, а те прекрасные и таинственные сродства, которые Бог заложил в самой душе, а обещания и клятвы - лишь внешнее выражение их реального существования.

Поэтому иногда говорят, что браки заключаются на небесах, ибо существует вечное соответствие, полное единство или единение в этих неуловимых органах, которые, какими бы

ни были кажущиеся несоответствия характеров в некоторых случаях, навсегда соединяют эти человеческие души и личности. Увы, так часто случается, что гордыня и тщеславие, или низменная и греховная похоть навязываются простому и любящему сердцу женщины в качестве аналога ее собственной сияющей и прекрасной привязанности; и мужчина, виновный в этом страшном грехе, в этой "галантности", как развращенное и прогнившее общество Европы называет осквернение женской души, совершает преступление бесконечно более жестокое, чем убийство или простое уничтожение тела своей жертвы. К сожалению, случайность, несовершенно воспитание, обстоятельства, тысяча могут привести и приводят к тому, что обе стороны заблуждаются друг в друге или в самих себе и спешат вступить в брак, чтобы через несколько месяцев обнаружить, что они заблуждались и обманывались, и вместо того совершенного единства чувств, привязанности, души, в которое они верили, Вместо идеального единства чувств, привязанности, души, в которое они верили, возникли противоречия и отвращения, которые не в силах изменить ни мягкость нрава, ни сила разума, ни продолжительное время, и тогда они в угрюмом отчаянии погружаются в безнадежную апатию или, что еще хуже, шокируют и скандализуют общество безрассудным нарушением его законов, а также личных клятв, так свято данных у алтаря. Но когда инстинкты естественной привязанности направляются разумом и истинным восприятием желаний и природы друг друга, и существует то совершенное единство чувств и целей, которое вытекает из этого взаимного приспособления сторон, тогда существует брак в его истинном смысле, ибо тогда два относительно несовершенных существа объединяются в одно полное целое. И если бы мы могли предположить, что муж и жена живут только для себя и изолированы от всех связей с другими людьми, то больше ничего и не требовалось бы. Их объединяла привязанность, приспособление, верное восприятие нужд друг друга, таинственная близость, которую мы называем любовью, короче говоря, органическое и вечное соответствие, и их взаимных обязательств было бы вполне достаточно для них самих. Но мы не вправе предполагать такую вещь, как изоляция или отделение от других или от общества. Наше существование неизбежно сложно, а наши обязанности не только личные, но и относительные, и поэтому брак должен быть засвидетельствован, а обещания, данные обществу, а также данные друг другу, должны обеспечивать надлежащее выполнение соответствующих обязанностей. Современная доктрина, если ее можно так назвать, гласит, что люди, перепутавшие свои "родственные связи" и обнаружившие их только после брака, имеют право исправить свои ошибки и создать новый брачный союз, который, как они считают, необходим для их счастья. Но они полностью игнорируют свои отношения с другими людьми, свои обязанности перед обществом, свои взаимные обязательства по отношению к своим товарищам и попирают основополагающий принцип социального порядка; более того, само общество стало бы совершенно невозможным, если бы такой индивидуальный каприз и эгоизм возобладали в сколько-нибудь значительной степени. Все их так называемые аргументы против "института" брака, таким образом, просто абсурдны, поскольку, хотя их концепция существенной его части может быть достаточно правильной, но предположение, что стороны несут ответственность только друг перед другом и не призваны давать обещания обществу в форме гражданского договора или законного и нерасторжимого брака, основано на полном заблуждении или полном игнорировании их отношений с другими и обязанностей, неизбежно связанных с ними. Но хватит об этом. Брак - это естественные отношения, спонтанно возникающие из необходимости человеческого существования, и хотя он является гражданским договором, он имеет более глубокое и святое значение, чем просто внешняя церемония или обещание, которое таким образом дается как миру, так и друг другу.

Брак, конечно же, является естественным отношением как для негров, так и для нас самих, и если бы было правдой, что эти четыре миллиона людей живут без него, то порицания,

которые сыплются на жителей Юга, были бы, несомненно, заслуженными. Но одного мгновения размышлений должно быть достаточно, чтобы убедить любого человека, во всяком случае, любого американца, что при разной природе, разных способностях, разных потребностях и разных обязанностях этих людей должна существовать другая форма или модификация этих отношений. Негр - это по существу ребенок или неразвитый и неразвивающийся человек, с привязанностями, моральными потребностями и способностями, конечно, близкими к нашим, но все же настолько отличными, что его счастье, как и счастье белого человека, требует соответствующего развития. Привязанность полов очень похожа на привязанность наших школьников. Она внезапная, капризная, поверхностная, временная, иногда бурная, но редко бывает постоянной, или была бы редко постоянной, если бы не пример белых, чьи привычки в этих отношениях подражательные инстинкты негра побуждают его копировать. В их родной Африке, без влияния и примера высшей расы, многоженство является всеобщим, привязанность мужа в большинстве случаев является простым капризом, они продают своих жен и детей без угрызений совести, а мать, с тем универсальным материнским инстинктом, который присущ всем человеческим существам и животным высших классов, цепко держится за свое потомство, при этом совершенно готовая менять мужей или владельцев, каковыми они на самом деле и являются. Многие из "богатых людей" Африки являются таковыми лишь по количеству своих жен и детей, и они торгуют этим имуществом так же спокойно и регулярно, как если бы они были законными субъектами торговли. Тем не менее, естественный закон и естественная тенденция этого народа - к единому союзу, и, вероятно, у значительного большинства коренных африканцев только одна жена. Ни в одной расе нет естественной склонности к полигамии, поскольку при равном количестве полов естественный импульс направлен на создание единого союза. Но их слабые и капризные привязанности приводят к полигамии, а неспособность покупать или содержать жен является единственным ограничением для практики негров в этом отношении. Под влиянием учений и ограничений высшей расы на Юге негры, как мужчины, так и женщины, значительно возвысились в этом отношении, а также в других отношениях над своими африканскими привычками. Они вступают в сексуальные союзы или женятся, как белые. Стороны вступают в интимную связь, возникает симпатия, они просят и получают согласие своих хозяев, и их венчает белый священник или священник из их собственного народа. Таким образом, брак между "рабами", по крайней мере, внешне, является точной копией брака между белыми. Они спрашивают согласия своих хозяев, как белые люди спрашивают согласия своих родителей или опекунов, и их обвенчивают с теми же церемониями либо их собственный священник, либо, что очень часто случается, белый священнослужитель. Но здесь они расходятся. Негр не является и не может являться частью или фрагментом той могучей ткани, которую мы называем обществом. У него нет социальных интересов, нет собственности, которую можно было бы охранять или отчуждать, ибо, хотя он получает и наслаждается большей частью доходов от своего труда, чем любой простой рабочий в Европе, все вещи по закону принадлежат хозяину. У него нет семейных интересов, которые нужно обеспечивать, нет репутации или характера, которые нужно защищать, нет социальных обязанностей, которые нужно выполнять, или прав, которые нужно защищать; короче говоря, он никак не связан с тем огромным и сложным механизмом, который мы называем обществом. Поэтому брак, с нашей точки зрения - эта юридическая формула и социальный залог, столь необходимый для самого существования общественного порядка, - в случае с неграми очевидно абсурден и невозможен. Естественная близость, союз привязанности, идеальная адаптация, столь необходимые для истинного брака в нашей расе, в значительной степени имитируются и аналогичны таковым в случае негров на Юге, но пытаться заставить негра выйти за эти рамки - навязать ему социальные обязанности, которые возлагаются на белых людей; или, другими словами,

сделать брак юридическим договором в случае негров, было бы так же абсурдно, как заставить его голосовать на выборах или выполнять любые другие высокие социальные обязанности, которые, очевидно, невозможны. В том, что касается его собственных нужд, благополучия его потомства, всего, что связано с наилучшим благосостоянием и наивысшим счастьем, на которое способна его раса, он пользуется сейчас, и любая попытка заставить его жениться, как женятся белые люди, то есть сделать брак гражданским или юридическим договором, не просто невозможна, но была бы преступлением и чудовищным надругательством над природой, которую дал ему Бог. Всевышний наделил негра удивительными способностями к подражанию: конечно, он не может подражать всем нашим высшим качествам - он может лишь приблизиться к ним - но когда хозяин подает ему надлежащий пример, как в этом, так и в других отношениях, как это должны делать родители и опекуны в случае с детьми, они выполняют свои обязанности перед этими "рабами", и в целом негр сдерживается и управляется на основе этих примеров. Но слабые и капризные привязанности негров доставляют их хозяевам немало хлопот, и, пожалуй, самая большая неприятность, которую они испытывают с этими людьми, - это их неверность супружеским обязательствам. Невежественные лекторы-"антирабовладельцы" на Севере с ужасом рассказывают о жестоких хозяевах, которые разлучают жен и мужей и разбивают семьи; но хотя такое, несомненно, случалось, совершенно точно, что хозяева сотни раз вмешивались, чтобы удержать их вместе до одного случая обратного, или продавали их порознь. Такие вещи случаются время от времени, когда нужно уладить дела и разделить имущество; но инстинкты белых и счастье белых нарушаются ими больше, чем самими неграми. Ограниченные умственные способности, слабая нравственная природа, поверхностные и капризные привязанности негра заставляют его относиться к этим разлукам жен и мужей, родителей и детей с безразличием, или, скорее, мы должны сказать, что у него нет наших представлений или наших инстинктов в отношении этих семейных отношений, и поэтому, когда они происходят, он относительно или сравнительно не чувствует страданий. В своей родной Африке он без колебаний продает жену и детей, и все страдания, которые он испытывает сейчас, заимствованы или имитированы у белых - чувство, едва уловимое в его родном государстве, но в его лучшей и более высокой жизни на Юге оно, несомненно, возвышается до чего-то похожего на чувство семьи. Тем не менее он с готовностью приспособливается к любым изменениям, которые может принести ему жизнь, и там, где белый муж и, конечно, белая жена могут отчаяться и умереть, негр и негритянка, с новыми партнерами и другим браком, вполне счастливы, как если бы они никогда не расставались со своими прежними супругами.

Но все это - исключения, и мужья и жены, несомненно, гораздо реже разлучаются из-за этих случайностей общества, чем жены и мужья "низших сословий" в Англии под давлением нужды и необходимости самосохранения, которая так часто разлучает их. Однако настоящая беда, как уже говорилось, кроется в самом негре - в его слабых и капризных привязанностях, во многом схожих с детскими привязанностями белых, для сдерживания которых требуется постоянный контроль и влияние хозяина, чтобы сохранить их верность друг другу. Ограниченность умственных способностей и слабость нравственных представлений негра делают его неспособным в этом отношении к чему-то большему, чем выполнение всеобщего повеления "плодитесь и размножайтесь". Белые мужья и жены, когда один из них умирает в раннем возрасте, часто остаются неженатыми, навсегда сохраняя верность памяти; и еще чаще, возможно, привязанности, которые связывали их в юности, остаются яркими и незапятнанными в старости и до границ могилы. С неграми такого никогда не случалось. Ни одного из бесчисленных миллионов людей, живших на земле, не удержали от второго брака чувства или воспоминания. С их ограниченными моральными способностями такое абсолютно невозможно. Они живут друг с другом до глубокой старости, потому что

подражают высшей расе, и потому что это вошло в привычку, возможно, но великие цели природы достигнуты, нет ничего или почти ничего больше, или тех благословенных воспоминаний о радости и страданиях, о ранних надеждах и окаянных печалях, которые так связывают и объединяют белых мужа и жену, и часто делают их столь же необходимыми для счастья друг друга, как в пылу и бодрости молодости. Привязанность к хозяину, по сути, самая сильная, и можно сказать, что это единственная устойчивая привязанность негритянской натуры, поскольку она остается вечно актуальным чувством еще долго после того, как слабые и капризные "семейные чувства", или любовь к жене и потомству, полностью стираются из его памяти. Брак "южных рабов", кратко представленный таким образом, покажет, что он настолько реален, приличен, упорядочен и естественен, насколько это допускает природа негра, или, говоря относительно, насколько задумал или постановил сам Всемогущий Творец. Он наделил негра различными и значительно более низкими моральными потребностями и привязанностями, но в то же время дал ему способность к подражанию, которая позволяет ему копировать более высокую природу и более возвышенные привычки высшей расы. Поэтому они женятся так же, как белые люди, с теми же формами и церемониями, а такая вещь, как полигамия или то, что "Аболиционист" называет наложничеством, совершенно неизвестна среди этих людей. Они не являются частью общества, им нет места в общественном договоре, они не способны выполнять его обязанности, а значит, не имеют ни одного из его прав, поэтому законный брак, очевидно, абсурден и невозможен. Для невежественного автора "Аболициониста" может показаться совершенно очевидным, что брак должен быть гражданским договором как с неграми, так и с белыми людьми, поскольку его теория о том, что негр - это *черный* европеоид, нейтрализует все трудности в этом, как и в других вещах. Но даже они должны понимать, что если поставить их на один социальный уровень в этом жизненно важном отношении, то это обязательно повлечет за собой социальное равенство во всех остальных отношениях, а результат, если только их теория не обоснована, явно неестественный, чудовищный и злой. Негр, изолированный в своей родной Африке, в данный момент точно такой же, каким он был четыре тысячи лет назад, продающий своих жен и потомство с таким же полным пренебрежением к супружеским отношениям и бессознательным чувством семьи, как и во времена фараонов; И когда мы противопоставляем эти вещи - всеобщее многоженство, торговлю женами, капризы и дикость беззаконного мужа или хозяина - достойному и христианскому браку "южных рабов", подражающих высшей расе и в целом сдерживаемых ее примером, не можем ли мы сказать с полным почтением и правдой, что брак, как он существует сейчас среди этих людей на Юге, будучи всем, на что способна их природа, и всем, чего требуют их желания и их высшее счастье, также, и по необходимости, является всем, что Сам Бог постановил или задумал в отношении этой расы?

Нет другого сравнения или контраста, кроме африканского савагизма; ибо этот современный продукт всемирного заблуждения, "свобода" или свободный негритюд, как показано в других местах, является социальной аномалией, болезненным состоянием, которое неизбежно заканчивается вымиранием; и пока не будет доказано, что болезнь предпочтительнее здоровья, а сама смерть - большее благо, чем жизнь, никакие аргументы или доказательства, взятые из него, не будут законными или допустимыми.

ГЛАВА XX.

КЛИМАТИЧЕСКАЯ И ПРОМЫШЛЕННАЯ АДАПТАЦИЯ.

Поверхность Земли естественным образом разделена на зоны или центры существования. Эти великие центры творения имеют каждый свою *фауну* и *флору*, свою животную и растительную жизнь, свойственную только им. Географы используют эти термины и говорят об умеренном, фригидном, торридном и т. д. поясах как об обозначениях отдельных участков Земли, где климат сильно различается; но это очень мало значит по сравнению с реальными различиями, которые разделяют великие центры органической жизни. Все существа, все органические и живые существа имеют свои центры существования, свои места обитания, свои места в могущественной программе творения. Все они приспособлены к этим великим центрам жизни - их органическое строение, их способности и цели, которые они призваны выполнять, гармонируют с их местом обитания, с положением, отведенным им Всемогущим. Существуют близкие формы жизни, определенные роды среди животных и растений, о которых можно сказать, что они принадлежат к одному семейству или группе, но встречаются в разных зонах или центрах существования, но не бывает такого, чтобы один и тот же *вид* встречался более чем в одном центре творения. Поэтому все животные и растения Европы отличаются от животных и растений Америки, как все существа, обитающие в северных районах этого континента, отличаются от тропиков.

Каждое *конкретное* творение отличается от всех других конкретных существ и так же сильно различается по обстоятельствам, которые его окружают и к которым оно приспособлено, как и по своему органическому строению. Если речь идет, например, о животном, то оно имеет особое строение с особыми инстинктами, качествами и т.д., а внешние обстоятельства, климат, растительность - все это находится в полной гармонии. Этот закон можно назвать универсальным, поскольку немногие кажущиеся исключения едва ли заслуживают внимания. Есть несколько растений и злаков, подходящих для всех климатических условий. Картофель, американского происхождения, с одинаковым успехом выращивается в Европе, в то время как большинство наших обычных овощей - европейского происхождения. Пшеница растет с одинаковой пышностью в долине Нила, на столовых землях Мексики и на великом Северо-Западе. Но хотя все эти и многие другие растения могут успешно выращиваться в местностях, отличных от тех, где они были изначально созданы, внешние условия должны быть сохранены - та же или похожая почва и, в некоторой степени, тот же климат или то же тепло и влага необходимы для их выращивания. Это в целом справедливо и для животных. Все наши домашние животные приспособлены к разным климатическим условиям. Лошадь, собака, бык, овца и т. д. европейского происхождения, некоторые из них - азиатского, и они с одинаковой уверенностью живут и размножаются под яростным солнцем тропиков или под ледяными ветрами крайнего Севера. Однако они являются яркими исключениями из общего закона, который приспособливает всех существ к их собственным центрам существования, и, похоже, были созданы всемогущим и благодетельным Творцом для особой цели - приносить пользу человеку. Они сопровождали его во всех странствиях, особенно собака и лошадь, разделяли его удачу, помогали в сражениях и, пусть и в подчиненном положении, играли важную *роль* в цивилизации человечества. В этой способности сопротивляться внешним обстоятельствам они тесно связаны с самим человеком, то есть с кавказцем, или человеком-хозяином, который, если говорить о климате, способен жить и наслаждаться здоровым развитием всех своих способностей во всех климатических условиях, за исключением, пожалуй, полярных областей, или крайнего Севера. По общему закону, все существа, по мере того как они поднимаются по шкале бытия, становятся все менее и менее подверженными внешним воздействиям; но некоторые

из наших домашних животных, безусловно, являются исключениями, поскольку собака и лошадь, во всяком случае, способны жить там, где негр, а возможно, и монгол, наверняка вымерли бы. Те же самые общие законы климата влияют на человеческие расы, конечно, не точно так же, но приблизительно, как на животных, и с некоторым изменением, как на растения - то есть, у них есть все центры существования, к которым они *специально* приспособлены, за единственным исключением кавказца, как некоторые из наших домашних животных, и некоторые растительные существования являются исключениями. Белый человек, как уже говорилось, может существовать везде, где возможна жизнь любого рода, за исключением крайнего Севера, и даже здесь, как показали Кейн и другие исследователи в этих мрачных и бесплодных регионах, при соблюдении соответствующих мер предосторожности или определенных условий, жизнь возможна в течение определенных периодов. В промышленном отношении он, несомненно, предназначен для умеренных широт, но, что касается климата, он везде дома. Писатели, не знающие законов климата, да и вообще не знающие особенностей рас, предполагают, что в тропических широтах они становятся слабыми, немощными и имбецильными, и это представление, возможно, очень распространено среди интеллигентных людей. Население этих регионов составляют негры, индейцы или малайцы, часто смешанные с белой кровью, и предполагается, что эти неполноценные люди являются результатом климата и демонстрируют естественные последствия теплой и удушающей атмосферы! Белый человек под экватором, живущий, или, скорее, пытающийся жить, жизнью негра - трудиться под лучами вертикального солнца - быстро упадет и умрет, потому что его органическая структура не сможет противостоять внешним воздействиям, которые стремятся его разрушить. *Малярия*, возникающая в результате разложения растительности, которая поднимается в начале дня и опускается на землю в конце дня, вскоре отравила бы все источники жизни, и лихорадка закрыла бы сцену. Любая попытка трудиться в полдень еще быстрее приведет к летальному исходу, поскольку калории, образующиеся при нагрузках, без выделительной системы, способной их облегчить, приведут к смертельному застою в жизненно важных органах, особенно в мозге. Мы постоянно наблюдаем приближение к этому в наших западных штатах и территориях, где почти целое поколение добровольно жертвует собой в стремлении подготовить комфортные дома для своего потомства. Но после достижения определенного прогресса причины болезней утихают, а умеренный климат позволяет им трудиться в любое время.

Но в то время как белому человеку законы его физической природы навсегда запрещают трудиться или своими руками выращивать натуральные продукты тропиков, он может жить там и пользоваться всеми своими умственными и телесными способностями с той же уверенностью и успехом, что и в умеренных широтах. Возможно, в этих теплых и светлых краях соблазн потворства, сладострастия или удовлетворения животных appetitов и больше, но, конечно, не больше, чем в наше лето, по сравнению с зимой или другими менее привлекательными временами года. Напротив, необходимость соблюдения чистоты и меньшая потребность в стимуляторах, а также прохладные и вкусные фрукты тропиков способствуют деликатности вкусов и appetitов. Во всяком случае, несомненно, что самое грубое, жестокое и безнравственное население Европы проживает на крайнем севере, в то время как жители южной Европы - самые умеренные и самые деликатные в своих привычках из всех народов мира. Но климат оказывает незначительное влияние на эти аспекты, если вообще оказывает. Белый человек в одних и тех же условиях - одно и то же существо, и его грубость и безнравственность или деликатность, умеренность и нравственность - дело случая, в зависимости того, как он был воспитан, и какие обстоятельства, общественные и личные, сформировали его характер. Как хозяин, как проводник и защитник подчиненного негра, он может жить везде, где тот может, иначе негр был бы создан напрасно - пробел в

экономике вселенной, противоречие в замыслах Провидения и пятно на прекрасном облике творения. Вообще говоря, климат или другие внешние обстоятельства оказывают влияние на жизнь человека или животного в зависимости от их положения в шкале бытия, и поэтому, если европеоид может жить и наслаждаться полным развитием всех своих сил в тропиках, то негр и другие низшие расы абсолютно ограничены своими центрами существования. Монголы ограничены теми районами Азии, где они существуют в настоящее время, с тех пор, как они известны истории, ибо, хотя во время могущественных вторжений Чингисхана, Тамерлана и других, когда миллионы их распространялись как поток по другим регионам, и даже до Chalons, во Франции, они почти так же быстро отступили, и теперь находятся там, где их впервые обнаружила история.

Современная работорговля, которой так активно занимаются англичане наших дней, когда этих людей под разными предлогами сажают на корабли и отправляют на Ямайку и другие острова Вест-Индии, чтобы они заняли место брошенных негров, должна быть гораздо большим злом, чем ввоз негров из Африки, потому что это нарушение законов климата, которое должно быстро их уничтожить, в то время как в случае с негром он все еще находится в том центре существования, куда его поместил сам Бог. Малайцы тоже находятся в своем центре жизни и, как все низшие расы, никогда не мигрируют из него. Эскимосы, похороненные на мрачном и пустынном Севере, никогда не выходят за его пределы, и если бы белый человек перенес их в тропики, то, несомненно, вскоре погибли бы под их палящим солнцем. Мы почти ничего не знаем об индейцах и аборигенах в этом отношении. Сейчас они составляют промышленные силы Мексики, и, за исключением Бразилии, всей Южной Америки. Их насчитывается около десяти миллионов, и поскольку мы знаем, что негр никогда не сможет работать на столовых землях или вообще жить в атмосфере на высоте нескольких тысяч футов над уровнем моря, определение естественного положения и наших истинных отношений к этой расе может стать вопросом огромной важности для цивилизации этого континента. Негр, возможно, более четко, чем любая другая раса, ограничен своими жизненными центрами. Если бы доктор Кейн взял кого-нибудь из них с собой в свои исследования Северо-Запада, вряд ли он смог бы пережить их, если бы принадлежал к чисто негритянскому типу. Его органическая структура, хотя она так же прекрасно приспособлена к тропическому климату, как глаз к зрению или любой другой организм к определенной цели или функции, совершенно не позволяет ему жить дальше определенной широты. Отдельная особь, конечно, может это сделать, или целое поколение или более могут влачить жалкое существование, но его структура запрещает ему размножаться или становиться постоянным жителем крайнего севера. В Канаде их огромное количество - результат того широко распространенного невежества в отношении своей истинной природы, которое принесло такие огромные беды этим несчастным людям, а также заблуждающимся и ошибающимся белым. Их положение в Канаде, пожалуй, самое жалкое из всех, какие только могут вынести люди. Оно было бы достаточно жалким, если бы у них были хозяева, проводники, защитники и кормильцы для их нужд, но без них, без внешних обстоятельств, которыми Бог окружил их, когда впервые призвал на свет, а затем оставил конкурировать с белыми людьми за средства к существованию, можно повторить, что их положение должно быть самым плачевным, которому могут подвергнуться несчастные человеческие существа. Постоянное пополнение их численности за счет Подземной железной дороги делает любую вещь, похожую на оценку смертности среди них, совершенно не обсуждаемой, но когда, в дополнение к их ненормальному социальному состоянию, есть давление неестественного климата или внешних влияний, совершенно противоположных тем, которые Бог изначально предусмотрел для них, и прямо противоречащих их органической структуре, тогда очевидно, конечно, что они должны быстро погибать.

Все врачи на Севере, имевшие хоть какой-то опыт в изучении болезней этих людей, знают о склонности к чахотке или заболеваниям органов дыхания, столь распространенных, почти универсальных среди них, но мало кто, если вообще кто-либо, знал, что это является необходимым результатом особого строения негра. Вся его поверхность усеяна бесчисленными сальными железами, которые являются предохранительными клапанами, предусмотренными природой для освобождения его системы от действия вертикальных солнечных лучей, но если они становятся вялыми и неспособными выполнять свои функции в ледяной атмосфере Севера, то неизбежно возникает застой и болезнь легких. Почти каждый видел в северных городах негров, потерявших ноги от мороза на море, что редко встречается среди белых, и все же там, где один негр подвергся такому воздействию, несомненно, тысячи первых. Климат, таким образом, имеет фиксированный и абсолютный контроль над существованием негра. Бог приспособил его, как физическую, так и умственную структуру, к тропикам, и хотя он может жить в умеренных широтах, его благополучие, счастье и развитие его способностей обеспечены только в том случае, если он соответствует замыслу Всемогущего, записанным в его организме, и живет в том центре существования, где он был создан. А те невежественные и ужасно заблуждающиеся люди, которые соблазнили и повели его на мрачный и запретный Север, бессознательно совершили преступление, которое ужаснуло бы их самих, если бы они могли его по-настоящему осознать.

Таковы, вкратце, наиболее заметные законы климата и их влияние на людей и животных; но поскольку сам климат, в обычном значении этого слова, имеет отношение только к градусам широты, или к модификациям тепла и холода, они имеют второстепенное значение, или, в крайнем случае, являются лишь частью тех общих законов адаптации, которые управляют существованием животных и гармонизируют его с местностью, в которой оно было первоначально создано. За немногими исключениями, о которых уже говорилось, все органическое существование приспособлено к своему собственному центру жизни и не способно жить в любом другом. Это можно наблюдать каждый день, и это знакомо даже наименее наблюдательным из нас. Зерновые и овощи всех видов требуют если не всегда особого климата, то уж точно особой почвы. Кукуруза, пшеница и т. д. требуют подходящей для них почвы - должно быть особое приспособление внешних обстоятельств, ибо существует вечная связь между организмом и обстоятельствами, которые его окружают. Самые невежественные из наших агрономов знают на собственном опыте, что определенные вещи могут расти только на определенных почвах, и этот неизменный и нерушимый закон, проявляющийся в простейших формах бытия, пронизывает весь органический мир. И, как уже было отмечено, именно в исключительных случаях, или случаях, когда климат не управляет, эти адаптации к определенным почвам являются необходимыми. В целом же растение нельзя пересадить или удалить из его собственного центра существования. Продукты тропиков - сахарный тростник, кофе, индиго, хлопок и т. д., многочисленные фрукты и т. д. - не могут быть изменены или, во всяком случае, не могут быть успешно выращены за пределами своего первоначального центра создания.

По мере того как мы поднимаемся по шкале, законы адаптации, конечно, умножаются или становятся более сложными, а в случае с человеком они широко диверсифицируются многочисленными вторичными связями; но великий универсальный и вседоминирующий закон, который объединяет людей с их центрами существования, так же неразрушим и вечен, как и в простейшей форме растительного существования. Бог создал и их, и внешние обстоятельства, наделил их специфической структурой и соответствующими способностями, а землю, почву, форму ее продуктов, климат и т. д. Он создал в полном соответствии с первым, и поскольку время и случай, или человеческие силы, никогда не могут изменить или модифицировать дела Всемогущего, этот закон адаптации вечен.

Белый человек - как рабочий - приспособлен к умеренным широтам не потому, что этого требует климат, жара и холод, а потому, что такова его природная адаптация. Все внешние обстоятельства соответствуют его природе - его физическому строению и интеллектуальным способностям. Почва, ее естественные продукты - время и способ их роста, их созревание или зрелость, короче говоря, их выращивание находятся в полной гармонии с его способностями. Фермер из Огайо или Иллинойса, например, вспахивает и готовит свои поля в течение всего лета, чтобы засеять их пшеницей ранней осенью. Этот процесс тщательно продуман. Земля должна быть удобрена, тщательно вспахана в разное время, через определенные промежутки времени проборонована и постепенно подготовлена к приему семян. Затем он тщательно отбирает те сорта, которые, по его опыту, являются лучшими. После посева он снова боронует свои поля, тщательно следит за ними в течение нескольких месяцев, а затем, когда урожай созревает, начинается другой процесс.

Этот процесс не менее сложен и требует от него не только умственных способностей, но и труда тела. Он должен следить за погодой, определять, когда ему собирать урожай, как им распорядиться и т. д.; затем следует обмолот, отделение зерна и т. д., уборка соломы, кормление скота - все это опять-таки требует полного напряжения всех его способностей. Затем снова начинается другой процесс - если не личный, или где он сам является ведущей стороной, то где люди, подобные ему или обладающие теми же способностями, что и он, связаны с ним и заняты завершением начатого им процесса. То, что он посадил и собрал, теперь подвергается еще более тщательным манипуляциям. Пшеница превращается в муку в результате длительного и сложного процесса, а затем, пройдя еще одну обработку, она становится хлебом - пропитанием расы, естественной пищей миллионов, законным результатом здорового использования его специфических способностей и промышленной адаптации расы. Начиная с выбора земли, ее подготовки, отбора и т. д. семян, посадки, заботы и оценки погоды, созревания, сбора, отделения зерна, превращения в муку, еще большего превращения в хлеб, во всем процессе, от занятия земли до того момента, когда оно попадает на стол домочадцев, *Этот ансамбль* требует и вызывает к действию самые высокие способности к рассуждению и сравнению, и каким бы необразованным или невежественным ни казался человек, по сравнению с человеком книжным, этот процесс, или, скорее, процессы, были бы невозможны, конечно, для любой расы, кроме нашей, или для существ с возможностями, уступающими способностям белого человека.

То же самое касается и всех других продуктов, распространенных или присущих умеренным широтам. Все они требуют высочайших способностей для их выращивания. Природа почв, соответствие определенных продуктов конкретным почвам, периоды роста и созревания, влияние атмосферы, действие тепла и холода, смена времен года и т. д. - все это находится в гармонии с возвышенными способностями, а результат, их выращивание и использование - все это необходимо для благосостояния и счастья белого человека. Промышленная адаптация завершена, разнообразные почвы, часто сильно отличающиеся на одной и той же ферме, многочисленные правила, множественные отношения и связи, смена времен года и сложные обстоятельства делают умеренные широты таким же абсолютным центром жизни для белого человека, как тропики для негра, или как любая из более простых форм бытия для местностей, в которых мы их находим. Промышленная и специфическая адаптация негра к своему жизненному центру, однако, более ощутима и наглядна, поскольку его ограниченный интеллект и более непосредственные отношения с внешними обстоятельствами позволяют нам легче понять задействованные факты. Почва тропиков мало изменчива и редко нуждается в удобрении или подготовке, как почва умеренных широт. А местные продукты, те, которые требуют ухода и труда для выращивания, как бы пышно они ни росли, немногочисленны. Существует почти бесчисленное множество видов фруктов, которые

растут спонтанно, и огромное количество питательных растений, которые не нуждаются в уходе и труде, и которыми в значительной степени живет негр в своем изолированном или варварском состоянии. Но великие природные продукты тропиков, те, которые необходимы для благосостояния человека, которые в данный момент являются наиболее важными элементами современной торговли и оказывают жизненно важное влияние на цивилизацию нашего времени, немногочисленны и требуют лишь самого низкого уровня интеллекта для их выращивания. Хлопок, например, не требует ничего, кроме посадки и сбора, а сахар, в том что касается труда, еще более прост. Правда, при полной разработке и окончательном совершенствовании этих продуктов, производстве и т. д., в действие вступает интеллект высшего порядка, но это не имеет никакого отношения к негру. Хлопок отправляется на Север или в Европу и переходит в другие руки, и хотя труд негра был жизненно важен на предварительных этапах, он имеет не больше связи с конечным распоряжением этим материалом, чем труд мулов, которые использовались для подготовки земли к ее первоначальному возделыванию. Кофе, табак, индиго и т. д. одинаково просты, все они согласуются с простыми почвами, однородной атмосферой, примитивными законами развития, как их можно назвать, и находятся в полной гармонии с уровнем интеллекта, специфической природой и промышленной адаптацией негра.

Его физический организм приспособлен к выращиванию этих продуктов так же идеально, как и его уровень интеллекта. Его голова защищена от лучей вертикального солнца густым ковром шерстяных волос, совершенно невосприимчивых к его жесточайшему жару, в то время как вся его поверхность, усыпанная бесчисленными сальными железами, образующими полную выделительную систему, избавляет его от всех тех климатических воздействий, которые при тех же обстоятельствах столь фатальны для чувствительного и высокоорганизованного белого человека. Вместо того чтобы стремиться укрыться от палящего солнца тропиков, он обхаживает его, наслаждается им, радуется его яростному жару, а малярия - этот смертельный для белого человека яд, который в виде желтой лихорадки выкосил из жизни огромное количество представителей нашей расы, - так же безвредна для организма негра, как майский или июньский бриз для организации белого человека. Конечно, у мулатов и дворняг может быть что-то, приближающееся к желтой лихорадке белого человека, но для негра это просто органическая невозможность. Поэтому его способности, его простой уровень интеллекта, его физический организм, его специфические, климатические и промышленные адаптации находятся в полной гармонии с примитивными почвами, простыми продуктами и однородной атмосферой тропиков, а также в полной связи и совершенном единстве с обстоятельствами, которые окружают его в центре существования, куда его поместил Всевышний.

Покойный Дэниел Уэбстер однажды заявил, что Бог ограничил "рабство" определенными климатическими условиями, и что он, по крайней мере, не станет "перечить воле Божьей", и это заявление, хотя как форма речи достаточно абсурдно, несомненно, находилось в непосредственной близости от великой и жизненно важной истины. Если бы он сказал, что Всевышний приспособил негра к определенным климатическим условиям, он выразил бы именно то, что мы сейчас рассматриваем; но отношение негра к белому человеку, то, что он назвал рабством, конечно, так же правильно и так же естественно в Нью-Йорке или Огайо, как и в Миссисипи. Поэтому вульгарное представление о том, что "рабский труд", промышленные способности негра, невыгодны в умеренных широтах, верно лишь отчасти. Отношения "рабства", нормальное состояние, в отличие от так называемого свободного негра, представляют собой лишь разницу между полезным негром и никчемным негром, или негром, который добавляет к производительным силам государства, и негром, который живет за счет государства - здоровый и больной социальный элемент, и поэтому везде, где

бы он ни встречался, если, конечно, на крайнем Севере, просто нелепо говорить о первом как об убыточном, когда он противопоставляется второму. Но когда негр противопоставляется белому человеку в Огайо или Нью-Йорке, то вся тема меняется. Его промышленные возможности неспособны выращивать местные продукты умеренных широт.

Рассуждения, размышления, возвышенные способности, которые абсолютно необходимы для выращивания их продуктов, разнообразные и сложные почвы, их тщательная подготовка, осторожность и рассудительность, необходимые при их сборе и т.д., еще более сложные процессы, прежде чем они станут пригодными для пропитания человека, - все это требует высокого интеллекта, а значит, и большого мозга белого человека, а для изолированного негра, конечно, невозможно.

Правда, хозяин может направлять их, и владелец сотни негров в Огайо может проводить эти процессы и возделывать почвы Западных и Средних штатов иногда, возможно, в условиях нехватки рабочей силы, с терпимым успехом. Но их неполноценность, их более низкий уровень интеллекта, время и хлопоты, затрачиваемые на это руководство, должны быть настолько ощутимы для каждого, кто хоть на мгновение задумается, что нужно только изложить этот случай, чтобы убедить их в относительной бесполезности этого труда. И если не принимать во внимание силу климата, смену времен года, внезапные морозы, которые иногда выводят из строя и, как правило, пагубно влияют на негра, а в конце концов уничтожают его - если не принимать во внимание все это, а рассматривать только его промышленную адаптацию, то очевидно, что негр никогда не сможет, как он никогда не был способен обрабатывать почвы или выращивать продукты умеренных широт. Но хотя великие разделительные линии достаточно отчетливы, хотя белый человек и негр, в их промышленных адаптациях, никогда не могут быть в конфликте, когда каждый находится в том центре существования, к которому его приспособил и предназначил Всемогуший Создатель, существует большая территория, где они оба могут работать с пользой, и где время и обстоятельства могут часто определять их присутствие и их пригодность для такого труда. Белому человеку законами его организации навсегда запрещено трудиться под тропическим солнцем или выращивать собственными физическими усилиями продукты, характерные для тропиков. Негр, в силу законов как своего физического строения, так и психической природы, навсегда лишен возможности возделывать почву или выращивать продукты, характерные для умеренных широт.

Эти великие элементарные и нерушимые истины, навеки закрепленные рукой Бога, не допускают никаких исключений, изменений или модификаций, на которые время, обстоятельства и человеческая сила не могут повлиять, так же как на законы тяготения, или роста животных, или срока их существования, или любой другой закон Творца Вселенной, не могут быть ошибочными; но когда мы переходим к рассмотрению приближенных широт, то перед нашим взором открывается широкое поле для случайностей, времени, множества соображений.

В общих чертах можно сказать, что там, где белый человек может трудиться с пользой, то есть может сохранить свое здоровье и полностью реализовать свои способности, там его труд должен быть более ценным, чем труд негра. Люди, не знающие законов климата и промышленной адаптации, а еще хуже - не знающие природы негра и его отношений с белым человеком, путешествуя по реке Огайо, замечают, что население на стороне Огайо более энергично, трудолюбиво и процветает, чем на стороне Кентукки, и делают вывод, что это потому, что в Кентукки есть "рабство". Автор не готов согласиться с их предположением, поскольку, хотя в Огайо может быть больше богатства и очевидно больше процветания, истинным и единственным критерием благополучия в государстве является равенство

условий и счастья его жителей, и у нас нет возможности определить эту истину, применив этот критерий в данном случае. Англия намного богаче, чем любое другое государство в христианстве, ее годовое производство намного больше, но это богатство монополизировано частью населения. В то время как большая часть народа погрязла в нищете по уши, а немногие с каждым днем становятся все богаче, многие, с такой же быстротой и уверенностью, становятся все более униженными в своей бедности, а значит, более невежественными, порочными и несчастными. Поэтому, если верно, что богатство Огайо растет быстрее, чем Кентукки, из этого отнюдь не следует, что жители Огайо находятся в лучшем состоянии, чем жители Кентукки. Однако разумно предположить, что производство здесь выше, чем в Кентукки, поскольку, хотя климат и промышленная адаптация подходят для белого человека, в Огайо нет ни одного белого человека, в то время как почти половина трудоспособного населения Кентукки - негры. Такое же абсурдное предположение и вывод были сделаны в отношении Вирджинии и других так называемых рабовладельческих штатов, когда их сравнивали с Нью-Йорком и другими так называемыми свободными штатами. Говорили: "Вирджиния отстает от Нью-Йорка в общем процветании". "Это потому, что у нее полмиллиона рабов, и если она отменит это рабство, то вскоре сравняется с Нью-Йорком, а возможно, и превзойдет его, поскольку Виргиния имеет определенные естественные преимущества, которых нет у Нью-Йорка". Или, другими словами, говорится, что Вирджиния менее процветает, чем Нью-Йорк, потому что полмиллиона ее негров находятся в нормальном состоянии, и если она выведет их из этого состояния и выпустит на свободу, как это сделал Нью-Йорк, то Вирджиния скоро станет такой же процветающей, как и последний! Возможно, один из двадцати негров в Нью-Йорке, Огайо или любом другом так называемом Свободном штате занят производительным трудом, в то время как девятнадцать остальных живут-временно за счет труда производящих классов этих штатов. Аргумент этих политэкономов, таким образом, сводится к следующему: Виргиния с полумиллионом трудолюбивых и производительных негров менее благополучна, чем Нью-Йорк, но если она превратит их в полмиллиона праздных, непроизводительных и ни на что не годных негров, то она быстро выйдет из своего нынешнего депрессивного состояния. Но хватит - эти люди, которые создают абстракцию, совершенно не имеющую смысла, должны прийти к столь же абсурдным выводам. Они не только не знают того, о чем так напыщенно рассуждают, но и воображают условия, которые не только не существуют, но и не могут существовать, ни здесь, ни в других местах, ни в наше время, ни в какое-либо другое, ни в существующем, ни в каком-либо ином мире.

Вирджиния, Кентукки, все переходные штаты, все штаты со значительным негритянским населением, расположенные в умеренных широтах, конечно, менее продуктивны, чем граничащие с ними штаты с полностью белым населением, ибо негр значительно уступает в своих промышленных возможностях, как и во всех других отношениях, там, где могут трудиться белые люди. Таким образом, сомнений быть не может, ибо для сомнений нет места, но из этого отнюдь не следует, что жители Огайо или Пенсильвании находятся в лучшем положении, чем жители Кентукки и Вирджинии. Жители Вирджинии, если и не однородны по расе, то однородны по интересам, и этот один большой факт, лежащий в основе социального положения, сам по себе или по результатам, которые из него вытекают, приносит огромную пользу. Интересы государства, всех его жителей, "рабовладельцев" и "нерабовладельцев", и негров или так называемых рабов, однородны, универсальны и неделимы, и поэтому без социальных конфликтов или причин для социальных конфликтов тенденции общественного устройства гармоничны и благотворны. Единственный кажущийся конфликт или единственная вещь, которую поверхностные мыслители могут принять за таковой, - это тот факт, что негр не приспособлен к данной местности, и они могут предположить, что поэтому владелец его услуг или этой так называемой рабской

собственности может в определенной степени монополизировать почву, которая по праву принадлежит белому рабочему. Но достаточно минутного размышления, чтобы убедить любой здравый ум в несостоятельности этого предположения.

Плантатор из Вирджинии может, возможно, унаследовать тысячу акров земли и сотню негров. Его бедный белый сосед, возможно, не имеет земли и считает, что эти негры, которые, как уверяет его инстинкт и разум, не так хорошо приспособлены к данной местности, как он сам, должны занимать ее, в то время как у него нет ни одного. Но самому плантатору еще хуже. Земля изнашивается, негры не могут ее оживить, они едва зарабатывают достаточно для общего пропитания, плантатору трудно жить вообще, и он делает это, возможно, только расставаясь с некоторыми из своих людей, и поэтому, каким бы ни было зло от этого негритянского элемента в местностях, к которому привели изменения времени и обстоятельств, это зло, которое давит на владельца этого вида собственности с гораздо большей силой, чем на нерабовладельца. Конечно, средство от этого очевидно:

"Расширение рабства" - свободное и полное расширение, приобретение новых территорий, подходящих для промышленных возможностей негра. Например, если предположить, что покойный генерал Уокер добился успеха и открыл Центральную Америку для американского заселения, энергии, цивилизации и процветания, то плантатор из Вирджинии или Мэриленда, которому сейчас трудно "сводить концы с концами", собрал бы свое хозяйство и переехал в эти привлекательные и плодородные регионы. Его негры приносили двойную или тройную прибыль, а то и больше, в своих новых домах, он мог позволить себе отправить своих детей на Север или в Европу, чтобы они получили образование, а сам проводил лето на Спрингсе или за границей и жил так роскошно, как ему хотелось, в то время как его негры или так называемые рабы, в центре своего существования, где Бог предписал им жить, нежась в гениальном тепле тропиков, где все их лучшие и высшие способности приведены в действие, а лучшие качества их природы здоровы и естественно развиты, получают даже больше пользы, возможно, чем сам хозяин. Вакансию заполнит растущее белое население, постоянный приток могучих масс, хлынувших к нам из Старого Света, бедный немецкий или другой европейский крестьянин, которому нужна только свобода и средства для развития высокой природы, которой его наделил Бог, чтобы выставить себя равным королям и аристократам, загнавшим его искусственную неполноценность, фактически напоминающую естественную неполноценность негра, и чтобы эти обедневшие почвы были реанимированы его промышленностью, его интеллектом, короче говоря, его промышленными приспособлениями, то ныне пустующие и истощающие земли переходных штатов стали бы, и, несомненно, станут когда-нибудь, настоящим садом республики. Но и это еще не весь благотворный процесс, о котором идет речь. Мир нуждается в продуктах тропиков, и особенно в них нуждаются наши фермеры и рабочие классы. Сахар, кофе и тропические фрукты должны стоить вдвое дешевле, чем сейчас, а увеличение производства, расширение торговли и общий прогресс окажут огромное влияние на цивилизацию нашего времени благодаря такому простому применению промышленных сил в соответствии с фундаментальными законами климатической и промышленной адаптации. Значительное большинство нашего негритянского населения в данный момент находится за пределами своего собственного центра существования, и придет время, когда пограничные или переходные государства, вероятно, будут иметь мало таких людей. Как уже отмечалось, говорить о "рабстве" или социальном подчинении негров как о зле или как о том, что при любых возможных обстоятельствах оно невыгодно, - абсурд, противоречие, злоупотребление языком, ибо это влечет за собой аномалию - считать праздного и никчемного негра благом для государства; но негр выгоден для своего хозяина, полезен для государства и счастлив сам в той мере, в какой он приближается к тропикам и находится в сопоставлении с внешними обстоятельствами, к которым его приспособил Бог. Они или их предки в основном

высаживались на берег в северных портах. В условиях тогдашней нехватки рабочей силы они, возможно, были нужны даже в центральных штатах. Как передовой отряд в растущей цивилизации Нового Света, они были когда-то, возможно, необходимы в провинциях Вирджиния, Мэриленд и т. д., поскольку богатая почва, бурная растительность, обширные болота и дикое дно рек порождали малярию, которая часто была смертельной для белого человека, и делали труд и помощь этих людей жизненно важными в раннем заселении страны. Но по мере того как страна становилась все более культурной, а белых рабочих становилось все больше, труд негров становился все менее ценным, так что мистер Джефферсон и многие его современники фактически считали его злом и желали избавиться от него. И действительно, что еще хуже - они путали существование негра с отношением к нему, так называемым рабством; и только когда Луизиана была оккупирована, и для негра были открыты новые и подходящие регионы в гармонии с его промышленными способностями, это ошибочное представление мистера Джефферсона и других исчезло из сознания южан. В Вирджинии по-прежнему много негров, но хотя они в основном заняты выращиванием табака, что соответствует простым способностям и подчиненной природе негра, спрос на хлопок, рис, сахар и т. д. в больших тропических регионах республики быстро привлекает их на юг, и в соответствии с их собственным счастьем, а также благополучием белого гражданства, этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока они все не окажутся в своем собственном центре существования. Будет ли Вирджинии или любому другому штату с переходной экономикой лучше без них в настоящее время, конечно, невозможно сказать или даже предположить. Однако сам факт их присутствия там, казалось бы, указывает на то, что их желательно иметь среди них еще, или, во всяком случае, в значительном количестве, но промышленная привлекательность постоянно уносит их дальше на юг - в Техас, Флориду и другие штаты Персидского залива, где их труд более ценен.

Эти общие законы климатической и промышленной адаптации, которые лежат в основе социальной структуры, состоящей из смешанного населения, также иллюстрируются национальной историей и демонстрируются на каждом шагу национального прогресса. Когда негры были впервые завезены в британские североамериканские колонии, там, разумеется, и в течение многих лет после этого был огромный спрос на рабочую силу. Перед нами был могучий континент, новый мир, открытый для предприимчивости и энергии самой энергичной и предприимчивой ветви великой ведущей расы человечества. Все, что требовалось, - это рабочая сила, причем самая низкая в некоторых отношениях, а рабочие, чья несовершенная иннервация и низкий уровень чувствительности могли противостоять малярийному влиянию, всегда более или менее сильному в новых странах и на девственных почвах, даже в умеренных широтах, были часто желанны. Поэтому бристолюбские и ливерпульские "работоторговцы" - прародители святых и филантропов из Эксетер-Холла - обеспечивали эти потребности, как правило, за счет негров, но иногда и за счет некоторых из своих более бедных и беспомощных собратьев, которых они без колебаний похищали и отправляли работать на американские плантации. Негры, таким образом, были вытеснены с морского побережья во внутренние районы страны, даже в Канаду, а в Центральных колониях их было даже очень много. Однако с падением британского владычества бристолюбские купцы были вынуждены заняться другими делами, а поскольку гений и смелость Клайва и его товарищей как раз в то время открыли новую и безграничную империю в Индии, английский капитал, предприимчивость и государственность приняли другое направление, и хотя африканская торговля продолжалась еще несколько лет после этого нашими людьми, после свержения британского владычества негров было ввезено сравнительно немного. После устранения иностранного и искусственного правления и установления политической системы, гармонирующей с инстинктами и потребностями нашего народа, социальным и промышленным законам было позволено естественное

развитие, и с этого периода началось совершенно иное движение. Негритянский труд был менее выгоден в восточных штатах, чем в центральных, и, конечно, менее выгоден в последних, чем в Вирджинии, Каролинах и т. д., и поэтому промышленное влечение потянуло их из внутренних районов к морским берегам, а с Севера на Юг. Приобретение Луизианы, Флориды и т.д., открытие новых регионов и образование новых штатов, приспособленных к климатическим потребностям и промышленным возможностям негров, вытеснило их еще быстрее. Мистер Джефферсон и другие, как уже отмечалось, путая отношение рас, или так называемое рабство, с неприспособленностью труда негров в умеренных широтах, хотели исключить не негров, а социальные отношения, которые они считали злом, из северо-западной территории, и старая конфедерация, как помнится, приняла соответствующий ордонанс. Этот "ордонанс", которому невежество и глупость так долго поклонялись как "оплоту свободы", с таким же презрением и полным отсутствием разума, как индус поклоняется своему джаггернауту, конечно же, не имел и не мог иметь ни малейшего влияния на этот вопрос.

Если бы не было расширения наших южных границ, не было бы Луизианы, Флориды, Алабамы или других штатов, приспособленных к потребностям и промышленным возможностям негров, весь Северо-Запад в данный момент был бы тем, что эти слепые и заблуждающиеся люди называют "территорией рабов". Дешевые земли и свежие почвы Запада привлекали бы владельцев этого вида собственности даже сильнее, чем любого другого, и единственное отличие, касающееся негров, заключалось бы или могло заключаться в том, что их число было бы меньше, чем сейчас. По мере приближения к центру своего существования, или по мере того, как негр находится в гармонии с внешними условиями, к которым его приспособил Всевышний, его благополучие обеспечивается, его жизненная сила возрастает, и он размножается быстрее; Поэтому, что касается негритянского элемента, на северо-западе его было бы меньше, чем сейчас на юго-западе, но отношения, конечно, были бы такими же, как сейчас, ибо как бы ни хотели Вермонт или какой-нибудь другой штат без негров извратить эти отношения и теоретически поставить себя на один уровень с подчиненной расой, те, кто находится в союзе с неграми, никогда этого не делали или таким образом добровольно пытались совершить социальное самоубийство.

Таким образом, мистер Джефферсон, приобретя Луизиану и расширив наши южные пределы, "спас" Северо-Запад от негритянского населения и так называемого рабства, так же как приобретение Техаса президентом Тайлером и выдающимся и дальновидным Кэлхуном и другими, в более поздние времена, открыло другие и еще более обширные регионы, приспособленные к потребностям и специфической природе нашего негритянского населения, и которые теперь, в силу естественных и нерушимых законов климата и промышленной адаптации, постепенно выводят это население из пограничных или переходных штатов. Действительно, достаточно изучить несколько переписей федерального правительства с 1790 по 1860 год, чтобы понять историю страны в этих аспектах и действие законов климата и промышленной адаптации. Тогда они увидят, что негритянский элемент постоянно стремится на юг - черная колонна, вечно находящаяся на марше к своему центру существования - передовой отряд американской цивилизации, который движется вперед без остановки и который должен продолжать продвигаться, пока не придет в полное соответствие с теми внешними условиями, к которым он естественно приспособлен. Интерес хозяина - повышение стоимости труда негров - не является единственной движущей силой, хотя, безусловно, главной причиной этого продвижения на юг. Увеличение численности белого населения и огромная европейская эмиграция давят на его тылы, а требования современного общества к продуктам его труда и многие другие

факторы с каждым днем становятся все более сильными и побуждают негров продвигаться к тропикам с большей скоростью, чем когда-либо прежде.

Люди, совершенно не знающие этих причин и законов, лежащих в основе этого продвижения негров на юг, слепо трудились против него, а что касается аннексии Техаса, открывшей столь широкое и благодатное поле для промышленности негров, а значит, и для истинного благополучия этих людей, то они, без сомнения, действительно считали, что делают им добро, когда таким глупым образом пытались отменить предписания Вечного и предотвратить расширение негритянского населения. И это расширение, или это промышленное притяжение, постоянно происходящее из Вирджинии и других пограничных штатов в Техас и страны Персидского залива, несомненно, кажется несправедливым и, возможно, бесчеловечным тем, кто не знает природы негров, а также тех законов промышленной адаптации, которые всегда управляли и всегда должны управлять этим вопросом. Продажа негров в Ричмонде и Норфолке для отправки на юг кажется им, возможно, большим испытанием, но, хотя считается, что большая часть из них сопровождается своими хозяевами, которые, естественно, ищут новые дома в Техасе и т.д., нет другого возможного способа или средства, с помощью которого они могли бы достичь более благоприятного климата, и поэтому, даже если продажа их в Ричмонде действительно суровая процедура, было бы гораздо более бесчеловечно удерживать их от приближения к их специфическому центру существования. Истинное благодеяние и доброта - способствовать их продвижению на юг; но если бы они действительно были *черно-белыми* людьми, какими их представляют себе невежественные антирабовладельцы, и не имели бы никакого особого сродства или приспособления к тропическому климату, то даже в этом случае их публичная продажа в Ричмонде или Норфолке для обеспечения рынка рабочей силы в Техасе не повлекла бы и тысячной доли тех страданий и физических мук, которым подвергается значительная часть тех британских подданных, которые ежегодно прибывают в Нью-Йорк. Действительно, можно с уверенностью сказать, что тысяча или около того больных, полуголодных и несчастных британских *подданных*, которых мэр Нью-Йорка посадил в тюрьму в Касл-Гардене, чтобы не оскорблять обоняние и не будоражить чувства принца Уэльского, воплотили в себе больше физических страданий, больше зла и оскорбления человечности, чем *можно было бы* причинить неграм в вечности, если говорить о процессе продвижения на юг. Хозяин, или человек, который покупает услуги негра, конечно, крайне заинтересован в том, чтобы заботиться о нем и обеспечивать все его потребности, в то время как сам негр, на пути к климату и внешним условиям, к которым его приспособил Всемогущий, *должен* быть на пути прогресса и продвигаться в целом к той цели счастья и благополучия, которую общий Создатель предназначил для всех Своих созданий.

Казалось бы, не нужно никаких законов или законодательных актов - только устранение всех препятствий на пути прогресса и свободное и полное развитие законов промышленного притяжения. Потребности в тропических продуктах и более высокая ценность труда негров - потребности современной цивилизации и интересы хозяина - привели негра из Центральных, как сейчас уводят его из приграничных штатов, в великий тропический центр континента. И по благотворной и неизбежной необходимости, которую сам Бог навсегда закрепил в экономике вселенной, благосостояние негров обеспечивается в той же мере, в какой этим законам промышленного притяжения и адаптации разрешено свободное действие и полное развитие.

В заключение, таким образом, кажется, что простое устранение всех препятствий на пути этих фиксированных и фундаментальных законов было бы всем необходимым для обеспечения наилучшего благосостояния всех - белых людей и негров - как Севера, так и

Юга, поскольку, хотя промышленное притяжение удалит негритянский элемент так быстро, как того потребуют интересы пограничных штатов, Запад всегда может обезопасить себя от значительного негритянского населения, содействуя устранению препятствий с наших южных границ, как Джефферсон спас их шестьдесят лет назад.

ГЛАВА XXI.

СЕВЕР И ЮГ - ИСТОКИ АМЕРИКАНСКОЙ ИДЕИ ПРАВЛЕНИЯ.

Хотя прародители наших так называемых рабов были в основном ввезены в северные порты, и во всех северных и средних штатах временами проживало значительное количество негров, процесс перехода на юг был настолько быстрым, что на северные общины или жителей северных штатов присутствие этого сильно отличающегося и подчиненного элемента нашего общего населения произвело лишь незначительное впечатление или повлияло на их идеи и умственные привычки. Но когда они стали постоянным населением, когда Виргиния, особенно Виргиния, приобрела то, что, для сравнения, можно назвать большим негритянским элементом, тогда фактическое присутствие этих негров вызвало к жизни новые идеи и дало развитие новым способам мышления или умственным привычкам. Все наши идеи и ментальные привычки в некотором смысле случайны, являются результатом обстоятельств, так же как и язык, который является внешним выражением наших идей, меняется под влиянием времени и обстоятельств. Англичане десятого века, конечно, сильно отличались по своим идеям и умственным привычкам от англичан четырнадцатого века под властью норманнов; и эти различия сильно отличались от всего того, что могло быть вызвано простым временем или обычными обстоятельствами.

И различные умственные привычки жителей Америки в целом, если их сравнить с европейскими, в достаточной степени показывают, что все наши идеи случайны, являются результатом местных обстоятельств, хотя, конечно, все они находятся в подчинении тем фиксированным и фундаментальным законам ума, которые присущи расе. Таким образом, присутствие негра - широко отличающегося и подчиненного элемента населения Вирджинии и других штатов, когда он стал стационарным и должен был обеспечиваться местными законодательными органами, его специфические потребности, как и потребности гражданства, и его социальная адаптация стала гармоничной с благосостоянием первых - естественным образом развило новые идеи управления и новые способы мышления в доминирующей и управляющей расе. За исключением, возможно, некоторых испанских колоний к югу от нас, ни в одной части Нового Света не было такого количества тех, кто мог бы претендовать на связь с европейской аристократией, как в провинции Виргиния.

В ранний период существования Массачусетса огромное количество самых респектабельных представителей средних слоев английского общества, а также несколько экземпляров старой потомственной знати нашли новые дома в колонии, но в последнем случае они отказались от старых нормандских традиций и, чтобы насладиться своей религией и "свободой совести", отождествили себя с пуританизмом. В голландской провинции Нью-Йорк, возможно, было несколько большее влияние аристократического элемента, но поскольку сама Голландия была по сути республиканской, а голландцы действительно стояли у истоков современной свободы в Европе, и, кроме того, имели очень

ограниченную земельную аристократию по сравнению с Англией, Францией и т. д., лишь немногие лица, отождествлявшие себя по традиции и ассоциации с наследственной аристократией Старого Света, нашли свой путь в голландские поселения Нового.

А ведь Виргиния изначально была заселена в значительной степени потомками старого нормандского рыцарства, кавалерами - потомками самой гордой, самой воинственной, самой рыцарской, героической и предприимчивой, и в то же время самой тиранической и деспотичной аристократии, которую когда-либо видел мир. Те, кто принадлежит к одной расе - одному виду, - при одинаковых обстоятельствах будут проявлять одни и те же качества, и поэтому, если бы в какой-то момент ребенка княжеского Плантагенета или лорда Уорика поменяли в колыбели с "низменным" отпрыском какого-нибудь саксонского чурбана, который кормил и держал на псарне своих гончих, последний вырос бы со всей гордостью, рыцарством и княжеской храбростью, присущими первому. Тем не менее, класс, аристократия, привилегированный орден формируют чувства, идеи и т.д., передают свои традиции, правила и т.д. своим потомкам, которые, возможно, веками сохраняют свою целостность. Даже в нашей социальной повседневной жизни и в меняющемся обществе мы часто видим, как семьи передают свои семейные обычаи, привычки, образ мыслей и действий на протяжении нескольких поколений, лишь незначительно отклоняясь от семейной модели, оставленной каким-то оригинальным или почитаемым предком. Аристократия, однако, обычно разрушает себя теми самыми средствами, к которым она прибегает, чтобы сохранить свое превосходство над основной массой народа. Чтобы сохранить уважение, благоговение, постоянную веру вульгарной массы в свое кажущееся превосходство, они должны избегать народных масс и вступать в браки со своим сословием, и чем полнее это делается, чем больше они становятся тесной корпорацией и нарушают законы кровосмешения, тем быстрее они деградируют и падают ниже общего среднего уровня народа. Северяне, крепкие и предприимчивые рыбаки Балтики, ловцы рыбы и пираты северных морей, вторглись во Францию и завоевали Нормандию, а Ролла со своей бродячей ордой последователей угрожал захватить Париж, да и все королевство. В конце концов они обосновались в Нормандии, откуда позднее вышли в Италию, завоевали Неаполь, остров Сицилию и долгое время угрожали вторжением в восточный мир, который вряд ли мог устоять перед столь неукротимой расой людей. Герцог - бастард герцога Нормандии, в то время претендовавший на корону Англии, с сорока тысячами последователей высадился в этой стране и в одном сражении так полностью уничтожил "англосаксов" и англосаксонство, столь превозносимое в наши дни, что первые с тех пор остаются рабами, а вторые были так полностью уничтожены, что навсегда исчезли в тот роковой день при Гастингсе. Тогда норманны впервые приняли отчетливую форму аристократии или привилегированного ордена.

Хотя они уже давно отбросили грубые привычки и неотесанные манеры авантюристов и завоевателей и, когда вторглись в Англию, были, пожалуй, столь же умны и утонченны, как и другие подобные европейские народы, и гораздо более умны, чем те, кого они завоевали в Англии, они никогда не принимали форму, не принимали законов, не устанавливали правил и норм как аристократия или правящий класс. Однако с этого времени нормандская аристократия правила Англией железной рукой, и хотя войны Роз и еще более фатальный конфликт с пуританами или средним классом истребили или изгнали остатки нормандской крови, и сейчас в Англии их почти нет, страной по-прежнему управляют традиции, привычки, словом, система, установленная старой нормандской аристократией. Большинство великих семей вымерло, а младшие сыновья и другие люди с пошатнувшейся судьбой эмигрировали в Виргинию, и с созданием содружества очень многие представители нормандского рода покинули Англию. Остатки старых нормандских семей в Виргинии были так многочисленны и

сильны, что отказались признать содружество и фактически бросили вызов грозной силе и железной воле Кромвеля.

Но эти остатки старой нормандской аристократии - той аристократии, которая на протяжении нескольких веков управляла Англией, - оставили свой след, свои привычки, свои законы первородства, свои феодальные обычаи, так глубоко запечатлевшиеся в английском сознании, что аристократия наших дней, хотя и полностью современная и почти не имеющая с ней родственных связей, способны управлять массами с помощью этих обычаев так же абсолютно, как когда-то норманны мечом и сильной рукой произвола, эти потомки старой норманнской расы в Виргинии полностью изменились, и хотя их предки были главными сторонниками королевского деспотизма, они являются родоначальниками и поборниками демократии в Америке.

Во всех изменениях и мутациях человеческого общества едва ли можно найти параллель этой смене идей в Вирджинии или этой необыкновенной трансформации, превратившей потомков старой нормандской аристократии в самых твердых и надежных защитников демократии. Конечно, первые колонисты Виргинии были представителями всех классов и слоев английского общества; не мало среди них было и похищенных молодых крестьян, не имевших ни друзей, ни родственников, которые могли бы защитить их или наказать подлых негодяев, перевезших их за море и продавших здесь, как и везде, в американских колониях. Но несомненно, что в Виргинию эмигрировало большее, гораздо большее количество "джентльменов", чем в любую другую колонию, и поскольку все они были кадетами или младшими ветвями великих домов Англии, почти все из которых были норманнами по происхождению и почти все из которых по прямой линии впоследствии погибли в войнах содружества, кажется столь же несомненным, что если где-то и есть норманнская кровь, то теперь она должна быть найдена или в основном найдена в Виргинии.

Причина этой трансформации, этого радикального и экстраординарного изменения мнения, которое сделало потомков самой гордой и деспотичной аристократии, когда-либо известной, авторами и главными сторонниками демократии, должна быть мощной, и настолько же далекой от обычных причин, которые с течением времени изменяют мнения и привычки людей, насколько сами результаты необычны и не имеют аналогов. Как уже было отмечено, все наши идеи и умственные привычки являются результатом обстоятельств, внешних влияний, которые нас окружают, изменившихся условий нашего существования, которые дают начало новым мыслям и новым способам умственного действия. И когда мы принимаем во внимание все это и созерцаем изменившиеся условия, новые и совершенно иные обстоятельства, которые окружали этих виргинских потомков кавалеров и джентльменов Англии, то причины очевидны - новые идеи, возникшие в умах людей, законны и соответствуют тем необычным и, по сути, беспрецедентным обстоятельствам, в которых они жили. Они столкнулись с неграми, с низшей расой, с совершенно иными и подчиненными социальными элементами, и новые мысли, новые идеи, а также совершенно иные привычки последовали за ними естественно и неизбежно. Они видели, что эти негры отличаются от них самих не только цветом кожи или другими физическими характеристиками, но и душевными качествами, привязанностями, желаниями, словом, *характером* и потребностями их социальной жизни, их благополучием и счастьем, а благополучие этого подчиненного элемента требовало соответствующих действий и, конечно, соответствующих идей и образа мыслей. Они видели, что этот негр не искусственно и не случайно, а естественно отличается от них самих, что сам Бог сделал его другим, дал ему другие способности и другие потребности, а значит, предназначил его для других целей, и что это настоящая и неизбежная обязанность, а также необходимость приспособить

свои социальные привычки и правовые и политические институты к этому состоянию или условию фиксированного и неизменного *факта*. Но это было не все, и не предел новых идей, которые таким образом зарождались в изменившихся условиях, в которых они жили. Их традиции, ментальные привычки их старых кавалерийских предков, идеи, которые они несли с собой из родной страны, научили их рассматривать личность короля как нечто совершенно священное, которому всегда полагалось абсолютное и беспрекословное повиновение, а класс джентльменов, дворянство или аристократия, которые более непосредственно окружали королевскую власть, считались совершенно высшими и отличными от вульгарных толп, составлявших народ. Знаменитая формула архиепископа Лауда о том, что "пассивное повиновение и непротivление" является абсолютным и всеобщим долгом народа перед волей короля, кратко и точно выражала преобладающие настроения кавалеров, и они требовали от своих особых приближенных такого же беспрекословного подчинения, какое сами оказывали королевской власти. Невежество огромной массы народа, с одной стороны, и фактическая власть и тирания дворян - с другой, настолько глубоко проникли в сознание англичан и других европейских народов в средние века, что, хотя с тех пор прошло много поколений, чувство превосходства одного класса и неполноценности другого сохранилось до сих пор, а в Англии и по сей день почти так же сильно, как и раньше.

Но потомки кавалеров в Вирджинии оказались лицом к лицу с *фактами*, которые полностью разрушили эти надуманные настроения, берущие свое начало в определенном состоянии общества, а не в природе или естественных отношениях между людьми. Они были поставлены в один ряд с неграми, с другими и подчиненными существами, человеческими, правда, как и они сами, но разными человеческими существами, подобно тому как голуби, будучи птицами наравне с малиновками, являются разными *птицами*, или как гончие, будучи *собаками*, отличаются от спаниелей или бульдогов. Это был великий, исходный, неизменный *факт*, который никакие чувства, теории и умственные привычки не могли объяснить, изменить или избежать в любом отношении. Они ежедневно видели этот факт, глядя ему в лицо; они были вынуждены признать его, принять законы для него или для этих людей, приспособить к нему свои социальные обычаи, короче говоря, соответствовать ему, и поэтому были вынуждены отбросить свои предвзятые представления, традиции и умственные привычки своих предков, все свои идеи лояльности к существу, подобному им самим, и своего собственного классового превосходства, которые они привезли из Старого Света. В чем же заключалось их воображаемое превосходство над своими более низкими собратьями, когда они противопоставляли его *природной* неполноценности негров? Чего стоили случайность образования, богатство, изысканность манер или любая другая фактическая, временная или случайная вещь, которая отделяла их от их менее удачливых соседей, по сравнению с творением природы, с неизменными и непроходимыми барьерами, которые отделяли их обоих от негров? Что, в сущности, представляли собой мелкие различия человеческой гордости, тщеславия и случайности по сравнению с постановлениями Вечного?

Таковы были факты, с которыми они столкнулись, таковы внешние обстоятельства, развившие в колонистах Виргинии новые идеи и новый образ мыслей, таковы мощные *причины*, превратившие потомков английских кавалеров в самых ранних, самых последовательных и самых надежных поборников демократии в Америке. Те же причины в определенной степени повлияли на жителей других колоний, и можно обнаружить, что в точной пропорции к количеству и неподвижности этого негритянского элемента в любой местности, среди белых людей существовали четкие, соответствующие взгляды на свободу и равенство. Действительно, сейчас это так же верно, как и раньше, и почти неизменно здравые и рациональные взгляды на свободу и демократические институты существуют в

точной пропорции к присутствию или несовершенные и несостоятельные представления в пропорции к отсутствию этого негритянского элемента. Такие штаты, как Миссисипи, Техас, Арканзас и Алабама, имеющие относительно наибольшее негритянское население, являются наиболее решительно и последовательно демократическими, в то время как Массачусетс, Вермонт и т.д., имеющие наименьшее количество негров среди них, являются наиболее несостоятельными в этих отношениях, и, какими бы умными в отношении других вещей они ни были, они определенно отстают от большинства великих американских сообществ в политических знаниях.

Южная Каролина и, возможно, некоторые другие могут показаться исключениями из этой общей истины, но если это так на самом деле, то это объясняется особыми причинами, такими как образование многих ее жителей за границей, в Европе, на Севере и т. д., но даже в этом штате, столь исключительном во многих отношениях, земля разделена более равномерно, чем в любом другом штате, и там, где такой факт имеет место, общая тенденция к равенству в гражданстве должна быть поразительно проявлена.

Великое революционное движение 1776 года дало полное выражение новым формам мышления, великим идеям, славным истинам, развитым в сознании Вирджинии и относительно других колоний, где это дело, этот негритянский элемент имел хоть какое-то подобие стационарного существования. Не случайность и не случайность сделали мистера Джефферсона автором великой идеи или, скорее, выразителем идеи, воплощенной в Декларации независимости, - великой и бессмертной истины, что все белые люди созданы равными и потому имеют равные права, или, как он выразился, "жизнь, свободу и счастье". Правда, это мог бы сделать какой-нибудь другой виргинец, и, возможно, какой-нибудь ум в Средних провинциях, Нью-Джерси или Нью-Йорке мог бы сформировать достаточно ясное представление об этой великой неизменной истине, лежащей в основе всей надстройки нашего политического общества; но ни один человек в Северных провинциях не мог подняться до такого умственного подъема в тот период нашей истории; более того, сравнительно немногие способны на это даже сейчас. Массачусетс и соседние колонии с большой ясностью восприняли идею независимости и отстаивали ее с искренностью, храбростью и несгибаемым упорством, несомненно, непревзойденными, если не равными другим, но это была независимость от иностранного владычества, а не независимость иностранных идей или враждебной системы. Они были без негров, без какого-либо естественного субстрата в социальных элементах, без какого-либо теста или стандарта для определения естественных отношений людей друг к другу, и, цепляясь за ментальные привычки своих британских предков, они, следовательно, были неспособны сформировать те великие и правдивые концепции равенства, которые мистер Джефферсон и виргинцы в целом, под влиянием, которое было указано, так ясно осознавали. Случайные и искусственные различия в обществе - влияние семьи, богатство, образование и т. д. - были, как и в Англии, хотя, конечно, не в такой степени, стандартами, тестами, ориентирами политического и социального порядка, и фраза, часто используемая писателями Новой Англии наших дней, что "представительство было неотделимо от налогообложения", полностью выражала умственные привычки и несовершенные политические концепции северного ума. В Англии, за исключением титулованной аристократии, палаты лордов или пэража, которая претендует на то, чтобы опираться на кровь или рождение (?), только богатство дает права. Человек нигде не является ни частью, ни долей, ни элементом политической системы. В каждом округе, где у него есть собственность, он имеет право голоса, но если у него нет собственности, он не имеет никакого голоса и, как уже было замечено, даже не является элементом представительства, как негры на Юге. Таким образом, налогообложение и представительство в британской системе неразделимы, пока

речь идет о формах, хотя, по сути, именно рабочие классы, которые вообще не представлены, должны в конечном итоге платить все налоги. Ментальные привычки северян в 1776 году были сформированы по этому образцу; они видели только те случайные вещи, которые разделяют классы в Англии, такие как богатство, образование и т. д., и хотя у них было искреннее желание свободы, эта свобода была смутным, неопределенным, теневым чувством, а не точной идеей, опирающейся на факты, как в Виргинии. Однако непосредственная потребность в независимости и общий импульс побудили все стороны действовать слаженно ее достижения, и хотя великие истины, изложенные Джефферсоном в Декларации независимости, были намного выше тогдашнего интеллектуального стандарта Севера, они не противоречили ментальным привычкам северян настолько, чтобы помешать достижению общей цели. Но когда эта цель была достигнута - когда иностранное господство было свергнуто, а общая независимость обеспечена, и должна была быть создана новая политическая система, - возник конфликт идей, который оказался настолько серьезным, что многие хорошие и патриотичные люди некоторое время боялись, что он не может быть преодолен. Ведущие люди Севера - представительные люди - те, кто желал независимости от иностранного господства, но имел, в лучшем случае, смутные представления о свободе или новой политической системе - Гамильтон, Адамс, Моррис и другие - теперь вступили в серьезный конфликт с демократическими идеями Вирджинии. Они желали монархии без короля или республики без правления масс. Общее представление было таково: британская модель без ее недостатков, или британская система без ее пороков, и некоторые были так полностью привержены этому, что объявили ее, со всеми ее пороками, лучшим правительством в мире.

Лидеры, как правило, полагали, и часто выражали это, что общество *естественным образом* разделено на немногих и многих - образованное меньшинство и трудящееся большинство, - и поскольку таково было фактическое социальное положение населения, а также умственные привычки лидеров, нет ничего удивительного в том, что они стремились основать правительство на такой основе. Сельскохозяйственное население северных и средних штатов было тогда очень невежественным, если сравнивать с нынешним. Феодализм не так давно был свергнут в Англии и Европе, а крепостной превратился в крестьянина, и хотя американский фермер 1776 года был большим прогрессом по сравнению с последним, он все еще в значительной степени был частью той общей апатии, твердости и невежества, которые во все времена, вплоть до наших дней, в нашей собственной благоприятной стране, отличали земледельцев. Значительная часть населения Севера, занятая иным трудом, - механики, ремесленники, лавочники, рабочие и т. д. - в целом, как и в родной стране, не была представлена в провинциальных законодательных органах, а поскольку интересы образованных классов - капиталистов, купцов, юристов, богословов и т. д. - предполагались и фактически противоречили интересам первых, они всегда желали сильных правительств, которые бы поддерживали их порядок. Действительно, идея возвышения толпы, анархии, дикого правления сброда была постоянным ужасом лидеров Севера, и во всех аргументах Гамильтона, Адамсов и т. д. это выдвигалось на первый план. Их риторическая формула всегда была одна и та же: "Правление необразованной массы вырождается в самовольство и анархию, от которых страну может спасти только сильная рука какого-нибудь военного вождя, который, будучи сначала диктатором, в конце концов наденет пурпур, и *роль, которую* так часто играли в Старом Свете, повторится в Новом". Это представление и эти рассуждения были легитимными - последовательный результат социальных условий, а также результат унаследованных традиций северного ума. Капиталисты, все те, кто унаследовал богатство, "хорошо рожденный" и образованный класс, короче говоря, те немногие, кто имел власть в своих руках, естественно, стремились сохранить ее и создать сильное правительство; которое, хотя и приносило особую пользу им

самим, всегда должно было "сохранять порядок", то есть, будучи основанным на существующих социальных различиях, было достаточно сильным, чтобы подавить усилия толпы изменить социальное положение. У них не было негров, не было естественного субстрата в социальных элементах или естественных различиях общества. Перед их глазами не было ничего, кроме результатов случайности, случайностей жизни, ничего, кроме богатства и образования, ничего, короче говоря, кроме *обломков* старых обществ - тех классовых различий, которые в Старом Свете составляют основу политического и социального порядка, и их умственные привычки, их мнения, их представления о правительстве и его пользе, конечно, соответствовали этим вещам, и их умы были неспособны подняться над существующим состоянием, перепрыгнуть через барьеры и вырваться из внешних обстоятельств, которые их окружали. Несомненно, были и отдельные исключения - некоторые люди, глубоко проникшиеся великой идеей, провозглашенной Джефферсоном в Декларации независимости. В Средних Штатах было много тех, кто имел несовершенное, но прогрессирующее представление об этой славной истине, и еще большее число, возможно, тех, кто блуждал во тьме с неясным, но искренним желанием принять ее. Но доминирующая мысль, преобладающее мнение, общая ментальная привычка были отражены представительными людьми, великими лидерами Севера, Гамильтоном, Адамсом, Отисом и их соратниками, которые желали основать правительство по британскому образцу, которое, хотя и должно было быть большим улучшением по сравнению с прежним, должно было базироваться на том же фундаменте - ибо, по *их* мнению, по их ментальным привычкам, не было другого или, во всяком случае, другого *надежного* основания для правительства. Это были честные и патриотичные люди - люди одаренного ума и больших достижений - люди, испытанные тяготами и страданиями семилетней войны, через которую они прошли с жизнью в руках, и эшафот постоянно нависал над ними вдали, и чистота намерений, бескорыстные и патриотичные желания таких людей никогда не должны подвергаться сомнению. Они не могли подняться над обстоятельствами, которые их окружали; они не могли постичь великую идею мистера Джефферсона; они видели перед собой только классовые различия, богатых и бедных, образованных и работающих, и они хотели построить правительство на *status quo*, а потому требовали сильного правительства, которое всегда должно было сдерживать толпу и держать ее в подчинении своим "правителям".

Напротив, как уже говорилось, Виргиния отбросила ментальные привычки Старого Света, потомство давно переросло традиции своих предков; потомки английских кавалеров полностью изменили свои взгляды, а дети тех, кто придерживался доктрины "пассивного повиновения" и "непротивления", заявили, что "сопротивление тиранам - это повиновение Богу". Причина или причины этой удивительной трансформации мнений, этого радикального изменения ментальных привычек, благодаря которому потомки сторонников королевской власти стали родоначальниками и особыми поборниками демократии в Америке, уже рассматривались.

Присутствие негров, существование среди них представителей другой расы, было, есть и всегда должно быть испытанием, которое показывает нам ничтожность и даже пустоту тех искусственных различий, которые в других местах управляют миром и составляют основу политического и социального порядка.

Важность образования, воспитания, утонченности ума и манер, обладания богатством, семейного влияния и социальных отличий - все это можно должным образом оценить, поскольку все это имеет свою ценность или социальную значимость, но там, где есть

естественный субстрат общества, где разные и подчиненные расы находятся в сопоставлении, где негры существуют в сколько-нибудь значительном количестве и в естественном соотношении с белыми, тогда естественно следует, что великие естественные различия, навеки закрепленные рукой Всевышнего, становятся разделительными линиями и неподвижными ориентирами социального порядка.

Это радикальное изменение в ментальных привычках всех людей, оказавшихся лицом к лицу с негром, это инстинктивное сознание их собственного природного равенства, сопровождавшее их восприятие неполноценности негра; короче говоря, это развитие демократической идеи, которой мистер Джефферсон придал столь величественное выражение в Декларации независимости, сопровождалось и сопровождается соответствующим единообразием или гармонией интересов. Сельское хозяйство, труд, производство были и остаются одним большим доминирующим интересом Вирджинии и всех других сообществ, состоящих из этих разнообразных социальных элементов. Невозможно разделить интересы "хозяина" и "раба" - белого человека и негра - когда они находятся в естественном соотношении друг с другом. Хозяин максимально заинтересован в том, чтобы относиться к своему "рабу" по-доброму, заботиться о нем в болезни, хорошо кормить его, не переутомлять и не издеваться над ним, а последний максимально заинтересован в том, чтобы быть верным первому. Это своего рода партнерство, разновидность социализма, когда мозг одного существа и руки пятидесяти других работают на общее благо, на общее благосостояние; и хотя возможны исключения, когда жестокий хозяин избивает и издевается над своими людьми или никчемный "раб" убегает и прячется в болоте, оба одинаково вредят себе, хозяин получает меньше работы от своего "раба", а "раб" навлекает на себя соответствующее зло. Так называемый "нерабовладелец", если он земледelec, имеет тот же интерес; он тоже производитель и не может отделить свои интересы от интересов "рабовладельца", которым, возможно, он сам был вчера, а завтра может стать снова. Если же он механик, юрист, врач или торговец, то, хотя он и не отождествляется как производитель с "рабовладельцем" или "нерабовладельцем", и в некотором смысле можно сказать, что у него другие интересы, эти интересы не противоречат и не могут противоречить первым, если только, как в северных штатах, правительство не призвано "защищать труд". Но поскольку в Вирджинии и большинстве других южных штатов правительство ограничивается своей законной сферой и защищает всех, не оказывая предпочтения никому, то конфликта интересов не возникает, даже если некоторые занимаются совершенно иными делами, нежели один общий великий интерес - производство. Поэтому в южном обществе царит всеобщая гармония; интересы хозяина и "раба" полностью неразделимы, в то время как интересы "нерабовладельца", если он занят в производстве, схожи, а что касается всех остальных, когда они не связаны с правительством, хотя их занятия или интересы сильно отличаются, то здесь не может быть никакого социального конфликта.

Идеи Джефферсона, Мэдисона и их современников естественным образом формировались под влиянием этих обстоятельств, и после окончания революционной борьбы и создания общего правительства они, естественно, предложили систему, гармонирующую с тем состоянием, которое они представляли. Север, как уже говорилось, не имея ни социального субстрата, ни естественных различий, желал правительства, основанного на искусственных различиях, разделяющих классы, таких же, как в Англии, хотя, конечно, без титулованного сословия, короля и законов первородства. Правда, во всех штатах было по несколько негров, и все они находились в обычном состоянии так называемого рабства, но их количество было столь незначительным, что они не оказывали влияния на общество и не изменяли умственные привычки северян. Повсюду, и особенно в штатах Новой Англии,

представительные люди отражали одни и те же идеи; они хотели создать правительство, основанное *на статус-кво*, на богатстве, которое должно удерживать власть в руках тех немногих, кто ее осуществляет, и с достаточной силой, чтобы держать в подчинении толпу. Они предлагали пожизненную исполнительную власть, которая также должна была назначать губернаторов штатов, десятилетний срок полномочий сенаторов и другие проекты подобного характера - все они заканчивались или воплощали одну и ту же общую идею, то есть правительство для немногих за счет многих.

Южане, напротив, предлагали создать правительство, воплощающее *их* идею - идею демократии, которая должна отражать передовые взгляды и живой дух их собственного общества, а не основанное на модели британства и включающее в себя в основном принципы старого европейского порядка. Хотя они должным образом оценили образование, культуру, и другие случайные социальные различия, те, чьи идеи были продвинуты благодаря сопоставлению с неграми или с этой естественной линией разграничения, не стали бы слушать о создании центрального правительства, которое в любом отношении имело бы тенденцию передать власть в руки какого-либо класса или позволяло бы немногим, как бы косвенно это ни было, управлять многими. Борьба, как в конвенте, так и перед народом, приняла форму борьбы за сильное или слабое правительство - правительство, которое должно быть верховным, как британский парламент, или правительство делегированных полномочий, которое, будучи тщательно определенным, должно быть крайне ограничено в своих функциях и сфере действия. Но за всем этим стояли фундаментальные идеи - британская и американская, дух старых обществ и дух нового порядка - британской олигархии и американской демократии.

Массачусетс и Виргиния были, соответственно, штаб-квартирой и воплощением этого конфликта, этой борьбы идей, этих тенденций к возврату в прошлое или к движению в будущее, и, возможно, столь же примечательно, что первые выступают на стороне власти и привилегий, как и то, что потомки кавалеров должны быть теперь поборниками демократии и защитниками широчайшей свободы. Но, как уже было замечено, наши идеи - это результат случайности, наши мнения возникают в обстоятельствах, которые нас окружают, и поэтому, если ментальные привычки Севера были лишь слегка изменены по сравнению с привычками материнской страны, то ментальные привычки Юга, в совершенно иных условиях - условиях, на самом деле совершенно неизвестных английскому уму - были радикально иными.

Северные массы, как уже отмечалось, были тогда невежественны и беспомощны, а сельскохозяйственный класс, хотя и продвинулся значительно дальше, чем тот же класс в Англии, поскольку земледельцы тогда едва вырвались из старого феодального рабства или крепостного права, был совершенно бессилен и лишен защитников в великой гражданской борьбе, последовавшей за революцией. Против сторонников сильного правительства - тех, кто представлял правящий класс, - они не могли оказать никакого сопротивления, кроме физического и революционного. Избирательное право было очень ограничено, и, как и в Англии того времени, основой представительства была собственность, а не население, и поэтому подавляющее большинство не имело ни голоса, ни представительства. При таких обстоятельствах очевидно и не подлежит сомнению, что если бы подобное положение вещей существовало на Юге, то там было бы сформировано правительство по британскому образцу - республика, несомненно, но убудочная, с полномочиями настолько обширными и абсолютными, что, как мы сейчас наблюдаем в Европе, ничто, кроме революции и физической силы, не могло бы позволить массам свергнуть его или вернуть себе естественную свободу.

Но плантаторы Юга, в отличие от фермеров Севера, были образованным классом и вполне могли конкурировать с великими лидерами северной олигархии. Их идеи были гораздо шире, чем у фермеров Севера, но их *интересы* были идентичны - сельское хозяйство, производство, труд, демократия, мужское достоинство против привилегий, и поэтому они естественно боролись против сильного правительства и классовых различий. Принятое правительство, за исключением пожизненного пребывания в судебном департаменте, было в основном тем, которое первоначально советовали ведущие умы Юга, и которое, вместо того чтобы быть верховным и абсолютным над штатами, как того хотели лидеры Севера, было, за некоторыми четко определенными исключениями, таким же абсолютно бессильным и действительно связанным со штатами, как правительство Англии или любой другой иностранной державы. И, возможно, во всей истории не найти более высокого или более патриотичного примера, чем изящное согласие и признание лидеров Севера, когда они согласились принять нынешнюю систему. Как уже было сказано, их стремление к сильному правительству было продиктовано не эгоистичным или низменным духом. Они видели, что большая часть народа невежественна; вся история и весь опыт оправдывали, как они считали, сохранение власти в руках тех немногих, кто ею обладал, - словом, они не могли подняться над обстоятельствами, которые их окружали, или действовать иначе, чем в соответствии со своими умственными привычками. Но когда на съезде и на большом форуме народной дискуссии идеи Джефферсона и других лидеров Юга были справедливо опровергнуты, когда перед северными массами предстали тысячи искренних и восторженных апостолов этих новых и славных истин, то Гамильтон и его единомышленники великодушно согласились на принятие нынешней системы и стали ее горячими сторонниками. Они ни в коем случае не изменили своих взглядов на правительство, но убедились, что эти взгляды в то время были неосуществимы, и как бы ни было бесспорно их превосходство на Севере, что южные штаты никогда не согласятся ни на какой союз на такой основе, и поскольку федеральный союз почти на любых условиях был необходим морским штатам, у них хватило великодушия присоединиться к южным или демократическим взглядам, воплощенным в нынешнем правительстве, и стать, как уже было сказано, самыми горячими сторонниками его принятия перед народом. Но если этот патриотический и высокодуховный курс Гамильтона и великих лидеров северного мнения, который, можно сказать, обеспечил стране и миру самое благородное правительство, когда-либо известное в человеческих летописях, достоин уважения и восхищения потомков, то какое огромное и безграничное благо Джефферсон, Мэдисон, Джордж Мейсон и их единомышленники, которые не только согласились, но и создали это правительство, оказали на потомков, да и на саму расу!

Впервые в истории человечества великая идея равенства, равной свободы или равных прав, была объявлена единственной основой правительства и стала жизненно важным принципом политического порядка, отправной точкой новой и более славной цивилизации, чем та, о которой когда-либо мечтали в летописях человечества. Христос провозгласил Божественную заповедь: "Поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой", или признавай за всеми другими людьми те же права, которые ты требуешь для себя; Но как бы ни были некоторые верны этому повелению в религиозном смысле, все "христианские" правительства, которые когда-либо существовали или существуют сейчас, полностью противостоят ему, и поэтому правительство, созданное в 1776 году, воплотившее эту славную истину и облекшее ее в плоть, кровь, тело и кости материальной власти, несомненно, является самым важным мирским событием, которое когда-либо происходило в человеческих делах. Восстание против Англии, его успех, последующая независимость, создание нового правительства, начало независимого национального существования - все это могло произойти без радикального изменения принципов или революции идей, как,

несомненно, произошло бы, если бы взгляды Гамильтона и других лидеров Севера были воплощены в новом правительстве. Но великая идея Джефферсона, изложенная в Декларации независимости, а затем воплощенная в федеральном правительстве, стала отправной точкой революции, самой великой, самой благотворной, самой радикальной и самой важной, которая когда-либо происходила в истории расы, - революции, более того, которая продолжается с тех пор и должна продолжаться до тех пор, пока все правительства Старого Света не будут свергнуты, а общество не будет реорганизовано на основе великой, нерушимой и бессмертной истины, лежащей в основе нашей собственной - того фиксированного, естественного и неизменного равенства, которое Бог навечно запечатлел в организме расы. Поэтому, если сравнить заслуги Джефферсона, Мэдисона и их соратников с заслугами других людей в другие времена и в других странах, станет ясно, что они возвышаются до достоинства и значимости, неизмеримо превосходящих даже самых возвышенных и самых прославленных из благодетелей человечества. Как ничтожны в сравнении с ними бароны Рунимеда, свергнувшие короля-тирана, угнетавшего их орден! Как подлы и эгоистичны Брут и его последователи-заговорщики, убившие человека, которому они завидовали и которого боялись! Как ничтожны даже Хэмпден и великие вожди революции в Англии, боровшиеся за защиту от усиливающегося гнета правящего класса, по сравнению с Джефферсоном и его соратниками, провозгласившими идею и организовавшими основу для свободы расы - для равных прав всех, кого Бог сделал равными!

Но как бы ни были велики и, по сравнению с тем, что могли сделать другие, как бы ни были огромны блага, предоставленные человечеству Джефферсоном и его соратниками, они лишь выполняли свой долг и честно представляли идеи и желания своих избирателей. Или, другими словами, они просто выражали мнения и отражали умственные привычки, которые зародились в социальном положении и стали необходимым следствием соседства с неграми. Если бы в Виргинии не было негров, не было бы расы с разными способностями и потребностями, которую нужно было бы обеспечивать, словом, если бы не было естественных различий, то те случайные и искусственные вещи - богатство, образование, семейная гордость и т. д., - которые разделяют классы, оставались бы, как и везде, основой политического и социального порядка. Потомки английских кавалеров с их традициями и ментальными привычками, возможно, были бы несколько либерализованы, поскольку их состояние сильно изменилось по сравнению с состоянием их предков, но без негров, без наличия естественных различий, без этих линий разграничения, навсегда закрепленных рукой Божьей для общества, на которых оно должно покоиться, они остались бы самым аристократическим сообществом в Америке. Ни о Томасе Джефферсоне, ни о ком-либо из великих контролирующих умов того времени не было бы слышно; или, во всяком случае, они не играли бы ту великую *роль*, на которую их всегда ставила история, - авторов новой идеи и основателей новой политической системы.

Возможно, у них, как у сэра Томаса Мура и Алджернона Сидни, да и у людей всех веков, были слабые проблески великой истины, провозглашенной в 1776 году. Все, кто принадлежит к расе или виду, созданы равными; и этот великий, неизменный и вечный факт, заложенный в физическом и психическом организме расы, всегда смутно воспринимался, но без сопоставления с другой расой, без фактического присутствия негра, без постоянного ежедневного восприятия тех естественных различий, которые разделяют расы, в отличие от искусственных различий классов своей собственной расы, ни Джефферсон, ни кто-либо другой не смог бы подняться до уровня великой истины, воплощенной в Декларации независимости. Они *могли бы* стать выдающимися актерами в великой драме независимости, но это, как историческое событие, ничем не отличалось бы от множества

подобных событий, когда один народ или часть народа отделялись и создавали независимое правительство. Свержение мавританского владычества в Испании, господства испанцев в Голландии и недавняя независимость Бельгии - это параллельные события, и можно назвать множество других, где иностранное господство было свергнуто и установлены новые правительства, не приведя к каким-либо изменениям или прогрессу идей, или не совершив фундаментальной революции в человеческих делах. И если бы Джефферсон, Мэдисон и их соратники обладали такими же умственными привычками, как Гамильтон, Адамс и другие представители Севера, очевидно, что независимость не сопровождалась бы революцией в идеях. Как уже говорилось, была бы установлена более либеральная система, чем та, что была в материнской стране, но новая система, радикальное и фундаментальное изменение политического порядка - новая точка отсчета в прогрессе расы - правительство, основанное на всеобщем равенстве граждан, как это было на самом деле, очевидно, было бы невозможно. И поскольку государственные деятели страны никогда не могут подняться выше уровня среднего мнения или обычных умственных привычек народа, столь же очевидно, что Джефферсон и его соратники никогда бы этого не сделали, а значит, если бы не было такого положения вещей, которое дало начало новым идеям и новым привычкам мышления в народе Вирджинии и других мест, где эти сильно различающиеся социальные элементы находились в союзе, то столь же очевидно, что мир никогда бы не услышал о них в 1776 году, и что бы ни принесли время и обстоятельства в будущем, никакая революция в то время была бы невозможна".

Таким образом, в заключение повторяется то, что было скорее предположено, чем прямо сказано. Присутствие негров на этом континенте, наше столкновение с совершенно иной и низшей расой и существование естественных различий или естественных линий разграничения в человеческом обществе, порождающее по необходимости новые идеи и способы мышления, было самым счастливым соединением, которое когда-либо случалось в человеческих делах, и привело непосредственно к установлению новой системы и новой цивилизации, основанной на фундаменте вечной истины - юридическом и политическом равенстве расы или всех тех, кого Всемогущий Творец Сам сделал равными.

ГЛАВА XXII. СОЮЗ СЕВЕРНЫХ И ЮЖНЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ.

В предыдущей главе было показано, как "рабство", или присутствие негритянского элемента в нашей среде, дало начало американской идее демократии, более широким и правдивым представлениям о наших истинных отношениях друг с другом, ментальным привычкам, которые привели г-на Джефферсона к провозглашению "Рабства". Джефферсона к провозглашению великой идеи равенства в 1776 году, к превращению этого великого движения в революцию идей, а также в войну за независимость, к тому, что последняя стала лишь предварительным этапом для вступления в новую политическую систему, основанную на равных правах гражданства, и отправной точкой новой цивилизации, широко и радикально отличающейся по своей фундаментальной идее от всего, что когда-либо было известно в политическом опыте человечества. Было показано, что Гамильтон и Джефферсон, соответствующие лидеры и выразители противоположных идей и тенденций того времени, просто отражали ментальные привычки, которые принадлежали к различным социальным

условиям, существовавшим в то время, или различным группам населения, которые они представляли, и после того, как великая борьба за независимость, которую они гармонично прошли, была завершена и должна была быть создана новая система правления, идеи Джефферсона в целом возобладали и было создано нынешнее правительство, воплощающее эти идеи.

Кроме того, было показано, что оба этих великих человека и те, кто действовал вместе с ними, были одинаково честны и одинаково патриотичны; что ни один из них не мог подняться выше уровня мнений в своих соответствующих секциях, поскольку тогда они перестали бы быть представительными людьми и не смогли бы влиять на народ; Что мнения Гамильтона отражали ментальные привычки Севера, который цеплялся за формы и дух британской системы, основанной на искусственных различиях, в то время как Джефферсон, отражая с такой же верностью ментальные привычки, возникающие в других социальных условиях - где подчиненная раса находится в союзе - выступал за демократическую систему, опирающуюся на фиксированные и нерушимые законы природы. И в свете всех этих исторических и индуктивных фактов вывод был признан неотразимым: присутствие негритянского элемента в нашей среде, существование естественного субстрата в социальных элементах, который таким образом обеспечил свободу нашей собственной расы - юридическое и политическое равенство белых людей - было самым счастливым событием или стечением обстоятельств, когда-либо происходившим в истории человечества. Но хотя великие лидеры Севера таким образом согласились на создание демократической системы, их побуждали собственные тенденции, а также ментальные привычки их народа нейтрализовать ее силы и извратить ее дух. В тот период избирательное право было крайне ограничено, а сельскохозяйственный класс в северных штатах - по сравнению с нынешним - можно сказать, был крайне невежественным.

Таким образом, северная, или федеральная, партия получила возможность завладеть новым правительством и направить его в нужное русло, как того, несомненно, требовали их мнения и интересы. Сам президент - прославленный Вашингтон - не имел определенных политических убеждений. Его инстинкты и семейные традиции, как полагают, склоняли его в сторону северной партии, в то время как местные тенденции мнений - общие ментальные привычки виргинцев рассматривать расовые различия как законную основу политического порядка - в целом сдерживали его, а в могучем конфликте мнений удерживали его на нейтральной позиции. Он сформировал свой кабинет из совершенно несочетаемых материалов, сделал Джефферсона государственным секретарем, а Гамильтона - министром финансов и, выбрав других выразителей противоречивых мнений, попытался нейтрализовать противоборствующие силы путем равного подбора подчиненных из враждебных лагерей.

Общественный кредит, восстановление коммерческого доверия были первыми и самыми насущными потребностями страны и нового правительства, и в этом Гамильтон нашел предлог для принятия британской системы финансов, которая, как он предвидел, позволит его партии в значительной степени восстановить позиции, утраченные при создании правительства, и на практике, какой бы ни была теория, восстановить его или приблизить к его любимой модели - той любимой британской системе, которую он и его единомышленники считали воплощением политической мудрости. Идея британской аристократии о том, что правительство - это инструмент, созданный для их блага, была глубоко внедрена в сознание северян и остается таковой до сих пор.

В Англии эта идея просто зародилась. Официальная работа, пенсии и специальное законодательство или монополии в Англии охватывают всех или почти всех представителей правящего класса, а значит, из этого неизбежно следует идея, что правительство создано

для их блага. Эта идея о правительстве в целом принята северным умом даже в наше время, и привычка смотреть на эту огромную и благотворительную власть как на источник материальных благ для народа, если не для класса, почти универсальна среди северных людей.

Гамильтон, воспитанный в британской системе, глубоко проникся ею, и, оказавшись у власти, вполне естественно, что он и его единомышленники истолковали Конституцию таким образом, чтобы привести ее в действие. Долги штатов, взятые для ведения войны, были взяты на себя новым правительством и стали основой для национального банка, который был вскоре создан, и быстрое восстановление общественного кредита, которое последовало за восстановлением общественного порядка и устоявшегося общества в молодой и энергичной стране, было заявлено федеральными авторами как доказательство мудрости их политики и необычайных способностей их лидера.

Мистер Джефферсон с самого начала выступал против этой политики во всех ее аспектах - принятие британской системы финансирования, принятие на себя долгов штатов, создание национального банка, короче говоря, вся программа федеральной политики. Он придерживался взглядов демократии штатов наших дней, что центральное правительство - это фиктивное и ограниченное правительство, чьи полномочия исходят не от коллективного народа, а от народа нескольких или *Соединенных Штатов*, что Конституция должна быть истолкована буквально, а практика в соответствии с ней строго ограничена четко перечисленными целями, и, следовательно, создание национального банка, принятие на себя долгов штатов и т. д. неконституционны в принципе и опасны на практике.

Гамильтон и его партия, напротив, считали, что принятая ими финансовая политика не только самая мудрая из всех возможных в данных обстоятельствах, но и что последствия, которые могут последовать за ней, - укрепление власти и престижа центрального правительства - будут максимально полезны для народа. Действительно, старая борьба между Массачусетсом и Виргинией - конфликт идей - война совершенно разных ментальных привычек, которая предшествовала созданию правительства и привела к его появлению, - возобновилась и сопровождалась ожесточением духа, совершенно неизвестным в прежнем случае. Гамильтон, под влиянием мнений северян, на практике, если не в теории, всегда предполагал, что центральное правительство возникло из коллектива американского народа, а не из народа штатов, и было почти неограниченным в своих полномочиях, и он, несомненно, верил, что чем больше расширяются его полномочия, тем безопаснее и стабильнее станет страна и более благополучным народ. Ему не удалось получить такое правительство, которого он особенно желал, - правительство по английской модели, республиканское по форме, но аристократическое по сути, правительство, основанное на искусственных различиях, которые ментальные привычки Севера привыкли считать единственной надежной основой, и теперь, находясь у власти, с престижем великого имени Вашингтона, поддерживающего его политику, он, несомненно, считал себя патриотом и выполняющим жизненно важную услугу своей стране и потомкам, когда он таким образом истолковывал Конституцию и консолидировал полномочия федеральной системы.

Действительно, страх перед народом - безрассудной и беспорядочной толпой - был неизменным чувством великих северных лидеров, и консолидация, власть и величие центрального правительства, которое должно было сдерживать их, были целью всех их усилий. Таким образом, именно те цели, на которые нацелились федералисты - несомненно, из патриотических побуждений, поскольку при отсутствии законов первородства не существовало постоянного класса, который мог бы выиграть от их политики, - были теми самыми вещами, которые г-н Джефферсон и его друзья рассматривали как величайшую

опасность для страны. Гамильтон хотел истолковать Конституцию таким образом, чтобы создать огромную центральную власть, которая должна сдерживать тенденции к дезорганизации и беспорядку, в то время как Джефферсон считал, что, чем больше будет взято на себя полномочий и консолидирована власть в федеральной системе, тем больше будет опасность для свободы штатов и народа.

Иными словами, федералисты считали, что чем больше расширяется центральная власть, чем больше масштабы и сила федерального правительства, тем больше уверенности в том, что штаты будут удержаны от воссоединения, а беспокойные толпы - от анархии, а Джефферсон и его партия полагали, что это принятие власти центральным правительством приведет к свержению самого правительства, если не будет другого способа добиться восстановления и сохранения штатов и народа штатов свобод, за которые они боролись в 1776 году. Такова была великая гражданская борьба, разразившаяся под управлением Вашингтона, но постоянно сдерживаемая присутствием этого великого человека, который, не имея никаких определенных пристрастий в отношении сторон, участвующих в ней, был, кроме того, исключительно практичен и искренне склонялся к примирению и миру, а не к абстрактным мнениям той или иной стороны. Поэтому только во время правления Адамса этот фундаментальный конфликт идей - конфликт, который затрагивал самые основы правительства как такового и который, помимо непосредственных действующих лиц, зарождался в различных ментальных привычках, вытекающих по необходимости из различных социальных условий, - достиг своей кульминации и подготовил почву для окончательного решения, которое впоследствии было достигнуто великой гражданской революцией 1800 года.

Федералисты, или, правильнее сказать, централисты, истолковали Конституцию таким образом, чтобы сделать правительство на практике таким, каким, по их мнению, оно должно было быть в теории. Они переняли британскую систему финансов, создали национальный долг и национальный банк, который, как и в Англии, должен был стать агентством по хранению и выплате государственных доходов, а также, исходя из необходимости, огромную и всепоглощающую монополию, которая должна была держать кредит штатов и каждого человека в штатах в своей власти. Фактически, штаты быстро превращались в зависимые и подвластные провинции огромной и всепоглощающей власти центрального правительства, которое, не довольствуясь своими узурпациями над штатами - на практике почти стирая границы государственного суверенитета, - даже стремилось уничтожить свободу отдельного гражданина, а в своих законах об иностранцах и мятеже осуществлять абсолютную власть. Эти законы позволяли президенту заключать в тюрьму и наказывать граждан и других лиц по своему усмотрению, при этом гарантии для гражданина были не больше, чем в абсолютных правительствах Старого Света, если вообще были.

Федеральная партия воплощала британскую идею правительства, и их представления о свободе мало чем отличались от представлений родной страны, если вообще отличались. Свобода в Англии заключается в равной защите личности и собственности в обычном смысле этого слова, но поскольку свобода, по сути, заключается в равном гражданстве или равном голосе при создании законов, которым все должны подчиняться, то, конечно, те, кто не имеет права голоса или голоса при принятии этих законов, являются в этой степени рабами. Политика федералистов заключалась в том, чтобы ограничить это великое естественное избирательное право, и во всех штатах, где они занимали господствующее положение, они стремились к этому, что было вполне законно и соответствовало их основной идее правительства. Столь же последовательной и законной была их привычка ожидать от правительства материальных выгод, поскольку, как уже говорилось, такая

практика существовала в Англии, и идея или теория, возникшая на ее основе, была глубоко запечатлена в сознании северян. Поэтому, пока федералисты стремились консолидировать власть в руках федерального правительства и ослабить штаты, все корыстные и меркантильные интересы того времени естественным образом притягивались к партии, чья государственная политика таким образом благоприятствовала и приглашала к сотрудничеству.

Конфликт труда и капитала - страшный антагонизм между теми, чей труд производит все богатство, и теми, кто владеет богатством, произведенным прошлыми поколениями рабочих, - лежит в основе всех революций и гражданских волнений современности, ибо он затрагивает весь предмет управления, а также все те могучие социальные пороки, которые так уродуют и деформируют европейское общество. В Англии этот конфликт, в одном смысле, достиг своего крайнего предела, в то время как в другом отношении он, можно сказать, менее активен или менее ощутим, чем где-либо еще.

Те немногие, кто владеет богатством, произведенным прошлыми поколениями, являются самыми богатыми в мире, в то время как те многие, кто производит все богатства настоящего, несомненно, являются самыми бедными!

Те, кто производит все, не получают ничего, а те, кто не производит ничего, получают все! Один выдающийся политический экономист оценил нынешнее богатство Англии и заявил, что при равном разделении каждый мужчина, женщина и ребенок в Англии имел бы десять тысяч фунтов или пятьдесят тысяч долларов, и при этом полагает, что существует десять миллионов людей, которые никогда не владеют ни одним долларом сверх своего ежедневного содержания! Землей владеют около тридцати пяти тысяч собственников, многие из которых имеют большие парки на многие тысячи акров, заполненные дичью и оставленные необработанными, в то время как миллионы мужчин и женщин их собственной расы - их собственного рода - не имеют ни пяди земли, которую Бог предназначил для общего пропитания и комфорта всех! Разумеется, образование, нравственное развитие и счастье должны идти рука об руку с этими вещами; более того, при оценке благосостояния человеческих масс всегда следует признавать истину, что их нравственное и физическое благополучие неразделимы.

Никто, каким бы невежественным или предвзятым ни был сторонник британства или "британской свободы", не может ни на минуту предположить, что такие потрясающие результаты, как эти, или такое социальное состояние, как в Англии, могут быть вызваны естественными причинами. Все они одной расы, с одинаковыми природными способностями и потребностями, а если и есть какие-то различия или природная неполноценность, то они находятся внутри правящего класса, чьи междоусобные браки среди земельной аристократии ухудшили их кровь и опустили их ниже нормального уровня.

Таким образом, именно правительство - устройство или политическая машина, с помощью которой были достигнуты эти грандиозные результаты, - вырыло эту могучую пропасть между существами, которых Всемогущий создал одинаковыми, а потому запретил любые правительственные различия.

Представление о том, что правительство должно улучшать их положение, следовательно, делать их богаче и счастливее, зародилось в Англии, и те, кто, подобно федералистам, формировал все свои представления о правительстве по британскому образцу, стремились, естественно, использовать его в этих предполагаемых благотворных целях. На Севере существовал тот же социальный конфликт, что и в Англии. Капиталист или работодатель был заинтересован в том, чтобы получить всю возможную рабочую силу с минимальными

затратами, в то время как рабочий, естественно, стремился получить как можно более высокую зарплату, а взамен отдать как можно меньше труда.

Капиталисты, состоятельные люди, профессионалы, торговцы, в общем, все классы северного общества, кроме сельскохозяйственного, были привлечены к федеральной партии, и, кроме того, спекулянты и прожектеры всех мастей, естественно, тянулись в том же направлении. Эти классы, охватывающие все богатство, культуру и социальное влияние того времени, сплотились в поддержку федеральной партии, которая, имея в своих руках правительство, престиж власти и почти всех интеллектуальных людей того времени на своей стороне, была неодолимой, насколько это касалось Севера. Производящие классы, фермеры и рабочие - только те, кто по природе своей был против его политики или чьи реальные интересы противоречили ей, - были тогда сравнительно беспомощны. Избирательное право было крайне ограничено, и, хотя сельскохозяйственный класс значительно превосходил остальные, они были невежественны, не имели проводников и были совершенно беспомощны в руках федеральных лидеров. Федеральная партия, как уже говорилось, так истолковав конституцию, узурпировала власть, что сделало правительство в значительной степени таким, какое они изначально хотели создать, а массы, не имея разумных лидеров, были бессильны сопротивляться. И любой, кто здраво оценивает положение дел в северных штатах во время правления старшего Адамса, должен прийти к неопровержимому выводу, что массы - трудящиеся и производящие классы - были совершенно неспособны освободиться от гнета этой партии, если не прибегать к физической революции и призыву к оружию. Они составляли большинство, но избирательное право принадлежало в основном владельцам собственности, рабочие, механики, ремесленники и т. д. были, как и в Англии, лишены избирательных прав; в то время как сельскохозяйственные классы, хотя и значительно продвинулись вперед, несомненно, по сравнению с теми же классами в Старом Свете, все же были крайне неграмотны и невежественны, а потому бессильны. Политика федералистов была абсолютно такой же, как и в Англии, то есть правительство было машиной или инструментом, с помощью которого немногие, которые ничего не производят, должны были пользоваться всем, а многие, которые производят все, не должны были пользоваться ничем. В новой стране, с дешевыми землями и девственными почвами, может пройти много веков, прежде чем будут достигнуты те ужасные результаты, которые сейчас проявляются в Англии, но процесс был тот же самый - действовали те же самые причины, и те же самые результаты обязательно последовали бы, различаясь лишь в степени.

Если бы Союз ограничивался северными штатами, у масс не было бы никаких разумных перспектив свергнуть навязанный им гнет, прибегнув к революции и физической силе. Они составляли огромное большинство, это правда, но без лидеров, без образования, интеллекта или престижа любого рода, их судьба была предрешена, их подчинение определено, их рабство неизбежно. Это была бы старая история заново - восстание народа против своих угнетателей в 1776 году, чтобы снова подвергнуться другим притеснениям в 1796 году - смена одного хозяина на другого; хотя, несомненно, поскольку все усилия расы были направлены на прогресс, определенное продвижение к лучшему состоянию. Но, к счастью для человечества и дела свободных институтов, в Вирджинии и других штатах Юга существовало совершенно иное положение вещей.

Как уже говорилось в другом месте, негритянский элемент был здесь неподвижен и настолько значителен, что в отношении него требовались правила и нормы. Его нужно было обеспечить; его возможности, его потребности, его нужды, короче говоря, согласовать с потребностями и благополучием доминирующей расы. Законодательным органам колоний,

как и законодательным органам штатов в наши дни, постоянно приходилось принимать законы и устанавливать правила для этого подчиненного социального элемента, а также для самих себя, и поэтому у них сформировались привычки мышления, которые значительно отличали их представления о правительстве от тех, что были у жителей Севера.

Там не было социальных конфликтов; у всех были одинаковые интересы, и если один человек унаследовал богатство, а другой не имел ничего, кроме своего труда, то они никогда не вступали в конфликт, потому что первый никогда не искал помощи правительства, чтобы облагодетельствовать себя за счет своего менее удачливого соседа. На Севере, если гражданин получал в наследство десять тысяч долларов, он вкладывал их в какую-нибудь специальную корпорацию - банк, мануфактурную компанию или что-то еще, - которая была основана на специальном законодательстве, и, возможно, вдвое увеличивал свой доход, который, конечно же, черпался у рабочего, производителя, класса, создающего все богатство.

В Виргинии, напротив, если гражданин получал в наследство десять тысяч долларов, он вкладывал их в земли, в промышленные способности негров, короче говоря, в труд; и хотя сам он, возможно, ни часа не трудился своими руками, он по необходимости становился производителем, с теми же общими, универсальными и неделимыми интересами всех других производителей и рабочих, и поэтому никогда не обращался за помощью к правительству. Действительно, правительство не могло и не может в настоящее время издавать законы в пользу - особую пользу - плантаторов Юга, фермеров или производителей Севера; и со дня своего создания и до настоящего момента не было ни одного акта Конгресса или федерального правительства, который был бы конкретно выгоден Югу. Конгресс, правда, *мог бы* "защитить" хлопок, пшеницу или другие основные продукты, которые поставляют производители обеих частей, но это была бы "защита", столь же бесполезная для заинтересованных сторон, сколь и безвредная по своим результатам для других классов и интересов среди нас.

Ясный ум Джефферсона очень рано уловил эти узы промышленных интересов между южным плантатором и северным фермером - рабовладельцем Юга и рабочим Севера - и объявил их "естественными союзниками" в назревавшем тогда великом конфликте. Плантатор или "рабовладелец" Юга не просил от правительства ничего, кроме защиты. Он вырос в условиях, когда не существовало никаких социальных конфликтов. Не было никаких противоположных интересов, никаких классовых различий - ничего, что могло бы взывать к его эгоизму или ослеплять его суждения. Общество *естественным образом* делилось не на богатых и бедных, как в других странах, а на белых и негров, и, поскольку последние принадлежали первым, не было никаких противоречий, никаких мотивов или возможных побуждений использовать правительство в качестве инструмента для особой выгоды какого-либо органа. Таким образом, старое европейское представление о правительстве, которое цеплялось и до сих пор цепляется за умы северян, что правительство должно регулировать религию, торговлю, промышленность и т.д. страны, было разрушено, и современная и истинно американская идея о том, что оно должно просто защищать всех одинаково и не давать преимуществ никому, стала общей идеей населения Юга; и, более того, великого сельскохозяйственного населения центральных штатов, насколько она могла найти свое выражение. И если таково было общее представление Вирджинии и других штатов Юга о собственном законном правительстве, они, конечно, не позволили бы федеральному и фиктивному правительству, опирающемуся на делегированные и строго определенные ограничения власти, быть извращенным по своему духу и превращенным на практике в машину, как в Англии, для получения выгоды другими за их счет. Поэтому южные штаты,

особенно Вирджиния и Кентукки, собрались в своих законодательных собраниях, посоветовались с другими штатами и в знаменитых резолюциях Кентукки и Вирджинии 1798 года приняли декларацию принципов и обязались проводить политику, которая всегда будет служить истинными ориентирами наших государственных и федеративных систем до тех пор, пока республика или, более того, сама американская свобода будет благословлять мир и освещать человечество.

Эти резолюции предлагали общую платформу для сельскохозяйственных штатов, для производящих классов всех секций, для масс, миллионов, короче говоря, для всех людей, которые верили в американскую идею правительства и требовали равных прав для всех и поправок ни для кого.

Таким образом, средние штаты, великое сельскохозяйственное население Севера, которое без посторонней помощи и в одиночку было бессильно перед федеральной партией, возглавляемой интеллектком и поддерживаемой богатством и социальным престижем Севера, оказались естественным образом в союзе с сельскохозяйственным населением Юга, которое возглавляли люди, вполне равные по общим достижениям и значительно превосходящие по политическим знаниям великих северных лидеров. Эти люди - Джефферсон, Мэдисон, Джордж Клинтон и их соратники - уже победили в великом интеллектуальном состязании, предшествовавшем созданию правительства, и хотя в предстоящей великой битве централисты заняли выгодную позицию, поскольку их банки, долги штатов и консолидированная федеральная власть привлекли на свою сторону все эгоистические интересы и корыстные влияния в стране, первые снова одержали победу и в великой гражданской революции 1800 года вернули правительство, по выражению Джефферсона, на "республиканскую стезю". Это восстановление федерального правительства в соответствии с его первоначальными целями, безусловно, уступает по важности только революции 1776 года, и без нее очевидно, что плоды первой были бы в значительной степени утрачены. Как мы уже видели, северные массы в то время были совершенно не в состоянии противостоять противостоящему меньшинству, которое объединяло в своих рядах богатство, талант, образование и общественное влияние того времени. И хотя оно составляло большинство по численности, оно было бессильно даже в отношении физической силы, поскольку у него не было лидеров, которые могли бы направить его энергию или успешно справиться с тем блестящим набором способных и опытных гражданских лиц и солдат, которые собрались вокруг администрации и руководили советами федеральной партии. Если бы правление федералистов со временем стало личностно угнетающим - если бы та личная "свобода", которая в Англии позволяет *подданному* пользоваться передвижением по своему усмотрению и защищает его личность от насилия, была отменена, то можно предположить, что северные массы оказали бы сопротивление и, возможно, в ходе будущего свергли бы такое правительство.

Но правительство, фактически установленное федералистами, - ложное построение Конституции и узурпации на практике, которые держали бы производящие классы - трудящиеся миллионы - в таком же или подобном подчинении правящей олигархии, как это наблюдается сейчас в Англии, и которые, Ввиду всех существовавших в то время обстоятельств, казалось бы, не в их силах изменить или реформировать их путем гражданской революции, подобной той, что произошла в 1800 году, или свергнуть их сильной рукой физической силы. Поэтому великая гражданская революция, когда способные и опытные государственные деятели Юга, равные им по таланту и значительно превосходящие любой класс христианства в политических знаниях, провели производящие классы Севера через великий конфликт, который тогда назревал, и, свергнув централистов,

восстановили правительство в его первоначальной чистоте и простоте, должна считаться, как уже было сказано, лишь второй по важности после великого события 1776 года.

А социальное положение на Юге, так называемое рабство, неизменно делающее южного плантатора естественным союзником северного фермера, должно считаться, как это, очевидно, и есть на самом деле, единственной или, во всяком случае, главной причиной успешного функционирования демократических институтов, поскольку именно оно изначально было единственной и неоспоримой причиной возникновения великой американской идеи правления, воплощенной в Декларации независимости. Последствия так называемого рабства - существования подчиненного социального элемента на Юге, который таким образом, с большей или меньшей степенью непосредственности, вытравил равенство, свободу и счастье трудящихся классов Севера - не ограничиваются нашей собственной землей или нашим собственным народом. Как уже было замечено, конфликт капитала и труда - это великий вопрос дня, вопрос, лежащий в основе всех европейских революций современности, и его решение должно, по необходимости, повлечь за собой уничтожение всех существующих ныне правительств, кроме нашего собственного. *Капитал* в старом мире имеет образование и интеллект, а также правительство на своей стороне против народа, и тот простой факт, что в половине американских штатов капитал и труд едины, неразделимы и неразрывны, имеет огромное значение для будущего освобождения трудящихся миллионов Европы.

Здесь - впервые за всю историю расы - богатство, культура и интеллектуальная мощь выступают на стороне производства и в защиту прав труда, причем не путем войны с северным капиталом, как это иногда утверждается, а требованием, чтобы правительство не принимало законов в интересах последнего за счет первого. Подчиненный элемент - низшая раса в нашей среде, которая по Божьему провидению стала посредником или непосредственной причиной столь огромных и безграничных благ для свободы, прогресса и благосостояния высшей расы, - также не имеет права на участие в этих благах. Бог предназначил все Свои создания для счастья, и это счастье всегда обеспечено, когда они находятся в своем истинном положении и в естественных отношениях друг с другом; и когда состояние негра сравнивается с его африканским состоянием - существующее население с их африканскими прародителями - тогда видно, что прогресс и счастье низшей расы совпали *pari passu* с теми, что были у высшей расы.

ГЛАВА XXIII. БУДУЩЕЕ НЕГРА.

В Америке насчитывается около двенадцати миллионов негров на материке и прилегающих островах - возможно, в силу их промышленной приспособленности, столько же, сколько и представителей европеоидной или доминирующей расы; поэтому, какими бы ни были случайности или желания будущего, сейчас, по-видимому, нет необходимости в дальнейшем импорте этих людей. Из двенадцати миллионов на Юге в нормальном состоянии находятся от четырех до пяти миллионов. Есть, возможно, полмиллиона так называемых свободных негров, примерно поровну поделенных между Севером и Югом. В Бразилии, на Кубе и в Порто-Рико насчитывается около четырех миллионов так называемых

рабов, которые на самом деле находятся в состоянии, сильно отличающемся от обычного для Юга. Наконец, в тропиках, на Ямайке, Хайти и других островах, насчитывается от трех до четырех миллионов так называемых свободных негров, несколько тысяч из которых, однако, разбросаны по прибрежным городам и на материковых *территориях*. Свободный негр в Американском Союзе, как уже было сказано, обречен на вымирание. Вопрос лишь во времени, когда эта участь свершится. Переписи населения и всеобщий опыт признают эту прискорбную истину; но помимо них и независимо от каких-либо демонстраций их вымирание является необходимостью - такой же закономерной и неизбежной, как и любой другой *эффект* или эффекты, связанные неизбежной необходимостью с их предопределяющей причиной или причинами. Их не просто отпустили на волю - бросили на произвол судьбы без хозяев или защитников, которые бы присматривали за ними, - их принимают за кавказцев, *черно-белых* людей, существ, подобных нам, с теми же способностями и теми же желаниями, и хотя никто не предполагает, что они должны делать это индивидуально, *общество* заставляет их жить в соответствии с данной теорией, а поскольку это невозможно, поскольку никакая человеческая сила или силы не могут отменить предписания Вечного, оно уничтожает их. Если бы, например, были приняты законы об изменении цвета кожи, волос, формы конечностей или любого *физического* качества негра, и вся мощь государства была бы направлена на него, чтобы заставить его быть похожим на белого человека в этих отношениях, очевидно, что ничего нельзя было бы сделать, кроме уничтожения несчастного существа. Способности, потребности, моральная и интеллектуальная природа негра отличаются от наших в той же степени, в какой его физическая природа или телесное строение отличаются от наших, и поэтому Северное общество, или, скорее, та чудовищная и злобная филантропия, которая в своем невежестве и слепой нечестивости считает себя доброй и благодетельной, обязательно разрушает объект своей заботы, когда стремится дать ему права белого человека или заставить его изменить свою моральную и интеллектуальную природу в соответствии с белым человеком.

Если бы всех детей в возрасте десяти лет в данной общине выгнали из дома на улицу и оставили без естественных защитников, которые бы заботились и обеспечивали их потребности, они бы со временем погибли, конечно, если бы мы могли предположить, что они останутся в этом возрасте или состоянии. Но если в дополнение к такому отказу от этих беспомощных детей будет выдвинута теория, что они *обладают* всеми способностями взрослого человека и, следовательно, должны пользоваться правами и выполнять обязанности мужчин и женщин, то они, разумеется, погибнут еще быстрее. Если собака, или лошадь, или другое домашнее животное окажется на свободе или потеряет хозяина, оно рано или поздно погибнет, но если какой-нибудь заблуждающийся "филантроп" предположит, что его бультерьер, например, имеет права и должен наслаждаться жизнью гончей, и попытается заставить его проявлять те же качества, нюх, зрение или быстроту, которыми Бог наделил последнего, он, конечно, уничтожит бедняжку с гораздо большей скоростью, чем если бы просто выпустил ее на свободу, чтобы она сама себя нашла. Аналогичные результаты приносит и должна приносить та злобная филантропия и слепая нечестивость, которая навязывает права и обязанности белого человека иначе организованному и иначе одаренному негру. В Вирджинии и Мэриленде его просто выпускают на свободу без всякого проводника, защитника или прав белого человека, даже без права свободного передвижения, обычного для британских подданных, и, следовательно, он живет дольше, потому что нет никаких особых попыток насилия - никаких прямых усилий, чтобы заставить его жить жизнью или проявлять природу совершенно других существ. Но в Канаде и Массачусетсе, где белое мужское достоинство ценится так дешево, что негр считается имеющим те же права, и предпринимаются прямые усилия, чтобы заставить его выполнять те же обязанности, где маленький принц Уэльский во время своего

недавнего визита заявил, что не признает тех расовых различий, которые зародились в разуме Вечного и созданы рукой Всемогушества, которые никакая человеческая сила, глупость, нечестие или преступление не могут стереть даже до миллионной доли первобытного атома, и которые через миллионы лет после того, как исчезнут эти ничтожные различия человеческого изобретения, превращающие этого заурядного паренька в мнимое превосходство над своими собратьями, он быстро и жалко погибнет.

Тенденция к вымиранию, таким образом, всегда ускоряется или ослабевает ровно в той мере, в какой ему навязывается "беспристрастная свобода" - когда ему разрешают "пользоваться равными правами" с белым человеком, или когда невежество и глупость, в своей слепой и жестокой доброте и истребительной доброте, стремятся заставить его проявить природу и жить жизнью другого существа. Это утверждение, несомненно, поразит читателя, как когда-то наверняка поразило бы и самого писателя. Мы все настолько привыкли к ментальным привычкам, прямо противоречащим этому утверждению, что нам довольно трудно отвлечься от них и по-настоящему осознать факты, причем факты индуктивные, которые ежедневно сталкиваются с нами.

Негр - существо, отличное от белого человека, и потому, по необходимости, был предназначен Всемогушим Творцом для иной жизни, и пренебрежение этим - закрывать глаза и слепо биться мозгами о декрет - вечную цель Самого Бога - и заставлять негра жить *нашей жизнью* - неизбежно уничтожает его, ибо, конечно, человеческие силы не могут преобладать над силами Всемогушества или отступать от них. Негр также не единственный страдалец от этого слепого нечестия, этой дерзкой попытки пренебречь различиями и отойти от целей Всемогушнего Творца. Большое количество "свободных" негров в Мэриленде и Вирджинии сильно мешает их процветанию, и если сотню тысяч или около того этих людей заменить таким же количеством белых рабочих или, более того, таким же количеством "рабов"-негров, то быстро последуют широкие и благотворные перемены. Кроме того, они порочны, а также праздны и непродуктивны, и каждый из них - мешающая сила, опасный элемент, который, в сочетании с этими отвратительными уродцами, обезумевшими от чудовищной теории, как те злоумышленники в Харперс-Ферри, всегда может стать орудием страшного зла. Последствия появления пятидесяти тысяч "свободных" негров на фоне трех миллионов белого населения Нью-Йорка едва ощутимы, но поскольку едва ли один из пятидесяти этих людей занят производительным трудом, они являются значительным бременем для работающих и производящих граждан. Правда, они этого не видят и не чувствуют - множество честных и трудолюбивых граждан в сельских районах глубоко заинтересованы в "деле свободы", но при этом каждый день отдают определенную часть своего труда на содержание примерно пятидесяти тысяч негра, не занятого производительным трудом. В городах и крупных населенных пунктах пороки и безнравственность белых также тесно связаны с этим свободным негритянским элементом.

Негр в своем нормальном состоянии обладает привлекательными качествами. Он не деградирует, ибо никто из Божьих созданий не деградирует от природы, а его верность и привязанность к хозяину и его семье иногда достигают такого достоинства, которое сделало бы честь белому человеку. Нет также никаких предрассудков или ненависти между расами, когда они находятся в истинных отношениях друг с другом. Можно месяцами, а может быть, и годами путешествовать по Югу и ни разу не стать свидетелем столкновений или малейших беспорядков между ними; напротив, часто можно увидеть проявление добрых чувств, даже когда негр не принадлежит тем, кто их проявляет. Негр находится в таком социальном положении и в таких отношениях, которые соответствуют его природе, его потребностям, целям, к которым его приспособил Бог, короче говоря, живет своей собственной жизнью, и

поэтому все хорошее, здоровое в его нравственной природе, как и в физической, проявляется должным образом. Но на Севере, где он вырван из своей естественной сферы и вынужден жить жизнью другого существа, он проявляет те же нравственные недостатки, что и в своей физической природе. Он - социальное чудовище, и хотя его подчиненная природа делает его менее склонным к совершению больших преступлений, чем превосходящий его белый человек, склонность к мелким безнравственным поступкам у него почти всеобщая. Некоторые, правда, воспитанные в благополучных семьях, и другие, почти белые, избегают общей деморализации этого народа, но таких случаев, вероятно, немного - моральные дефекты идут рука об руку с физическими, и, поскольку они постоянно ведут к болезням и смерти, они также ведут к всеобщей безнравственности. И поскольку было бы странно, самом деле, если бы Провидение наложило грехи доминирующей расы только на этих бедных существ, они, как уже было замечено, широко ассоциируются с пороками белых. Со слабым восприятием моральных обязательств, с сильной склонностью к животным поблажкам любого рода и полным отвращением к производительному труду, они собираются в городах; и социальная изоляция, которой они подвергаются, а также отсутствие моральных чувств среди них, делает их в значительной степени орудием пороков и разврата белых.

Таким образом, не только непроизводительность негра - бремя, абсолютный налог, налагаемый на трудящиеся классы, - но и деморализация этого ненормального элемента, этого социального чудовища, наносится обществу в качестве законного и неизбежного наказания за то, что оно поставило негра в ненормальное состояние. Бог создал его негром - другим и неполноценным существом, и, следовательно, предназначил его для другого и неполноценного социального положения. Общество, или государство, проигнорировало работу Всевышнего и объявило, что он должен занимать такое же положение и жить жизнью белого человека; в результате трудящиеся и производящие классы обременены его содержанием, а общество, в определенной степени, отравлено его присутствием. Для негра это смерть - неизбежная смерть, как она всегда должна быть для всех существ, людей или животных, которым запрещено жить той жизнью, которой их благословил Бог, или жить в соответствии с теми условиями, которые Он на них наложил. Поэтому окончательная гибель несчастных существ - лишь вопрос времени. Великое "антирабовладельческое" самозванство нашего времени, основанное на незнании народом нескольких фундаментальных истин в области этнологии и политэкономии, наконец достигло кульминации, и немногие, если вообще кто-либо, из этих людей когда-либо будут освобождены, или, как это называется, манумитированы. Можно сомневаться, будут ли они возвращены в общество и полезны на Севере, но необходимость и гуманность, несомненно, подтолкнут к такой политике на Юге; но, в любом случае, совершенно точно, что как класс они вымрут, и через сто лет можно предположить, что в Америке не будет такого социального чудовища, как "свободный негр".

Но другой и гораздо более неудобный вопрос представляет собой свободный негроид за пределами Американского Союза, и этот вопрос сейчас стоит перед нами на Кубе, Ямайке, в Хайти, Мексике и по всей линии нашей южной границы. Это опасность, единственная опасность так называемого вопроса о рабстве, и она включает в себя возможности, о которых страшно подумать, хотя они вряд ли опасны, если бы наши люди были по-настоящему просвещены в этом вопросе.

В предыдущей главе было показано, как климатические и промышленные законы управляют нашим смешанным населением, и, без малейшего вмешательства правительства, негритянский элемент идет именно туда, где его собственное благополучие, а также

благополучие белых граждан и общие интересы цивилизации требуют его присутствия. Этот закон промышленной адаптации перенес его из северных портов в центральные штаты, из последних - в пограничные штаты, а теперь, с еще большей активностью, несет его из Вирджинии и т. д. в штаты Персидского залива, и если позволить ему двигаться дальше, устранив все препятствия на пути его прогресса, то наступит время, когда негритянское население Нового Света окажется в центре существования, где оно было создано и где Всемогуший Творец обеспечил его благополучие. Секционная партия на Севере, воспользовавшись народным невежеством и приняв закон, запрещающий неграм существовать там, где лучше всего подходит белый труд, не смогла бы этим единственным актом нанести какой-либо практический ущерб общественному строю Юга. Такой акт действительно был бы нарушением духа федерального договора, и, как дополнение к враждебной политике иностранных врагов республиканских институтов, его моральные последствия были бы полны бед; но, отделенный или не объединенный с британской политикой свободного негра, он был бы безвреден, ибо, как однажды заявил мистер Вебстер, он был бы только "исполнением воли Божьей". Но, как уже было замечено, опасность всего этого вопроса лежит за пределами Американского Союза, и если верно, что среди нас есть значительное число людей, недовольных демократическими институтами, то каждый человек, выступающий против существующего положения или так называемого рабства, как бы он ни был невежественен, в определенной степени является орудием врагов этих институтов; И политика любой такой партии, равно как и действия любого из нас, будь то в согласии с любой такой партией или независимо от нее, ради одного и того же общего объекта или цели, становится изменой, причем изменой самой злой и отвратительной, какую только может представить себе разум, ибо она затрагивает естественное превосходство белого человека над негром, а также постоянство, мир и процветание нашей республиканской системы. Испанские, а тем более португальские завоеватели Америки никогда не проявляли того здорового природного инстинкта, который сохраняет целостность рас, так универсально, как это делали англо-американцы. Они смешивались и объединялись с индейцами или аборигенами без особых колебаний; и хотя они всегда проявляли определенное отвращение к равенству с еще более подчиненными неграми, они в значительной степени смешались, а значит, значительно ухудшили и разрушили себя.

В Бразилии насчитывается около четырех миллионов негров, которых называют рабами, но держат их скорее узы материального интереса, чем природа, как у нас. Там много мулатов и дворняг, часто высокообразованных, обладающих огромным богатством, разумеется, со всеми преимуществами, которые дают эти вещи, когда общество не опирается на естественные различия. Мулат или дворняга в Вирджинии или Миссисипи может быть предоставлен самому себе или быть так называемым свободным человеком, но он никогда не может быть гражданином - никогда и ни в чем не может быть наделен юридически социальными атрибутами, в большей степени, чем он может природными атрибутами белого человека. Но в Бразилии, да и на Кубе, мулат, дворняга или негр может по закону стать гражданином, может владеть рабами, короче говоря, может быть искусственно наделен правительством всеми "правами", которые природа - сам Бог - запретила или запрещает. Белый человек на Кубе - раб иностранного владычества, и это же иностранное владычество, лишая его естественных прав, той же произвольной силой принуждает негра к юридическому равенству с ним. В Бразилии произвол меньше, но низкий уровень мужественности белого элемента, его широкая связь и последующая деградация с подвластной расой сделали его неспособным ни к пониманию свободы, ни к пользованию свободными институтами. Негр, который был рабом, однажды становится гражданином, со всеми законными правами белого человека, и, если он наследует богатство, дает образование своим детям и т.д., то эти искусственные и случайные вещи, вместо различий

природы, становятся линией разграничения в обществе. Если плантатор имеет семью детей от своих негров-рабов, дает им образование и оставляет им свое богатство, то они становятся влиятельными гражданами, членами правительства и т. д., а также лидерами моды, возможно, в Рио-Жанейро и других городах. Белый человек настолько деградировал, инстинкт расы настолько извращен, чувство превосходства настолько тупо, короче говоря, природа кавказца настолько полностью испорчена обширными связями с подданными расы, что естественные различия больше не являются линией разграничения, а богатство, случайность и т. д., как в Европе и как когда-то хотели федералисты, являются основой политического и социального порядка. На Кубе все обстоит несколько иначе, поскольку здесь определенное влияние оказывают американский инстинкт расы и высокая оценка мужественности, присущая всем обществам, основанным на порядке природы. Но даже на Кубе, в нашем собственном районе, в нескольких часах плавания от нашего побережья, общество покоится на искусственной основе, и то, что называется рабством, скорее связано с денежными соображениями, чем с расовым вопросом.

Таким образом, социальное положение, или так называемое рабство, может быть свергнуто в любой день в Бразилии или на Кубе, поскольку, опираясь на имущественные, а не природные различия, свойственные нам, не существует постоянной гарантии социальной безопасности, и, учитывая политику Англии в этом вопросе и ее влияние в Бразилии, мы не должны удивляться, услышав в любой момент, что вспыхнула революция и рабство было свергнуто во всех частях Бразильской империи. Этот результат, который может произойти в любой момент и который только обстоятельства могут затянуть на неопределенный срок, кажется, в конечном итоге неизбежен, поскольку белый элемент с каждым днем становится все более слабым и немощным; И без умственной и нравственной силы, без здорового инстинкта расы, способного поддержать ее среди таких развращающих и растлевающих тенденций, без того высокого чувства мужественности, которое делает американского "рабовладельца" идеальным типом и полным воплощением силы и мощи великой господской расы человечества, без естественного превосходства белого человека, сдерживающего это негритянское и беспородное население, рано или поздно оно обязательно вырвется из-под всех законных ограничений, и в любой момент вся социальная структура может рухнуть в полную и безнадежную гибель. Американцам, желающим сохранить американские институты и американскую цивилизацию, будет полезно прислушаться к этому и хорошо подумать о неопределенных и прогнивших основах социального порядка в Бразилии и на Кубе, которые, будучи уже фатально подорванными, могут в любой момент, как уже было сказано, рухнуть в огромную массу свободного негроида и таким образом стать частью того больного, чудовищного и безымянного состояния, которое невежество, и глупость, и самозванство, и ненависть к американской демократии объединились, чтобы извратить язык, а также одурманить разум и назвать свободой.

В других местах было показано, что негр, изолированный в Африке, находится в естественном состоянии, поскольку он размножается сам по себе, но что он находится в нормальном, здоровом, образованном или цивилизованном состоянии на Юге, поскольку тогда он размножается с гораздо большей скоростью, чем в состоянии изоляции, и, следовательно, *должен* быть более гармоничным с теми фиксированными и вечными постановлениями, которые Бог предписал для управления всеми Своими созданиями. Было также показано, что негр, брошенный и предоставленный самому себе в Виргинии и т. д., вымирает, но, конечно, менее быстро, чем на Севере, где преобладает представление о том, что он такое же существо, как и они сами, и поэтому в своих попытках заставить его проявлять те же качества, или, другими словами, навязать ему те же "права", он быстро

стремится к вымиранию. Но есть еще одна фаза свободного негроида, гораздо более обширная и опасная для республиканских институтов и будущей цивилизации Америки.

Негр - существо тропиков, и его труд необходим для выращивания тропических и тропикоидных продуктов, которые, в свою очередь, необходимы для счастья и благополучия всего человечества. Но, как было показано, его *психический* организм делает его неспособным - так же абсолютно и неизбежно, как *физический* организм белого человека делает его неспособным к тропическому производству. За короткий срок, отведенный в этой работе для рассмотрения этой жизненно важной и судьбоносной истины, автор смог представить лишь несколько основных фактов в ее поддержку, но эти *факты* настолько ошеломляющи, что ни один рациональный и честный ум в христианстве не решится оспаривать данную истину. Более того, можно утверждать без всякой случайности или возможности исторического противоречия, что за весь опыт человечества не было известно ни одного случая, когда изолированный негр или труд белого человека обрабатывали бы почву или выращивали продукты тропиков. Разум белого человека и тело негра - интеллект самой возвышенной и промышленные способности самой подчиненной из всех известных человеческих рас - составляют, таким образом, элементы и движущие силы тропической цивилизации. Каждый ум, способный рассуждать, знает, что цивилизация невозможна без производства, а производство в великом тропическом центре нашего континента навсегда абсолютно и неизбежно невозможно без труда негров, направляемого, контролируемого и управляемого высшим разумом белого человека, поэтому совершенно несомненно, что социальные отношения, которые английские писатели приучили мир считать условием рабства, это просто та социальная адаптация промышленных сил подчиненной расы, которая необходима не только для их собственного благополучия, но и для благополучия всего человечества, и без которой не может существовать то, что мы называем цивилизацией в значительной части Америки, как не может быть жизни без пищи или света без солнца. Это очевидно и даже неизбежно для тех, кто находится в фактическом соседстве с неграми. Но в Европе, где есть только белые люди, а негры, индейцы, малайцы и т. д. в народном воображении - существа, похожие на них самих, за исключением цвета кожи, и нуждаются только в цивилизации, как они полагают, чтобы быть похожими на других, было легко возбудить общественное чувство, враждебное процветанию жителей тропиков. Теория или, скорее, догма о единой расе, о том, что все человечество представляет собой единое целое, а негры, индейцы и т. д. имели общее происхождение и общую природу, а значит, и общие права, была выдвинута английскими писателями во время конфликта с американскими колониями; а доктор Джонсон, со свойственной ему грубостью выражений, заявил, что "виргинские рабовладельцы громче всех вопиют о свободе" - тем самым, совершенно неосознанно, сделав им комплимент, когда он полагал, что наносит язвительный удар особой жестокости.

Доктрина Декларации независимости вызвала отклик в Европе, а Французская революция, так близко следовавшая за Американской, грозила свергнуть всю социальную структуру Старого Света и перестроить его правительства на основе великой американской идеи, провозглашенной Джефферсоном. Чтобы противостоять этим тенденциям, английские государственные деятели того времени пытались отвлечь внимание людей от их собственных несчастий на выдуманные несчастья негров, и Уилберфорс, доктор Джонсон и другие торийские лидеры и писатели положили начало тому всемирному заблуждению и самозванству, которое, прикрываясь именем свободы, нанесло ей, вероятно, больше вреда, чем все другие влияния вместе взятые за последние семьдесят лет. Предположение о единой расе, что негр - *это черно-белый* человек, и поэтому он имеет право на все права белых людей, естественно, привлекло внимание и вызвало симпатии английских масс, и

когда предполагаемые несчастья негра в Америке были противопоставлены их собственным, последние, несомненно, казались совершенно незначительными в сравнении.

Поэтому английское правительство начало проводить политику "борьбы с рабством", которая, начавшись с отмены "работоторговли", продолжается с тех пор, и хотя она привела к обнищанию и, по сути, разрушила некоторые из лучших провинций Британской империи, в настоящий момент она так же открыто, определенно и энергично проводится, возможно, даже более активно, чем в любой другой период с момента ее начала. Мистер Кэлхун и другие предполагают, что так называемая эмансипация негров на британских Вест-Индских островах произошла в духе коммерческого соперничества, и для того, чтобы монополизировать производство тропической продукции в своих ост-индских владениях, они были готовы полностью пожертвовать своими вест-индскими колониями. Нет никаких сомнений в том, что британские государственные деятели повсеместно верили, что примеру, который они собирались подать нам в этом отношении, последует всеобщая "эмансипация" в Соединенных Штатах, как, собственно, ей последовали все европейские правительства, владеющие американскими владениями. Но хотя этого ожидали все в Англии и, можно сказать, это было главным мотивом их действий, не стоит полагать, что британские государственные деятели руководствовались духом коммерческого соперничества или на мгновение поверили в то, что они разрабатывают грандиозный план по обеспечению монополии на тропические продукты. Политика, начатая Питтом за сорок лет до этого, естественно и неизбежно завершилась "эмансипацией" 1832 года, хотя желание нейтрализовать народное волнение, царившее в то время в связи с парламентской реформой, несомненно, ускорило действия правительства. Английские государственные деятели могут быть неспособны и, вероятно, неспособны объяснить мотивы своей "антирабовладельческой" политики, но они никогда не заблуждаются и не признают ее жизненной важности для сохранения своей системы. Демократия и аристократия неизбежно антагонистичны во всех своих тенденциях, и прогресс, сила и распространение первой неизбежно влекут за собой падение и разрушение второй. И поскольку именно Юг - "рабовладельцы", штаты и люди, чья социальная жизнь опирается на естественные различия, всегда наносили самые смертельные удары по британской системе и, как заявил старый тори, доктор Джонсон, восемьдесят лет назад, были самыми горячими сторонниками свободы, британские государственные деятели, в свою очередь, желали разрушить состояние, столь опасное и противоречащее их собственному.

Действительно, они не могут избежать войны с социальным строем Юга. Это необходимость, существующая в природе вещей и спонтанно возникающая из обстоятельств, составляющих противоположные условия, и поэтому с 1776 по 1860 год эта война, открытая или тайная, на поле боя или на еще более опасной арене общественного мнения, велась непрерывно. Их система основана на искусственных различиях - вещах человеческого изобретения; наша - на естественных различиях - тех, что навечно закреплены рукой Всевышнего; и пока Англия является американской державой, ее политика должна находиться в конфликте с нашей собственной. Если бы она когда-нибудь увенчалась успехом - если бы двенадцать миллионов негров на этом континенте можно было заставить выйти из обычного состояния подчиненности в законное равенство с белыми, - то очевидно, что демократические институты стали бы неосуществимыми. Простого изложения соответствующих фактов, казалось бы, достаточно, чтобы убедить любой американский ум, не испорченный британскими взглядами, в том, что британская политика "борьбы с рабством" является неотъемлемой частью британской системы и, следовательно, должна продолжаться до тех пор, пока она либо не уничтожит наши республиканские институты, либо Англия, да и все другие европейские правительства и европейские влияния не будут изгнаны из Нового

Света. *Причины* вест-индской "эмансипации", таким образом, лежат глубже, гораздо шире по своему охвату и неизмеримо более смертоносны по своим последствиям, чем любые временные схемы коммерческого соперничества, как предлагает мистер Кэлхун, чтобы монополизировать тропические продукты.

Они наносят удар по национальной жизни - по сердцу республиканизма, по фундаментальному принципу, лежащему в основе нашей системы, по вечной истине, что все, кто принадлежит к расе, созданы свободными и равными; И если это когда-нибудь удастся, если наш народ когда-нибудь станет настолько развращенным в своих взглядах и настолько развратным в своих инстинктах, что согласится с британской политикой "против рабства" и "отменит рабство" - исказит и превратит себя в равных с неграми, то не пройдет много времени, как формы и дух республиканизма исчезнут из Нового Света, и что бы ни случилось в течение веков, все, ради чего трудились Вашингтон и Джефферсон и славные духи 1776 года, будет потеряно для человечества.

Поэтому, пока британские и монархические писатели трудились над тем, чтобы развратить нацию в глубине души - обмануть разум и развратить инстинкты нашего народа - чтобы внушить ему, что негр - такой же человек, как и он сам, и что инстинкты, которыми Бог наделил его для руководства в этих вопросах, были недостойными предрассудками - что удерживать это низшее и отличное от нас существо в подчиненном социальном положении, соответствующем его нуждам и нашему собственному благополучию, было неправильно - злом, грех - короче говоря, "порабощение его" - пока европейские писатели и их двойники среди нас занимались тем, что развращали интеллект великого народа, британское правительство неустанно трудилось над тем, чтобы претворить их учения в жизнь и "отменить рабство" во всех своих американских владениях. Подсчитано, что за последние семьдесят лет было потрачено около пятисот миллионов денег на проведение британской политики "борьбы с рабством", на отмену естественного превосходства белого человека над негром, на стирание различий, установленных Всемогущим Творцом, и на уравнивание тех, кого Он создал неравными. Эти огромные расходы, разумеется, выжимаются из труда, пота и страданий английских трудящихся, и для выплаты ежегодных процентов по ним каждый рабочий в Англии вынужден отдавать определенную часть своего ежедневного труда, который таким образом вырывается из уст его детей для проведения политики, враждующей со свободой в Америке, но которая благодаря чудовищным заблуждениям дня выдается за благороднейшую филантропию! Аристократия, класс, всего лишь часть народа, возложила это непомерное бремя на своих братьев, свою расу - тех, кого Бог создал равными себе, - чтобы стереть различия, которыми Всевышний разделил белых людей и негров; Или, другими словами, чтобы сохранить свои различия - те, которые они придумали, которые отделяют их самих от их братьев, - британская аристократия заложила тела и души нерожденных поколений своего рода в нечестивой и бесплодной попытке уничтожить различия, разделяющие расы, и уравнивать белых людей и негров в Америке. Проценты за один год от этой огромной суммы, этого могучего бремени, возложенного на рабочие классы Англии, потраченные на народное образование, несомненно, откликнулись бы широкомасштабной революцией и полным уничтожением тех, кто под видом филантропии или освобождения негров в Америке возложил на народ это непомерное бремя.

Несколько лет назад ужасное распоряжение Провидения на соседнем острове за короткий промежуток времени уничтожило около трех миллионов человек, но если бы ежегодные проценты, выплачиваемые по долгу, взятому под предлогом оказания помощи неграм в Америке, были направлены на помощь ирландцам, возможно, все или почти все эти несчастные белые люди были бы спасены. Действительно, разумно предположить, что если

бы деньги, взятые у ирландских рабочих в течение последних семидесяти лет и потраченные на предполагаемое благо негров, были направлены на их помощь во время голода в Ирландии, то погибли бы немногие, а то и все, и это ужасное бедствие никогда не было бы изуродовано в летописи человечества.

Некоторые невежественные и поверхностные люди прославляют это чудовищное несчастье, причиненное невежественным и беспомощным представителям их собственной расы, под предлогом оказания помощи неграм. Если бы это было так - если бы вместо почти равного зла для негра это принесло ему безграничное благо - преступление против их собственного беспомощного и несчастного народа - бедных, невежественных, перегруженных работой и недокормленных трудом миллионов представителей их собственной расы - все равно вряд ли нашло бы себе аналог в истории человеческих злодеяний. Но оно совершило еще большее преступление против белого населения островов, поскольку обрекало его на вымирание - не на поглощение негритянской кровью, как уже объяснялось, а на полное вымирание - этот результат просто вопрос времени. Таковы, вкратце, причины и результаты, насколько это касается доминирующей расы, британской политики "борьбы с рабством", которая, начавшись во второй половине прошлого века, неуклонно и энергично продолжалась и, вероятно, несмотря на все ее неудачи в отношении заявленных целей, в данный момент является более энергичной и активной, чем когда-либо прежде. Все острова теперь, независимо от того, принадлежат ли они Англии или другим европейским державам, в значительной степени переданы неграм. Правительства являются лишь средством для достижения этого конечного результата. Англия, например, посылает на Ямайку губернатора, секретаря и нескольких других чиновников, возможно, для осуществления управления этим островом. Губернатор, вероятно, выбирает свой совет из белого элемента по той причине, что интеллект негра некомпетентен для выполнения возложенных на него функций, а что касается более важных официальных должностей вообще, то они, по той же причине, заполняются белыми людьми или теми, в ком преобладает белая кровь. Но политика правительства направлена на то, чтобы передать власть в руки чернокожих, и поэтому все подчиненные официальные должности занимают эти люди, как, впрочем, и все более высокие и важные места, если бы у них было достаточно ума для надлежащего выполнения функций.

Иностранная держава - аристократия Старого Света - использует механизм, приспособление или вещь, называемую правительством, чтобы истребить белое население на этих островах и передать их под власть негров. В английской системе политическое или официальное положение, в отличие от нашей, имеет социальную значимость, и негр, являющийся членом законодательного собрания или магистрата на Ямайке, в социальном смысле возвышается над белым, не занимающим официального положения, независимо от того, каковы его притязания в других отношениях. При одинаковых юридических и политических правах, одинаковых школах, при значительном преобладании численности и большинстве официальных должностей в их руках, что при британской системе всегда придает социальную значимость, вся деятельность правительства направлена на то, чтобы возвысить негра в социальной шкале и принизить белого человека. Разумеется, межрасовые браки или родство - это отвратительное смешение крови разных рас, которое Бог вечно запрещает и так страшно карает вымиранием, - являются прямым и необходимым следствием этой правительственной политики.

Не так давно английская королева посвятила в рыцари негра, и поскольку это фактическое возвышение поставило его в социальном положении гораздо выше нетитулованного белого мужчины с Ямайки, белая модница, несомненно, задушила бы инстинкты, данные ей Богом

для руководства, и осквернила бы свою женственность союзом с этим существом, которое Бог сделал низшим, но которое женщина, находящаяся за четыре тысячи миль от нее, была рада сделать равным себе. Таким образом, правительство - все правительства Британских островов, да и всех других европейских держав - это просто инструменты, которые используются для того, чтобы возвысить негра и низвести белого человека до общего уровня, уравнивать расы, стереть различия, навсегда установленные рукой Всемогущего, и сделать негра равным белому человеку. Это не отрицательная или *беззаботная* политика, не нейтральное или равнодушное желание применить теорию и оставить ее работать на себя, не просто абстрактная декларация о том, что все равны и поэтому должны быть свободны подниматься или опускаться по социальной шкале в соответствии со своими заслугами; напротив, правительство - это активный и всемогущий механизм, постоянно работающий, чтобы заставить негра подняться, а белого человека опуститься до общего уровня. И вполне вероятно, что люди в Англии считают такую политику справедливой и правильной. Негры значительно преобладают по численности, почему бы им не занять большинство должностей? Их обижали и угнетали, они лишены образования, и поэтому высшие должности должны заполняться белыми людьми; но почему бы им не занять все места, на которые они годятся? Так, несомненно, думают те европейцы, которые, совершенно не зная негра, считают его человеком, похожим на себя, разве что цветом кожи. Но человеческое невежество и нечестие не могут изменить Его вечные постановления или переделать дела Всемогущего. Респектабельная женщина средних лет в Англии может "посвятить в рыцари" негра и заявить, что таким образом *она* делает его выше обычных белых мужчин, но черная кожа, шерстяные волосы, плоский нос, грубый организм и полуживотные инстинкты, заложенные рукой Вечного, останутся такими же, неизменными и неизменными навсегда. Все, что возможно с женщиной средних лет и теми, кто ее окружает, - это развращать, развращать, разрушать, истреблять, убивать свою кровь, обрекать белых людей этих островов на участь более ужасную, чем всеобщая резня, свалившая белых на Сан-Доминго. Процесс вымирания, стремительно уничтожающий белое население этих островов, уже рассматривался, но здесь его можно изложить еще раз, поскольку он влечет за собой столь грандиозные последствия, что о нем следует кричать во всеуслышание, как о землетрясении. Юридическое и политическое равенство негров неизбежно влечет за собой социальное равенство везде, где они преобладают по численности, а когда в обществе не признаются расовые и кровные различия, когда инстинкт, данный нам Богом для защиты целостности организма, развращен и растоптан ногами - когда, короче говоря, "предрассудки против цвета кожи" утрачены, - тогда такие развращенные существа без колебаний создают эти отвратительные союзы, порождающие потомство мулатов. А когда вся сила правительства направлена против "предрассудков", восстающих против социального равенства - отвратительное родство, чудовищная примесь крови, мерзкая непристойность, которую они могут назвать браком, следует с такой же уверенностью. Но результат этой примеси - жалкое потомство - болезненное и бесплодное - имеет определенный предел, и вопрос времени, когда он полностью исчезнет. Любой человек, задумавшийся на минуту над этим вопросом, то есть любой американец, чьи инстинкты здоровы и верны, несомненно, предпочтет, чтобы его потомство скорее исчезло с лица земли, чем смешалось с кровью негров; а поскольку белая кровь на Ямайке и т. д. быстро смешивается с негритянской, и без иностранного добавления к белому элементу она вскоре должна быть повсеместно испорчена основным сплавом; и поскольку все дворняги должны в конце концов погибнуть, несомненно, что судьба белых людей на этих островах гораздо более плачевна, чем судьба тех, кто был внезапно вычеркнут из жизни на острове Хайти.

Политика Англии в этом отношении повсеместно принята на других островах. Первым шагом была война с "работорговлей", затем "эмансипация", затем активная деятельность

правительства по насаждению теории единой расы, заставляя негров подниматься, а белых опускаться до отвратительного, но, конечно, невозможного уровня; ведь те, кого они превратили в отвратительное подобие равенства, должны в конце концов погибнуть, а во всем тропическом центре континента, в конечном счете, вымереть. Между тем труд, производство и цивилизация стремятся к такому же общему вымиранию с белой кровью. На Ямайке, Барбадосе и некоторых других островах, где еще сохранилось значительное количество белого населения, негр, несмотря на влияние правительства, держится в определенной узде. Он мало работает, это правда, но на небольших участках земли он выращивает бананы и другие продукты, которые в этом благоприятном климате позволяют ему жить в определенном комфорте (для него), и таким образом - в то время как то же самое существо быстро погибло бы в Массачусетсе - он размножается. Ужасная торговля монголами или кули, с тех пор, как негры были освобождены от труда на островах, позволила владельцам некоторых из бывших процветающих плантаций продолжать их возделывание и в некоторых местах получать почти прежнюю продукцию, и таким образом обманывать мир и вводить в заблуждение тех, кто хочет быть обманутым в отношении непродуктивности свободного негра.

Но, как уже было показано, негр не работает и не может работать в нашем понимании этого слова. Его доминирующая чувственность не позволяет ему этого делать, а его ограниченный интеллект, как у ребенка, не позволяет ему трудиться ради отдаленного результата или отказывать себе в сиюминутных удовольствиях, чтобы приобрести конечное благо. В своем естественном состоянии, изолированном от белого человека, он использует свои мощные чувства для удовлетворения своих насущных потребностей, и, когда нет зимы или бесплодных сезонов, с которыми приходится бороться, и когда ему благоприятствует почва с ее многочисленными и питательными плодами, спонтанно растущими вокруг него, ему остается только срывать и есть. Таким образом, он живет, размножается и наслаждается животным существованием, которое для нас кажется достаточно жалким, и, по сравнению с его состоянием на юге, действительно достаточно жалкое; но к этому он быстро стремится на Вест-Индских островах, и вся мощь британского и других европейских правительств быстро вынуждает его к этому состоянию.

В Хайти он уже близок к этому окончательному состоянию - к тому изначальному африканизму, к которому он стремится во всей тропической Америке. Семьдесят лет назад мулаты восстали против белых; они возбудили и побудили негров присоединиться к ним; белые - всего двадцать пять тысяч - были уничтожены или изгнаны с острова. Затем начался конфликт между ними; мулаты и дворняги, в свою очередь, были истреблены или нашли убежище в Сан-Доминго, испанской части острова, а негры, хозяева поля, с их природными наклонностями без контроля, без проводников или хозяев, наконец достигли кульминации в лице *Солоука* - типичного негра, змеепоклонника и *Оби-мена*, как вождя или императора.

Когда в 1803 году французская экспедиция под командованием генерала Ле Клерка не смогла вернуть остров, а хайтяне, хотя их независимость и не была признана Французской республикой, смогли, благодаря помощи англичан, занять положение независимой державы, они начали свое национальное существование, особенно благоприятное во многих отношениях. Мулаты - как правило, дети французских хозяев - были высокообразованны, многие из них были отправлены в Париж с этой целью еще в детстве. На их стороне было сочувствие французского народа, да и всего мира, ведь худшие тираны и угнетатели Европы, всеми силами старавшиеся подавить свободу белых людей, были тогда, как и сейчас, глубоко заинтересованы в свободе черных. Кроме того, они пользовались как физической, так и моральной поддержкой Англии, и у них не было ни одного врага в мире,

который мог бы помешать их прогрессу. Но, несмотря на отсутствие внешних врагов и войн, которые могли бы сдерживать их продвижение, а также на самый благоприятный климат и самую плодородную почву в мире, они быстро скатились к своему естественному африканизму.

Внутренние беспорядки, как сейчас в Мексике, сразу же начались среди дворняг, кровопролитие и несчастья всех видов преобладали до тех пор, пока этот элемент не был неизбежно уничтожен, и твердый, праздный и бесполезный дикаризм Африки стал основной характеристикой этих людей. Только две причины сдерживали тенденции к африканизму - белая кровь и окружающая цивилизация. Беспородный элемент, хотя и постоянно уменьшающийся в численности, естественно, управлялся, пока не стал настолько слабым, что *Солоук*, типичный негр, воплощение африканизма, фетишизма и поклонения Оби, захватил верховную власть и положил начало савагизму. Недавно несчастный случай отодвинул этого достойного человека в сторону и поставил у власти некоего *Джеффрарда, грифа*, или "цветного", или мулата, который называет себя президентом, но он, несомненно, скоро уступит место какому-нибудь негритянскому вождю. Тем не менее, в Хайти все еще присутствует значительное количество белой крови, и поэтому истинное состояние негров - естественное состояние в изоляции, состояние, в котором они всегда находились и в котором они всегда должны оставаться, будучи изолированными от кавказского человека, - еще не полностью восстановлено. Опять же, окружающая цивилизация - контакт с европейцами и американцами, коммерция или торговля фруктами, растущими почти спонтанно, с немногими духами-авантюристами, всегда привлекаемыми на такую плодородную почву, как Хайти, - возможно, всегда будет придавать ее народу несколько отличный от африканского типа внешний характер.

Но если допустить отсутствие этих вещей - полное исчезновение кавказской иннервации и абсолютную изоляцию негра, как в Африке, - то в тропиках, в том же климате, на тех же почвах, словом, в тех же обстоятельствах, что и в Африке, конечно, негритянский тип, негритянская природа, негритянское существо будут такими же, какими они всегда были и есть в Африке. На побережье, где он вступает в контакт с белым человеком, где в его жилах течет белая кровь и где он в какой-то степени сохраняет привычки высшей расы, сохраняются традиции и исторические воспоминания о своих прежних хозяевах. Но во внутренних районах страны, где неграм позволено жить своими африканскими наклонностями, они утратили всякое представление о событиях семидесятилетней давности. История, религия, даже французский язык исчезли, а на их месте остались обизм и африканские диалекты, в то время как, вероятно, ни один из тысячи не имеет никакого представления, знания или воспоминания о *Кристофе, Дессалине* или других пресловутых вождях, которые чуть более полувека назад наполнили остров ужасом от своих имен. Как уже было замечено, полное уничтожение кавказской иннервации и абсолютная изоляция негров в Хайти с необходимостью приведут к полному африканизму, и к этому, к этой окончательной кульминации савагизма, сейчас неизбежно направлена вся британская и европейская политика. Правда, существование белого правительства за счет простого соседства, а также престижа власти, сдерживает сильные тенденции к африканизму, но политика - официальное трудоустройство негров, всегда имеющее при монархическом режиме социальную значимость, - мощно разлагает белую кровь и побуждает к слиянию, чтобы, конечно, потянуть за собой неизбежное вымирание беспородного потомства, которое Всевышний предписал всегда и везде.

Таким образом, британская политика "борьбы с рабством" стремительно и постоянно ведет к реставрации африканизма, к дикости, к созданию могучего варварства в самом сердце

американского континента, к установлению огромного язычества, которое распространится на пятьдесят градусов самой плодородной и красивой части Нового Света. Таково законное завершение этого широко распространенного заблуждения современности, которое вовлекает в свои роковые и чудовищные объятия множество честных и благонамеренных людей, и хотя оно уже причинило столько зла, что измерить его почти невозможно, и ни разу, прямо или косвенно, не принесло ни малейшего блага, в данный момент оно грозит причинить миру еще большее зло, чем те, которыми оно его прокляло до сих пор. Процесс, с помощью которого создаются все эти беды, не может и не должен быть ошибочным - человек может бежать и читать его, и даже глупец может понять его. Он заключается в следующем: 1-е. Догма о единственной расе - что негр - это *черно-белый* человек. 2d. Политика Питта "против рабства", номинально направленная на прекращение "работоторговли". 3d. "Эмансипация" - белые и негры объявлены равными. 4-е. Политика европейских правительств, направленная на возвышение негров и угнетение белых, вызывающая социальное равенство и последующую амальгамацию. 5-е. Поглощение белой крови дворняжками. 6-е. Стерильность и вымирание смешанного элемента. 7-е. Восстановление африканского типа и последующий савагизм - огромное язычество, более того, сама Африка буквально вознесена и посажена в центре Нового Света - таким образом, прямо на пути американской цивилизации воздвигается могучее варварство, которое, будучи союзником или орудием европейских монархистов, будет отбивать волны демократии, сбивать рост и ограничивать мощь американской республики.

Свободный негр" в нашей среде погибает; но в тропиках, в своем собственном климате, он отравляет и уничтожает белую кровь, а затем возвращается к присущему ему органическому африканизму, к которому его быстро подталкивает британская "политика борьбы с рабством". Если бы эта политика когда-нибудь увенчалась успехом - если бы пятьдесят градусов широты в самом сердце этого континента когда-нибудь навсегда перешли в руки свободных негров или были заняты огромным варварством, которое не только превратило бы самую прекрасную часть Нового Света в бесплодную пустошь, но и прервало бы тот великий закон прогресса, который побуждает нас двигаться вперед, нести нашу систему, нашу республиканскую идею правления и нашу цивилизацию на весь "безграничный континент", тогда, действительно, друзья свободы могли бы отчаиваться в будущем. Но не может быть, чтобы поднимающаяся цивилизация Америки была таким образом сломлена монархистами Старого Света. Закон прогресса - национального роста, самой необходимости, - который привел нас к Мексиканскому заливу и Тихому океану, будет и дальше двигать нас вперед и восстанавливать быстро гибнущую цивилизацию великого тропического центра континента. Все гуманные и добрые люди желают, чтобы этот грандиозный результат был достигнут моральными причинами, разоблачением чудовищного заблуждения в отношении негров, которое породило столько зла; но либо через обращение к разуму, либо через меч, через действие естественных причин или через кровопролитие и национальные страдания - конечным результатом *должно* стать восстановление негра до его нормального состояния и, как следствие, восстановление цивилизации в самой лучшей части нашего великого континента.

ГЛАВА XXIV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

На предыдущих страницах этой работы было показано, как провиденциальное устройство человеческих дел, при котором негр оказался в естественном соседстве с белым человеком, привело к свободе последнего и общему благополучию обоих. Было показано, как подчиненный и сильно отличающийся от других социальный элемент в Вирджинии и других штатах естественным образом породил новые идеи и новые формы мышления, которые, отбросив ментальные привычки и политические понятия, принесенные из Старого Света, естественным образом достигли кульминации в великой идее 1776 года и установлении нового политического существования, основанного на естественном, органическом и вечном равенстве расы. Кроме того, мы видели, как великая гражданская революция 1800 года, которая под руководством г-на Джефферсона восстановила чистоту и простоту республиканских принципов, спасла трудящиеся и производящие классы Севера от власти олигархии, в противном случае неизбежной, как бы она ни маскировалась под республиканскими формулами.

Нет необходимости обращаться к политической истории страны с 1800 года, чтобы продемонстрировать жизненно важное значение - более того, безмерную пользу того, что в результате абсурдного извращения терминов было названо негритянским рабством, для свободы, прогресса и процветания трудящихся и производственных классов Севера, да и всего человечества. Как видно, существование низшей расы - наличие естественного субстрата в политическом обществе Нового Света - привело созданию нового политического и социального порядка и избавило производящие классы от той унижительной зависимости от капитала, которая в Европе, и особенно в Англии, делает их просто грузными животными для части своих братьев. Простой, но трансцендентный факт, что капитал и труд объединены на Юге, что плантатор, или так называемый рабовладелец, *сам по себе* и по необходимости является защитником прав производящих классов, - этот простой факт является ключом к нашей политической истории и смысловым стержнем нашей партийной политики вот уже полвека.

Южные плантаторы и северные фермеры - производящие классы - южное большинство и северное меньшинство - управляли страной, сражались во всех битвах, приобрели все территории и шаг за шагом привели нацию к ее нынешнему положению силы, мощи и величия. Столь же неуклонно северное большинство и южное меньшинство противостояли этому прогрессу и слепо трудились, несомненно, чтобы вернуться к системе федералистов, фактически к европейской идее классовых различий, и превратить правительство в инструмент для выгоды немногих за счет многих.

Они пытались создать национальные банки; требовали льгот для тех, кто занимается мануфактурой; для тех, кто занимается северными промыслами; в интересах групп джобберов и спекулянтов, под предлогом внутренних улучшений; короче говоря, северное большинство постоянно трудилось над тем, чтобы сделать правительство, как в Англии, инструментом для выгоды классов за счет основной массы народа.

Однако все эти усилия потерпели поражение благодаря объединению производителей Севера и Юга, и главным образом последних. Значительное большинство голосов в Конгрессе против специального законодательства и коррупционных схем принадлежит так называемым рабовладельцам; и в тех исключительных случаях, когда северные представители сельскохозяйственных избирательных округов оказывались неверными, и эти схемы "работали" через Конгресс, "рабовладельцы" в президентском кресле накладывали

вето и спасали трудящиеся и производящие классы от этого опасного законодательства, а правительство - от превращения в инструмент зла.

Такова наша политическая и партийная история, и, исходя из природы и необходимости вещей, каждое "расширение рабства" или каждое расширение территории должно в будущем, как и в прошлом, укреплять дело производящих классов и придавать больший размах и силу американской идее правительства.

Приобретение Луизианы, Флориды, Техаса и т.д., этих великих производящих штатов на побережье Персидского залива, почти подавило антиреспубликанские тенденции Севера и сделало почти бессильными те комбинации капитала и спекуляции, которые всегда ставили под угрозу чистоту и простоту нашей республиканской системы, а значит, права и безопасность трудящихся и производящих миллионов повсюду.

Действительно, это истина, простой факт, который нельзя повторять слишком часто, что в точной пропорции к количеству или степени так называемого "рабовладения" - количеству негров в их нормальном состоянии - свобода становится безопасной для белых миллионов Севера. И когда со временем Куба, Центральная Америка и весь тропический центр континента будут присоединены к Союзу и поставлены в такое же отношение к Нью-Йорку и Огайо, как Миссисипи, Алабама и т. д., то очевидно, что демократическая или американская идея правительства будет надежно установлена навсегда, а права и интересы миллионов производителей, которые не просят от правительства ничего, кроме защиты, больше не будут подвергаться опасности со стороны тех антиреспубликанских тенденций, которые на Севере так долго противоречили естественному развитию нашей системы и так долго и яростно боролись против ее существования.

Если бы свобода и процветание белого человека основывались на несправедливости или угнетении негров, то это было бы бесполезно, так как Всевышний, очевидно, задумал, чтобы всем Его созданиям было позволено жить той жизнью, к которой Он их приспособил. Но если рассмотреть все факты и сравнить негритянское население Юга с любым другим представителем своей расы в настоящее время или в любое другое время в истории человечества, то становится ясно, что, если рассматривать их относительно, то они, возможно, получают даже большее благо, чем белое население.

Попытки, как было показано, изменить естественный порядок вещей - заставить негра занять место белого человека - не просто неудачны, а ужасающе жестоки - жестоки, которые у нас заканчиваются вымиранием этих бедных существ, а в тропиках уничтожают белого человека и ввергают негра в варварство.

В заключение, таким образом, ясно, или будет ясно каждому уму, постигающему факты этого великого вопроса, с индуктивными фактами или неизбежными умозаключениями, которые к ним относятся, что любой американский гражданин, партия, секта или класс среди нас, настолько ослепленный, озадаченный, и одержимый чуждыми теориями и ложными умственными привычками, чтобы бороться за "свободу" негров, чтобы принизить свою собственную расу или вырвать негра из его нормального состояния, является врагом обоих, предателем своей крови и враждует с постановлениями Вечного.

КОНЕЦ.

1. Исправлены опечатки и орфографические ошибки.
2. Анахроничные, нестандартные и неопределенные написания сохранены в том виде, в котором они были напечатаны.